

В год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945) Российская академия образования, принимая во внимание высокое нравственное, патриотическое, историческое значение этой даты, подготовила трехтомное издание о состоянии всех уровней системы образования, деятельности педагогов, помощи педагогической и психологической наук фронту, бойцам и мирному населению, прежде всего детям и подросткам. Материалы, подготовленные на основе архивных документов, нормативных актов, военной периодики и трудов ученых, подкрепляются мемориальными свидетельствами, воспоминаниями участников грозных событий тех лет, интервью и трогательными семейными историями.

Издание адресовано ученым, педагогам, обучающимся на всех уровнях образования, а также всем интересующимся героической историей Родины, подвигом науки и учительства, детей и молодежи в годы Великой Отечественной войны.

II СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ, ПЕДАГОГИ И ДЕТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ, ПЕДАГОГИ И ДЕТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Дети и педагоги в годы
Великой Отечественной
войны

II

Российская академия образования

**СИСТЕМА
ОБРАЗОВАНИЯ,
ПЕДАГОГИ И ДЕТИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ**

В ТРЕХ ТОМАХ

Том 2

**Дети и педагоги
в годы Великой
Отечественной войны**

УДК 94(47).084.8(37)
ББК 63.3(2)622
С40

*Проект реализован при поддержке Фонда «История Отечества»
и Российского исторического общества*

Научный консультант проекта:
Васильева О. Ю., доктор исторических наук, профессор, академик РАО
Руководитель проекта:
Иванова С. В., доктор философских наук, профессор, академик РАО
Координатор проекта:
Елкина И. М., кандидат педагогических наук
Соорганизаторы (том 2):
Садовникова Ж. В., кандидат педагогических наук;
Уба Е. В., кандидат педагогических наук;
Фроленкова И. Ю., кандидат философских наук

Рецензенты:
Киселев А. Ф., доктор исторических наук, профессор, академик РАО;
Мальшева Е. М., доктор исторических наук, профессор

С40 Система образования, педагоги и дети в годы Великой Отечественной войны: в 3 т.
Том 2. Дети и педагоги в годы Великой Отечественной войны / под науч. ред.
О. Ю. Васильевой, под общ. ред. С. В. Ивановой. — М. : Фонд АНО «Центр «Наследие»,
2025. — 256 с.: ил.

ISBN 978-5-6053251-1-6
ISBN 978-5-6053251-4-7 (т. 2)

В год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945) Российская академия образования, принимая во внимание высокое нравственное, патриотическое, историческое значение этой даты, подготовила трехтомное издание о состоянии всех уровней системы образования, деятельности педагогов, помощи педагогической и психологической наук фронту, бойцам и мирному населению, прежде всего детям и подросткам. Материалы, подготовленные на основе архивных документов, нормативных актов, военной периодики и трудов ученых, подкрепляются мемориальными свидетельствами, воспоминаниями участников грозных событий тех лет, интервью и трогательными семейными историями. Издание адресовано ученым, педагогам, обучающимся на всех уровнях образования, а также всем интересующимся героической историей Родины, подвигом науки и учителя, детей и молодежи в годы Великой Отечественной войны.

УДК 94(47).084.8(37)
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-6053251-1-6
ISBN 978-5-6053251-4-7 (т. 2)

© Российская академия образования, текст,
2025
© Коллектив авторов, текст, 2025
© АНО «Центр «Наследие», оригинал-макет,
издание, 2025

Содержание

<i>Васильева О. Ю.</i> Вступительное слово	7
---	---

РАЗДЕЛ I. БЛОКАДНЫЙ ЛЕНИНГРАД

<i>Милова И. А., Расчетина С. А.</i> Социальная катастрофа детства: портреты ленинградских детей и педагогов в годы блокады	10
---	----

<i>Федорова Н. М.</i> Героизм детей блокады	24
--	----

РАЗДЕЛ II. СУДЬБЫ ДЕТЕЙ НА ОККУПИРОВАННЫХ ФАШИСТАМИ ТЕРРИТОРИЯХ

<i>Стрельников М. А.</i> Преступления немецко-фашистских захватчиков против детства на временно оккупированной территории Сталинградской области в 1942–1943 гг. (по материалам Управления ФСБ России по Волгоградской области)	30
--	----

<i>Апажеева Е. Х.</i> Фашистская оккупация: история одной семьи (по воспоминаниям матери Антонины Тутовны Кешевой)	40
---	----

РАЗДЕЛ III. ДЕТИ — ФРОНТУ. ДЕТСТВО В ТЫЛУ

<i>Дамдинов А. В., Убеева О. А., Санжиева Т. Е., Шойдонова А. М.</i> О детях Бурятии в годы Великой Отечественной войны	44
--	----

<i>Шукшина Т. И.</i> Социальная защита эвакуированных детей и подростков на территории Мордовии в годы Великой Отечественной войны	63
---	----

<i>Горячев Н. Е., Надькин Т. Д.</i> Детская повседневность в сельской местности Мордовии в годы Великой Отечественной войны	79
---	----

<i>Садовникова Ж. В., Молотов К. С., Кнор С. Ю.</i> Дорогомиловские мальчишки	88
--	----

<i>Агеева В. А.</i> Воспитание гражданственности и мужества: школьники Дона, Кубани и Ставрополя в годы Великой Отечественной войны	93
--	----

<i>Павленко Г. К.</i> Подвиг учащихся трудовых резервов Урала в Великую Отечественную войну	99
<i>Разинков С. Л., Ларионова М. Б., Захаровский Л. В., Осипова И. В.</i> Трудовой подвиг учащихся железнодорожных, ремесленных училищ и школ ФЗО Свердловской области в годы Великой Отечественной войны	106
<i>Павленко В. Д.</i> Тимуровское движение на Урале в годы Великой Отечественной войны	122
<i>Околотин В. С.</i> Специфика заботы о детях, эвакуированных в Ивановскую область в 1941–1942 гг.	129
<i>Вахрушева Н. А., Чумаченко Т. А.</i> Организация жизни и образования эвакуированных детей в Челябинской области в годы Великой Отечественной войны	148
<i>Фомина Н. Н.</i> Художественное творчество детей в годы Великой Отечественной войны	158
РАЗДЕЛ IV. ПЕДАГОГИ НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ	
<i>Овчинников А. В.</i> Подвиг советского учителя на фронте и в тылу (по материалам советской периодической печати)	180
<i>Гукаленко О. В., Фроленкова И. Ю.</i> Педагоги — герои Победы	202
<i>Гукаленко О. В., Фроленкова И. Ю.</i> Уроки мужества: педагоги в годы Великой Отечественной войны	215
<i>Фроленкова И. Ю.</i> Значение преемственности поколений для воспитания детей и молодежи в годы Великой Отечественной войны и после ее окончания	227
<i>Куровская Ю. Г.</i> О героизме женщин-педагогов в годы войны (по материалам советской периодической печати)	242
Список сокращений	252
Сведения об авторах	253

Вступительное слово

Второй том монографии Российской академии образования, созданной коллективом ученых — педагогов и психологов к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, посвящен выявлению, восстановлению и сохранению исторической правды о событиях тех трагических лет.

Во все времена силу духа нашего народа питала искренняя и безграничная любовь к Родине. За Победу была заплачена самая высокая цена — жизни миллионов людей. На протяжении всей войны наши деды и прадеды, бабушки и прабабушки совершали ежедневный подвиг — трудовой или ратный, неизменно приближая разгром фашизма. И именно из таких героических поступков, из нравственного выбора каждого человека складывается многовековая история России.

Второй том, «Дети и педагоги», включающий архивные документы, музейные материалы, тексты периодической печати того времени, интервью и воспоминания участников войны, освещает особенности жизни военного периода, примеры героизма детей и педагогов в суровые военные годы.

Камертоном книги выступают сложные, трагические судьбы детей и педагогов в блокадном Ленинграде и на оккупированных территориях. Люди, прошедшие блокаду, — это люди с внутренним стержнем; люди кристальной чистоты; люди, отчетливо понимавшие всю степень своей ответственности перед своей Родиной и своим народом. И дети тоже были гражданами своей страны, борцами с врагом и победителями в этой страшной войне.

Величайшую ценность имеют материалы о трагических судьбах оккупированных фашистами территорий (Сталинградская область) и отдельной семьи, показывающие беспрецедентную жестокость нацистской политики на территории нашей страны.

Огромной важностью обладают исследования, посвященные истинной гражданственности и бесценном вкладе в Победу детей в тылу: в частности, в Адыгее, Бурятии, Мордовии, Ивановской области, на Урале, на территории Дона, Кубани и Ставрополя и др.

Несомненно, внимания заслуживают материалы музея боевой славы «Ради жизни на Земле» о дорогомилловских мальчишках, московских

учениках, ветеранах-ополченцах, доблестно сражавшихся с фашистскими захватчиками, и о боевом пути 21-й дивизии Народного ополчения, начавшегося на школьной скамье и закончившегося в 1945 г. в Берлине.

В нашем труде характеризуется и художественное творчество детей в годы войны. Так, на основе Международного собрания детского рисунка Российской академии образования и судьбы одного из участников выставки показана история Всесоюзной выставки детского рисунка 1946 г., представившей творчество детей Советского Союза того времени; описано творчество Ирины Барабошиной — девочки из блокадного Ленинграда, пережившей войну и сохранившей свои рисунки 1946 г.; раскрыт образ войны в творчестве детей Испании (1936–1939) и Китая (1930-е).

Особую значимость имеют материалы, описывающие героическое предназначение педагога, прошедшего тяжелые годы войны. Это и работа с детьми, оставшимися без родителей, в тылу, в эвакуации, и налаживание привычной работы школы, и фронтовые подвиги. Большинство педагогов в первые дни войны ушли на фронт и погибли на передовой, став символом мужества и самоотверженности.

Бесценен вклад в Победу династий педагогов-защитников, подвиги и жертвы которых формируют уникальную культурную и образовательную традицию, которая продолжает жить и развиваться в современном обществе.

Большое значение имеет исследование, посвященное педагогам — Героям Советского Союза, которые не только внесли существенный вклад в победу над фашизмом, но и оставили глубокий след в сердцах своих учеников, формируя новое поколение, готовое стоять на страже интересов Родины.

Мы бережно храним память обо всех защитниках нашей страны — взрослых и детях, обо всех, кто вносил свой посильный вклад в великую Победу. Наши исследования — это знак нашего глубочайшего уважения им за верность гражданским идеалам и любовь к родной земле, за мужество в служении Отчизне в борьбе за ее безопасность и процветание.

*Президент РАО, академик РАО
О. Ю. Васильева*

Раздел I

Блокадный Ленинград

И. А. Милова, С. А. Расчетина

Социальная катастрофа детства: портреты ленинградских детей и педагогов в годы блокады

Дети

В науке существуют различные концепции в понимании детства и его специфики. Современные авторы полагают, что детство представляет собой период активного социального «развертывания» растущего человека, его личностного «вызревания», которое протекает при непосредственном участии взаимодействующего с ним значимого взрослого. В процессе взаимодействия реализуется процесс саморазвития ребенка: с одной стороны, потребность в самореализации (проявление и самоутверждение себя среди других), с другой — потребность в социализации (возможность «вписаться» в мир и найти в нем свое место) [3]. Детство понимается не как подготовка к жизни (лишь небольшой этап на пути ко взрослости и полноценному включению в общество), а как сама жизнь. При этом мы, взрослые люди, не можем отменить или заставить исчезнуть смерть, болезни, природные и семейные катастрофы, однако мы можем помочь ребенку их пережить, прожить вместе с нами так, чтобы его собственная жизнь не прерывалась и беды становились опытом и частью школы жизни [7, с. 9]. Забегая вперед, можно предположить, что именно это стало миссией педагога в период блокады Ленинграда.

Социально опасная ситуация ребенка блокадного Ленинграда

Очевидно, детство ребенка в блокадном Ленинграде протекало в непривычных для жизни человека условиях. Условно все представленные в научных источниках характеристики общественной ситуации можно разделить на две категории: реальные факторы блокадной ситуации и личностные факторы (способы их восприятия и переживания ребенком блокадного города, отражающие реакцию ребенка на происходящее). Выделим некоторые социальные условия, в которых вырос ребенок блокадного Ленинграда.

Ситуация 1: артобстрелы. В период блокады существовала острая необходимость постоянного перемещения в бомбоубежища и длительного нахождения в нем, зачастую без еды и воды, на холоде. Такие передвижения нередко происходили во время занятий и уроков в детских образовательных учреждениях, что отражалось на процессе обучения. Именно о бомбежках зачастую дети и педагоги писали в своих дневниках и отчетах, как о чем-то обыденном и уже привычном. Примеры:

- из дневника-отчета директора школы № 33 Василеостровского района Бочаровой в первый учебный год блокады Ленинграда (20 ноября 1941): «Учителя имеют двойной план работы: один — на случай бомбежки для занятий в бомбоубежище, другой — при условиях спокойного дня. Сегодня пришлось вести часть занятий в бомбоубежище. Разделились на группы и не мешали друг другу. Такое мероприятие переключило внимание детей от бомбежки на учебу» [13];

- из «Героические будни. Заметки о работе с детьми в Ленинграде в годы блокады. 1941–1943»: «Этот строй учебной жизни все же часто нарушался. Сигнал тревоги — и дети, строясь парами в колонки, ходили в убежище или прекращали занятия, потому что бомбоубежище занималось взрослыми. Отбой воздушной тревоги — и дети, занимавшиеся в бомбоубежище, выходили на прогулку в сопровождении учителей и дежурных родителей. Помещение тем временем проветривалось, дети возвращались, и уроки продолжались» [17].

Ситуация 2: холод. В Ленинграде остро встала проблема, связанная с отсутствием возможности обогрева помещений, нехваткой материалов для обогрева. Это усложняло выживание в домах, продолжение обучения детей в детских садах и школах. Воспоминания А. Виленчик и Н. Скворцова (учеников 7-го класса 239-й школы), Т. Капицы (ученицы 9-го класса 239-й средней женской школы Октябрьского района г. Ленинграда) из собрания материалов К. В. Ползиковой-Рубец «Школа Ленинграда в дни Великой Отечественной войны в воспоминаниях учащихся» (Ленинград, 1949): «Придешь, бывало, в школу, а в классе темно, холодно, как в погребе. За ночь чернила промерзли до дна. Возьмешь чернильницу в руки и начинаешь дуть, чтобы отогреть ее своим дыханием. Только перестанешь дуть, она опять покроется ледяной коркой» [14].

Ситуация 3: голод. Количество калорий, потребляемых детьми в соответствии с указанным рационом, было значительно ниже нормы — практически в 4 раза. Согласно имеющимся данным, месячной нормой продовольственного снабжения детей до 12 лет мясом и мясными продуктами на 12 сентября 1941 г. стало 1500 г, крупой и макаронами — 1200 г, сахаром и кондитерскими изделиями — 1700 г, жирами — 500 г. В декабре 1941 г. месячный рацион, состоящий из мяса и мясных продуктов, для детей до 12 лет снизился до 400 г: в том числе в первой декаде декабря снабжение составляло 100 г, во второй декаде — 150 г,

третьей — 150 г. Соответственно, суточный рацион питания детей блокадного Ленинграда до 12 лет в декабре 1941 г. был следующим: хлеб — 125 г, жиры — 16,6 г, мясо — 13,2 г, сахар и кондитерские изделия — 40 г, крупа — 40 г. Итого суточный рацион составлял 234,8 г (684 калории) [10]. Согласно современным данным, норма потребления калорий детьми младшего школьного возраста (7–10 лет) составляет в среднем 2400 ккал в сутки, детей в возрасте 11–13 лет — около 2850 ккал в сутки.

Отметим, что у детей, посещавших ясли или детский сад либо находившихся в детском доме, было больше шансов на спасение, чем у детей, оставшихся в семье. Многие родители (чаще всего, сами матери) стремились, понимая неизбежность приближающейся смерти, передать ребенка в какое-либо государственное детское учреждение, чтобы дать шанс своему ребенку на выживание [18]. Часто родители передавали вместе с ребенком личные вещи (документы, записи об особенностях поведения и здоровья, чистое белье, игрушки) и доносили анонимно в дальнейшем детские хлебные карточки.

Ситуация 4: смерть. Ребенок блокадного Ленинграда был окружен смертью. Погибали близкие и незнакомые люди, взрослые и дети, друзья. Зачастую ребенок оставался один и был вынужден сам искать или ждать спасения. Огромную травму пережили дети, которые увидели смерть. Приведем фрагмент из воспоминаний Зои Гушиной, ученицы 6-го класса: «Я беру кастрюли и направляюсь за водой. На площадке под ногами труп с раскинутыми руками. <...> На улице тихо. Ни трамваев, ни весело катающихся на коньках ребят. Пройдет женщина, везя на санках завернутого в простыню покойника. Люди идут, понуриив голову, истощенные, худые. Я невольно закипаю злобой на немца...» [14].

Лексика

Социальную ситуацию развития ребенка блокадного Ленинграда характеризует лексика, которой пополнился словарный запас детей этого времени: понятными и хорошо знакомыми для детей всех возрастов стали слова «воздушная тревога», «эвакуация», «бомбежка», «бомбоубежище» и др. Как пишут Д. Л. Цветов и Н. В. Гончарова [19], в этот период произошел определенный «откат» от цивилизованного города к бытованию людей в условиях средневекового города-крепости с постоянным ожиданием военных атак, страхом голода, пожаров, антисанитарии и холода.

Портрет ребенка блокадного Ленинграда (некоторые характеристики личности)

Источники описывают образ ребенка блокадного города как истощенного, напуганного, слишком рано познавшего тяготы жизни. Например, В. Г. Ананьева пишет о детях блокадного Ленинграда как об «умудренных жизнью, преждевременно хлебнувших от горькой чаши страданий»,

свидетелях «варварских, чудовищных преступлений, чинимых врагами человечества», которые в то же время «уже с детства знают, что на их поколение Родина возлагает серьезнейшую обязанность восстановить разрушенное, создать новые очаги труда, творчества и радостной жизни» [14]. Анализ архивных материалов, характеризующих блокадное детство, позволяет выделить ряд характерных черт, которые можно отнести к портрету ребенка блокадного Ленинграда.

Детская опустошенность. Ученые подчеркивают, что достаточно сложно охарактеризовать ту ситуацию, которая произошла с ребенком блокадного Ленинграда. С течением времени многие дети словно перестали быть детьми. В воспоминаниях педагогов имеются заметки о том, что дети возвращались в школу без привычных для детского возраста жизнерадостности, веселья и непоседливости, были вынуждены отказаться от игр и забав на фоне сильного истощения, артобстрелов, холода и необходимости у более старших детей заниматься изнурительным трудом (возможность поиграть с детьми в течение дня без спусков в бомбоубежище и других сложностей рассматривалась педагогами как удача). Примеры записей педагогов о возвращении детей в школу после небольшого перерыва в обучении в 1941 г.:

- педагог С. Н. Саговская писала: «Дети вернулись в школу бесшумно, без обычного детского крика и смеха, без шалостей, так свойственных детскому возрасту. Все их интересы сосредоточиваются на мысли о том, чем и скоро ли их накормят» [14];

- запись учительницы 113-й школы: «Детей явилось много. Много печального мы узнали от них: поумирали наши ребятки, некоторые семьи вымерли целиком. Да и эти-то, оставшиеся, прибрели в школу чуть живые: ни смеху, ни беготни, как бывало прежде. <...> Через 20 дней впервые подрались два мальчугана. Этой драке, как ни странно, мы все радовались, как празднику: в детях, значит, пробуждалась жизнь. А в июне девочки принесли мячики, мальчики начали ими метать — одним словом, жизнь школьная потекла по-старому» [20].

Быстрое взросление. Детям было необходимо действовать и принимать самостоятельные взрослые решения в экстремальных условиях. Быстрое взросление проявлялось в различных аспектах:

- расширение знаний детей о войне (снарядах, видах снаряжения, военных действиях). Появление у детей «недетских» знаний отражено в воспоминаниях Аллы Гурбановой, ученицы 10-го класса, о зиме 1941/1942 г.: «Когда воздушные тревоги стали более продолжительными, уроки проводились в бомбоубежище. В глубине часто доносились глухие удары, от которых содрогалось все здание школы, — значит, где-нибудь недалеко упала бомба. Мальчики сразу же определяли, какая это бомба, где она упала, а вскоре и девочки усвоили все звуковые особенности падения и разрыва бомб» [17];

- взятие на себя взрослых обязанностей (уход за больными и ослабевшими родственниками, приготовление пищи, добывание воды, топка печей, ремонт помещений, дежурства в школе и др.) [8];

- забота о младших: дети постарше заботились о младших братьях и сестрах, трудились, чтобы взять опеку над ними, успокаивали малышей в бомбоубежищах при обстрелах. Девочка Оля в возрасте 12 лет жертвенно отдавала пятилетнему брату свою порцию еды, чтобы помочь ему выжить в голодное время [1, с. 240]. Одиннадцатилетний Митя шел сутки с Охты на Петроградскую для того, чтобы передать младшего четырехлетнего брата и его детскую хлебную карточку в дом малютки. При этом, выполнив свой долг, Митя собирался уже уходить, однако сотрудники детского дома приютили обоих братьев [21];

- формирование самостоятельности в принятии решений (особенно ярко это проявлялось, когда ребенок оставался сиротой и был вынужден сам найти пути своего спасения, научиться распределять продовольствие).

Сплоченность и чувство ответственности за других. Тяжелые условия военного и блокадного времени создали почву для объединения людей. Это отразилось на взаимоотношениях детей друг с другом и с педагогами. Дети нередко чувствовали близость, были откровенны друг перед другом. Об этом свидетельствуют следующие воспоминания учащихся 239-й школы: «Наш класс очень сдружился за это время. Мы вместе учили уроки, объясняли неясное тем, кто плохо понимал, следили, чтобы ребята не пропускали занятий. Нас было всего 12 человек, но мы всегда были вместе. Весной мы всем классом ходили на ступенях Исаакиевского собора греться на солнышке» [14].

Сплоченность людей блокадного Ленинграда проявлялась во многом, но особо поражает отношение детей к близким, в частности к семье. Так, многие дети, посетив новогоднюю елку в первую блокадную зиму, отнесли домой свои подарки, чтобы разделить их с членами своей семьи: «После обеда В. В. Бабенко, тогда завуч школы, раздавала подарки: “фунтики” из белой бумаги (они весили 250 граммов). В них было 5 штук печенья, один кусочек шоколада, изюм и миндаль. После этого все, очень довольные обедом и подарками, отправились домой. Малыши прижимали свои “сокровища” к груди, боясь за их целостность... Дома мы всей семьей сели пить чай. На столе горела коптилка, но самовар и мои сладкие подарки делали вечер праздничным. Как хорошо, что нам устроили этот праздник! Стало бодрей и веселей на душе!» (воспоминания Ирины Терехиной, ученицы 7-го класса) [14]. Этот фрагмент отражает и то, какая выдержка была у детей блокадного Ленинграда, сумевших донести до дома еду, о которой так долго мечтали, и поделиться ею с семьей.

Сила воли. В связи с тем, что детство ребенка блокадного Ленинграда протекало в экстремальных условиях, у детей формировались

качества, которые в спокойной и размеренной жизни не всегда зарождаются у взрослого человека. Ребенок во время блокады нередко отличался особенной силой воли, которая проявлялась во многом. Например, С. Н. Саговская вспоминает: «А вот картинка из повседневной жизни того же ребенка. На маленьком стульчике перед огнем топящейся “буржуйки” сидит Катюша. Она голодна, страшно голодна. Мы знаем это по тому, как облизывает она губенки, шлепает ими, но молчит. Никогда ни разу не попросила она, чтобы ей дали есть, сидит и ждет, когда ей, наконец, дадут ее долю. Удивительная выдержка! Далеко не каждый взрослый умел так владеть собой, как эта маленькая четырехлетняя ленинградка. Или общий режим, царивший в нашей семье, сказывался так на ней?» [17]. «Воля учеников закалялась не только в учебных занятиях, но и в напряженном физическом труде. Все обслуживание школы в эти годы — от топки печей до откачивания воды из бомбоубежища — проводилось учениками и учителями» [20].

Мужество. Выделим ряд проявлений мужества ребенка блокадного Ленинграда:

- стойкость и непоколебимость перед лицом смерти (ребенок мог остаться один из всей семьи, при этом сохранять в себе любовь к миру, Родине и людям, не поддаваясь страху и отчаянию);
- совершение героических поступков (дети совершали ежедневные подвиги наравне со взрослыми: ухаживали за ранеными, тушили зажигательные бомбы, дежурили в школе, добывали продовольствие и воду, защищали и оберегали младших ребят и близких людей);
- труд (дети так же, как и взрослые, трудились на предприятиях и заводах, ходили на разборы зданий, носили воду и дрова);
- участие в защите города и Родины (многие ребята вместе со взрослыми участвовали в строительстве укреплений и противовоздушной обороне);
- вера в победу (мужество детей блокадного Ленинграда проявлялось еще и в том, что они безусловно верили в победу над врагом и вкладывали все свои силы в помощь фронту и другим ленинградцам).

Валя Петерсон, ученица 8-го класса, в своем дневнике 15 декабря 1941 г. сделала следующую запись: «Пока сидишь в школе, о еде не думаешь, а как придешь домой, сосет под ложечкой. А впереди еще не одна трудность, а что делать? Слезами не поможешь. Приходится все переносить. Ведь пока еще не такой уж страшный голод. Надо все-таки учиться как можно лучше и добросовестнее. Надо мужаться, быть выносливой и силой воли подавить ужасы голодной смерти. Другого выхода нет...» [14]. Это один из многих примеров истинного мужества детей блокадного Ленинграда.

Любознательность, заинтересованность в получении новых знаний. Известно, что с наступлением блокады Ленинграда многие школы

были превращены в эвакуопункты и госпитали. Классы не отапливались с наступлением зимы (особенно первой блокадной), а школы нередко подвергались артобстрелам. Несмотря на это, многие школьники были заинтересованы в том, чтобы продолжать посещать занятия, а также поддерживать здание школы в хорошем состоянии. Далее представлены фрагменты из дневника-отчета директора школы № 33 Василеостровского района Бочаровой в первый блокадный учебный год [16]: «Ребята все же собираются в школе ежедневно, просят давать задания и консультации, что мы и делаем. Здание совсем не отапливается» (8 февраля 1942 г.); «Ребята носят воду для столовой и продолжают ходить на консультации» (15 февраля 1942 г.); «Ребята усердно готовят домашние задания, несмотря на отсутствие электрического освещения, говорят, что приспособились с коптилками» (20 февраля 1942 г.); «Занимаются ребята с удовольствием. Большое внимание уделяется политико-массовой работе. Начали заниматься кружки литературы, физики, химии и группы МПВО» (9 мая 1942 г.).

Стихотворения Люси Орловой, ученицы 8-го класса 33-й школы, подтверждают выделенные признаки ситуации блокадного города: с одной стороны, холод, голод, обстрелы («и мечтают об обеде ученик и педагог»; «с благодарностью съедаешь суп холодный иногда», «то обстрелы, то тревоги от занятий оторвут»); с другой стороны — чувство ответственности («дома тоже дел хватает: нужно воду принести и, хоть руки замерзают, постирать и подмести»; «мы не бросили ученья и зимой ходили в класс»; «не дремала и работа»; «всем, чем можно, помогали нашей Армии родной») [4, с. 167].

Учителя

Педагог как «значимый другой» предстает перед ребенком блокадного города в двух ипостасях: как учитель-предметник, актуализирующий умственные способности ребенка, помогающий ему усвоить содержание урока; и как личность, обладающая ценностно-смысловым содержанием, особыми качествами, осмысливая которые, ребенок лучше понимает себя. В экстремальных пограничных ситуациях для ребенка особую роль начинают играть нравственные характеристики педагога, они выступают важным внутренним условием его жизнестойкости перед лицом социальных угроз. Предметная (урочная) деятельность в этом случае укрепляет уверенность в возможности преодолеть ситуацию (учиться, несмотря ни на что). М. Ю. Поволоцкая писала: «Все, что мы делали, было направлено на то, чтобы в условиях блокады дать ученикам хоть какие-то знания, отключить их мышление от тяжелой войны и выпавших на их долю мучений и заставить их переключиться на усвоение рассказанного» [14]. Согласно имеющимся данным, представленным в исследованиях Л. Л. Газиевой [2], именно педагоги заняли значительное

место в спасении детей блокадного Ленинграда. О данном факте свидетельствует целый пласт документов, среди которых уникальные дневники, записные книжки, стенограммы свидетельств женщин-педагогов блокадного Ленинграда. Приведем примеры.

Л. Л. Газиева представила в своей работе фрагмент письма Л. Д. Галуткиной (заведующей детским домом № 115) председателю исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся П. С. Попкову. Данный фрагмент письма ярко иллюстрирует систему мер, которая предпринималась для спасения детей в период блокады Ленинграда; цели, которые ставили перед собой педагоги в воспитании детей. В письме заведующая детским домом № 115 сообщала: «В 1942 г. 29 марта наши ясли 165-го Ленинградского полигона при артобстреле были разбиты вражескими снарядами. Все дети, а их было 70 человек, коллективом работников были спасены. Три дня ютились в землянках... Дети, пережившие артобстрел 29/III–42 г., очень тяжело переносят бомбежки и артобстрелы. По постановлению Ленсовета ясли 165 были эвакуированы 15 июля 1942 г. в Ярославскую область, где и получили название детдома 115, и разместились в селе Прилуки... Помогите нам в предоставлении на ст. Сиверская большого дома на 100 человек с надворными постройками для подсобного хозяйства и участком земли в 30 га. В случае положительного решения с Вашей стороны вопроса просьба переезд осуществить в апреле месяце, чтобы иметь возможность провести работы по посевной. Мы ставим себе задачу порученных нам детей, в особенности оставшихся без родителей, воспитать до совершеннолетия трудолюбивыми, честными и преданными людьми нашей Родине» [22].

Л. Л. Газиева уделила внимание содержанию дневников Е. Л. Щукиной, в которых представлена характеристика деятельности, направленной на восстановление психического здоровья детей блокадного Ленинграда. В работе проанализирован процесс взаимодействия детских учреждений и госпиталей, в которых находились раненые бойцы. Активное включение детей во взаимодействие с пациентами госпиталей было направлено на формирование мотивации гуманного поведения детей. Подобная деятельность приобретала особенное значение в связи с тем, что в период блокады Управление дошкольного воспитания Наркомпроса РСФСР в качестве ведущей цели воспитания детей ставило формирование ненависти к врагу, несмотря на позиции психологов, указывавших на разрушительное воздействие такой модели воспитания на психику ребенка. Психологи призывали сместить акцент в процессе воспитания детей на героический компонент [12]. В дневниках Е. Л. Щукиной представлен материал, раскрывающий мотивацию поведения детей, суждения о том, что в практической деятельности воспитатели стремились к смещению акцента с официальной установки на воспитание любви и сострадания к раненым, бойцам и детям [2].

Значимой стала помощь и деятельность педагогов Ленинграда по поиску детей, оставшихся в домах после смерти родственников. Нередко педагоги детских садов, школ и университетов по собственной инициативе выходили на обход близлежащих домов для того, чтобы проверить, не остались ли в одиночестве дети, нуждающиеся в особой помощи. В работах В. Л. Пянкевич [18] представлены данные, свидетельствующие о вкладе заведующей детским садом в спасение четырехлетнего ребенка: многодетная мать Тимофеева скончалась, в связи с чем без попечения остались четверо ее детей (в возрасте 4, 10, 11 и 15 лет). Четырехлетнего ребенка, находившегося в комнате с трупом матери в течение четырех дней, нашла заведующая детским садом, которая проживала в этом же доме и случайно узнала о трагедии. Она своевременно направила ребенка в детский сад, где он благодаря тщательному уходу и внимательному отношению воспитателей пошел на поправку, несмотря на значительные отклонения в здоровье. Эту работу (обходы квартир и спасение детей) проводили и в ЛГПИ им. А. И. Герцена.

Подобная работа давалась педагогам сложно не только физически, но и психологически: взрослые люди посещали квартиры, в которых нередко в живых оставался только один ребенок, вынужденный несколько дней находиться наедине с трупами других членов семьи без помощи и питания.

О личностных и профессиональных качествах педагогов блокадного Ленинграда свидетельствуют не только их записи в дневниках и мемуарах, в которых имеется достоверная информация о ежедневном подвиге этих людей, но и воспоминания детей, которые благодаря заботе и помощи учителей смогли выжить в столь тяжелое время. Согласно суждениям Л. В. Дербилловой [5] и архивным материалам, педагоги блокадного Ленинграда учили дошкольников и школьников тому, как пережить свалившиеся на них трудности военного времени: холод, голод, страх, потерю близких: «...Школа видела свою важнейшую задачу в том, чтобы воспитать в школьниках чувство советского патриотизма, в котором, как в фокусе, отражаются все лучшие проявления воли, характера, ума» («Героические будни») [17].

Забота о здоровье и состоянии детей. «...Устроить заболевшего ученика в больницу, поместить временно в детский дом ученицу, у которой больны родители. Это делали во всех школах, какие бы трудности не пришлось для этого преодолевать. У ученицы больна мать, она не ест в школе супа, а уносит его домой для матери. Директор разрешает давать ей лишнюю тарелку супа. Мать выздоравливает, девочкаживает. Сколько таких примеров заботы о здоровье ученика или члена его семьи можно было встретить за этот год в школе. Как чутко относились учителя к переживаниям учащихся, к их заботам о близких, как тонко отвлекали их от тяжелых дум и переживаний. <...>

Урок зоологии в 7-м классе. Только что закончилась бурная пальба зениток. Всегда внимательная и интересующаяся предметом ученица Роза обратила на себя мое внимание. Она вертелась на месте, ничего не слушая, чем-то была озабочена. На мой вопрос, что с ней, Роза ответила, что ее трехлетний братец заперт один в квартире, и она боится, что стрельба его напугала. Я ей предлагаю сбежать, посмотреть, что с ним. Через 10 минут Роза вернулась, на мой вопросительный взгляд молча кивнула головой, села за парту, заглянула в тетрадь соседки и приняла участие в дальнейшем ходе урока (из материалов 367-й школы)» [17].

Ответственность перед собой и детьми. Это качество педагога выражалась во многих проявлениях. В первую очередь, следует сказать о том, что педагоги, рискуя собственной жизнью, нередко отказывались эвакуироваться на Большую землю, несмотря на то что за блокадным кольцом положение оказывалось более стабильным. Однако педагоги считали своим долгом остаться в городе и продолжать обучать, воспитывать и сохранять жизни ленинградских детей. При этом многие из педагогов, все же покинувших город, эвакуировались, сопровождая большое количество детей и продолжая их обучение на новых территориях. Чувство ответственности за детей достаточно быстро сформировалось у ленинградских педагогов. Можно было бы сказать, что для педагога, трудившегося в блокаду, не было чужих детей. С. Н. Саговская писала: «Эти жестокие обстрелы нарушали правильный ход школьных занятий. Ведешь урок, а вблизи грохот взрыва. Поражаешься, как мало реагируют на них дети. “Да, ничего, Софья Николаевна, ведь мы привыкли, мы не боимся”, — говорят они, когда замечают, что начинаешь беспокоиться. А как не беспокоиться, как не бояться, если отвечаешь за жизнь каждого из них» [14].

Стойкость духа и мужество. Ленинградские педагоги отличались стойкостью. Они верили в то, что следует показывать детям свою безусловную веру в светлое будущее и неизбежность победы. Многие дети, теряя надежду, находили ее именно в педагоге. Например, Л. Е. Раскин пишет: «...Каждый школьник знал и чувствовал — учитель и школа не на словах, а на деле интересуются его жизнью, в трудные часы его жизни они придут ему на помощь. Чувством бодрости, веры в жизнь учителя заражали своих воспитанников, сами мужественно перенося невзгоды и лишения. <...> А когда — бывали и такие дни — сомнения в возможности преодолеть трудности закрадывались в душу ученика, он обращал свой взор к учителю, вслушивался в его задушевные слова и, видя его оптимизм и стойкость, отбрасывал прочь всякие сомнения» [20].

Трудности блокадного времени влияли на стойкость духа ленинградцев. Люди сплачивались против всех невзгод, проявляя мужество перед лицом смерти и врага. Педагоги поддерживали не только детей, но и друг друга. М. Ю. Поволоцкая в своих воспоминаниях о зиме 1941/1942 г. пишет: «Некоторые учителя так же, как ученики, пропускали

занятия. Голодная, холодная блокадная зима давала себя знать. Естественно, что в отдельные дни не было сил идти в школу. За этим в школе следили, обычно к таким учителям и школьникам шли домой, узнавали, в чем дело, выкупали им хлеб, приносили им суп из школьной столовой. Учителя и родители не давали детям лежать и постоянно требовали, чтобы они шли в школу. Лежать было нельзя. Те, кто залеживался, быстрее умирали» [14].

Бесстрашие или умение справиться со страхом ради спасения ребенка. Многие ленинградские педагоги вспоминали, что в момент наступления чрезвычайной ситуации, подвергавшей риску жизнь детей, учителя теряли чувство страха. С. Н. Саговская, учительница русского языка и литературы 20-й школ Володарского района в 1941–1942 гг., вспоминала, как она оказалась в бомбоубежище с детьми при попадании снаряда в соседний от школы дом: «Так, в минуту опасности, от сознания ответственности за жизнь доверенных мне детей я окончательно исцелилась от страха. Больше страх не возвращался» [14].

Творческий подход к обучению и воспитанию. Формирование данного качества связано с тем, что учителя вынуждены были обучать и воспитывать детей в экстремальных условиях, когда как ребенок, так и педагог стараются выжить в трудное время. Поэтому было необходимо не только доступно донести учебный материал, но и заинтересовать детей, отвлечь от суровых реалий блокадного времени, мотивировать на продолжение учебы. Педагоги организовывали учебный процесс в бомбоубежищах, импровизировали с использованием минимума средств и материалов. Большое внимание (большее по сравнению с предыдущими годами) учителя и воспитатели уделяли детским праздникам (в частности, новогодним елкам). Они искренне верили в необходимость поддержки в детях радости, веры в светлое будущее, детской непосредственности, несмотря на те проблемы, которые возникали ежедневно.

При этом педагоги не ограничивались только учебной работой с детьми, а также занимались организацией творческих кружков. Так, воспитатель школьной группы 11-го детсада Н. Ф. Валерианова в 1943 г. занялась созданием кукольного театра. Ниже представлен фрагмент записей воспитателя, в которых она пишет о том, почему возникла такая идея: «Организация мной кукольного театра в школьной группе нашего 11-го детского сада была вызвана необходимостью внести новую, свежую струю в жизнь наших детей, дать им яркие впечатления, новые эмоции. За полгода нашего пребывания в Бельтыре привезенный нами очень ограниченный ассортимент книг был уже неоднократно прочитан детьми, немногочисленные книги успели уже надоесть. Детям, уже забывшим до некоторой степени все тяжелое, пережитое ими в Ленинграде, укрепшим, вернувшимся прежнюю свою жизнерадостность, бодрость

и стремление к деятельности, требовалось дать что-то новое и интересное, что могло бы захватить их, сплотить и организовать детский коллектив и наполнить жизнь новым содержанием. <...>

Считая кукольный театр не только интересным зрелищем, но и расширяющим кругозор детей, их речь, словарный запас, вообще развивающим в совместном коллективном труде их творческие способности, активность, умение преодолевать трудности, умение непринужденно выступать перед аудиторией, решила я ввести в нашу жизнь эту интересную форму сотрудничества» [15].

Анализируя этот фрагмент, мы можем прийти к выводу о том, что педагоги обладали не только высоким пониманием необходимости поддержки детей, но и профессиональным пониманием цели и задач применения творческого подхода в своей работе.

Многие дети с теплотой и огромной благодарностью вспоминают своих учителей. Так, например, один из учащихся 367-й школы (средняя школа, Тамбовская улица, дом № 17) следующим образом описывает блокадные учебные будни и свою учительницу: «Учительница умела расшевелить и рассмешить нас. В нужный момент она умела одернуть, в трудный — поддержать, дать совет. Такими были все преподаватели. Только благодаря поддержке преподавателей мы не бросили заниматься» [9, с. 192].

Как показывают архивные материалы о детских домах, представленные в статье В. Л. Пянкевич [18], их воспитанники также вспоминают о воспитателях и других работниках с большой благодарностью и теплотой. Примеры:

Н. М. Комкова, вспоминая детский дом, говорила: «Я бы хотела поблагодарить детский дом, который дал мне крышу над головой и пищу, за то, что я постоянно ощущала поддержку» [11];

Н. С. Обручева таким образом отзывалась о детском доме: «Удивительный дух доброты и собранности царил в нашем детском доме. До сих пор храню в душе великую благодарность воспитателям, медицинским работникам детского дома. Они сумели спасти нас от голодной смерти, согреть детские души» [6, с. 62].

В дневниковых записях и воспоминаниях советских педагогов, столкнувшихся с блокадой, во многом отражена не только специфика блокадного времени (трудности, с которыми столкнулись горожане), но и материалы, которые могут охарактеризовать самого учителя и педагогов блокадного Ленинграда в целом, их идеи и мотивы деятельности. Приведем как пример воспоминания тов. Леончуковой («Героические будни», первый год блокады): «У дверцы топящейся печи, при свете коптилки, в длинной декабрьской продуктовой очереди удавалось и почитать немного. Библиотеки не работали, книги раздобывать удавалось с трудом. Зато какое наслаждение давало чтение. Необходимо было в то же время бороться с физической инертностью, которая временами

одолевала; не прислушиваться к ощущению пустоты в желудке, заставлять свой мозг работать. Главное — сознавать себя и быть советским учителем и ленинградцем, жить жизнью всей страны, работать бодро, охотно, дому помогать, чем возможно. Быть все время занятой и в общении с людьми, разделяя их трудности и горе, сознавать, что все личное отступает перед общим, что все невзгоды — ничто по сравнению с бедствиями людей во всем Союзе, с задачами любимой Родины» [20].

Л. Е. Раскин следующим образом характеризует представленный фрагмент воспоминаний с точки зрения попытки представить образ педагога блокадного Ленинграда: «В этих словах голос ленинградских учителей, стойко переносивших тяготы зимы, людей с высоким сознанием своего долга, патриотов своего города и своей страны. Учителя и ученики вместе переносили трудности, поддерживая друг друга и учаь друг у друга» [20].

Читая архивные материалы, исследователь может столкнуться с совершенно удивительными высказываниями педагогов, которые продолжали трудиться в период блокады. Эти фразы настолько глубокие, что отнести их к какой-либо одной характеристике личности или профессиональной личности, на наш взгляд, совершенно невозможно. Такие высказывания могли принадлежать только остро чувствующему, верному своему призванию человеку, который поставил свою миссию выше собственной безопасности и жизни. Например, запись от 30 июня 1942 г. в дневнике-отчете директора школы № 33 Василеостровского района заканчивается следующими словами: «Сегодня закончились испытания в нашей школе. Прошли удачно. Учащиеся удовлетворены. Был вечер для выпускников, совместно с 26-й школой. Выпустили 14 человек. Приятно, что этот тяжелый год не прошел даром».

Таким образом, педагоги блокадного города сочетали в себе высокие моральные качества, представленные потребностью внести свой вклад в физическое и психологическое (нравственное) спасение детей и профессионализмом, позволяющим актуализировать умственные способности ребенка в экстремальных условиях и стойко переносить угрозы.

Архивная база исследования: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, архив Педагогического музея Академии постдипломного педагогического образования, музей Блокады Ленинграда, Музей РГПУ им. А. И. Герцена.

Список литературы

1. Битва за Ленинград в судьбах жителей города и области (воспоминания защитников и жителей города и оккупированных территорий). СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005. 374 с.
2. Газиева Л. Л. Документы женщин-педагогов о спасении детей в блокадном Ленинграде // Отечественные архивы. 2014. № 5. С. 41–48.

3. *Демакова И. Д.* Понятие «Детство» в психологии и педагогике // *Ценности и смыслы*. 2012. № 3 (19). С. 14–22.
4. *Дербилова Л. В.* Из блокадной коллекции Педагогического музея Санкт-Петербургской академии постдипломного образования // *Народное образование*. 2020. № 4. С. 163–168.
5. *Дербилова Л. В., Подгорнова С. В.* Мультимедийный проект «Сказки в бомбоубежище: Хроники детских садов и школ блокадного Ленинграда» // *Народное образование*. 2020. № 4. С. 153–162.
6. *Дети и блокада. Воспоминания, фрагменты дневников, свидетельства очевидцев, документальные материалы*. СПб.: Вести, 2000. 179 с.
7. *Дольто Ф.* На стороне подростка. СПб.: Петербург — XXI век, 1997. 356 с.
8. *Ефимов В. В., Прокопенко В. В.* Дети блокады. История. Судьба. Память // *Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии*. 2021. № 4. С. 5–11.
9. *Колесникова И. А., Груздева Н. В., Дербилова Л. В.* Блокадная педагогика / под науч. ред. И. А. Колесниковой. СПб.: Росток, 2022. 555 с.
10. *Ланнуа Ф. де.* Битва за Ленинград. 1941. 22 июня — 31 декабря / [пер. с фр. М. Стровского]. М.: Эксмо, 2009. 184 с.
11. *Личный архив В. Л. Пянкевич.*
12. *Левитов Н. Д.* Психологические основы воспитания характера в дошкольном возрасте // *Дошкольное воспитание*. 1943. № 10. С. 1–9.
13. ПМ СПб АППО (Педагогический музей Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования им. К. Д. Ушинского). Ф. 3. Оп. 2. Д. 1. (Архивные материалы СПб АППО: дневник-отчет директора школы № 33.)
14. ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2. (Архивные материалы СПб АППО: воспоминания А. Виленчик, Н. Скворцова, Т. Капицы; воспоминания З. Гущиной; записи В. Г. Ананьевой, записи С. Н. Саговской; воспоминания учащихся 239–1 школы; воспоминания И. Терехиной; воспоминания В. Петерсон; записи М. Ю. Поволоцкой.)
15. ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 19. (Архивные материалы СПб АППО: записи воспитателя в 11-м интернате.)
16. ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1. (Архивные материалы СПб АППО: записи из дневника-отчета директора школы № 33.)
17. ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 2. (Архивные материалы СПб АППО: Заметки о работе с детьми в Ленинграде в годы блокады — 1941–1943; воспоминания А. Гурбановой; записи С. Н. Саговской; материалы 367-й школы.)
18. *Пянкевич В. Л.* Спасение детей и подростков в блокадном Ленинграде // *Петербургские исследования*. 2010. № 2. С. 173–190.
19. *Цветов Д. Л., Гончарова Н. В.* Типичные черты жителя блокадного Ленинграда в период 1941–1942 гг. (на материале источников личного происхождения) // *Litera*. 2016. № 4. С. 82–92.
20. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 7. Д. 2231. (Архивные материалы: записи учительницы 113-й школы; записи Л. Е. Раскина; воспоминания тов. Леончуковой.)
21. ЦГАЛИ СПб. Ф. 520. Оп. 1. Д. 238. Л. 11. (Архивные материалы: воспоминания детей.)
22. ЦГА СПб. Ф. 7384 «Исполком Ленинградского городского Совета народных депутатов». Д. 1514. Л. 10–11 об. (Записи заведующей детским домом № 115.)

Н. М. Федорова

Героизм детей блокады

Когда думаешь о войне и блокаде, в первую очередь думаешь о детях.

Город на Неве, непокоренный Ленинград был в дни блокады маяком не только для всего нашего народа, советской страны, но и для мира, того мира, который еще хотел знать правду. Несмотря ни на что, город жил, сражался, лечил раненых и больных, работали заводы, фабрики, писалась и исполнялась музыка, ставились спектакли, в библиотеках выдавались книги, работали филиалы вузов, научные учреждения города. Трамвай доходили до передовой, цеха заводов работали под практически постоянными обстрелами. Передовая линия обороны города была рядом. «Труженики тыла» — это не о ленинградцах, тыла не было, город воевал каждой своей улицей, домом, крышей, подвалом. Мирные жители были бойцами, они делали город живым, они берегли эту искру в нем. Сколько рассказов слышала я от своих знакомых, от отца, который был врачом в госпитале в блокаду, семьи мужа, в которой были гример театра Музыкальной комедии и медицинская сестра госпиталя на Невском пятачке. Светлая им память, им и всем тем, кто сделал для города и страны все, что мог в эти суровые годы!

Приближалась первая, самая страшная зима, запасы сокращались и появились эти мизерные и спасительные 125 граммов хлеба. Город хоронил своих мертвых, спасал живых. И в этом замерзшем, голодном, обстреливаемом городе жили дети, их было много. Дети ходили в школы, детские сады. Работали детские дома, интернаты, которых становилось все больше. Достаточно прочитать архивные документы партийных и хозяйственных органов управления городом, чтобы увидеть, что о детях заботились в первую очередь, заботились военные, все жители города. И как омерзительно выглядели попытки представить в черном свете эти усилия, совсем еще в недавнем прошлом, некоторых людей, которых сложно назвать историками.

К 75-летию Великой Победы Всеволожским медиацентром был снят фильм «Сохраняем историю героев», где много документальный хроники. Там дети, идущие по улице парами с воспитателями детского сада, эвакуация детей на корабле по Ладоге — худенькие детские ноги и руки,

но рядом поддержка и руки взрослых. Берегли и спасали, кого смогли, эвакуировали.

Дети Ленинграда были детьми всей страны. «Ленинградцы, дети мои! Ленинградцы, гордость моя!» написал в сентябре 1941 г. Джамбул Джабаев, обращаясь ко всем жителям города, но к детям в первую очередь. Подвиг детей был понятен всем.

В чем же он? Они были детьми своего времени и своей страны, которая справилась с гражданской войной и интервенцией, неграмотностью, болезнями, эпидемиями, строила новые заводы, электростанции, новые города для всех, воспитывала советских людей, коллективистов и тружеников. Они были в своей стране, они знали, что отдать ее никому нельзя, как бы ни было тяжело. Дети были со страной, даже самые маленькие, понимая беду и преодолевая тяготы, — это и есть настоящий патриотизм.

Дети учились — это был их вклад в Победу. И учителя становились для них родными людьми, а школа была домом, где кормили, понимали и заботились. В воспоминаниях учительницы школы на ст. Фарфоровская, например, рассказывается, что даже когда уже не было занятий, дети и учителя приходили в школу и оставались в ней [2]. Многим некуда было идти: дома разрушены, родные умерли. Общая беда и общая забота делала их одной семьей.

Дети Ленинграда работали, к станкам вставляли подростки, и всем известные строчки стихотворения Ю. Воронова «Нам в сорок третьем выдали медали, и только в сорок пятом — паспорта» были для них нормой. Оставшиеся в городе ученики ремесленных училищ были в это время большей частью рабочих кадров Ленинграда.

На Васильевском острове есть памятник «Юнгам Балтики» — тем мальчишкам, что воевали вместе со взрослыми моряками, сколько их погибло, но те, кто добыл Победу и выжил, достойно прожили потом долгую и добрую жизнь.

Их все меньше среди нас — тех, кто помнит это страшное и героическое время. Они собирались и продолжают собираться и рассказывать о блокаде и войне, о своей жизни. В 210-й школе на Невском проспекте в Музее «Юные участники обороны Ленинграда» в мае 1977 г. состоялась встреча выпускников школ блокадного Ленинграда; в музее сохранились материалы этой встречи, воспоминания. Магистранты Института педагогики Герценовского университета начали работу по переводу архива этой встречи в электронный формат — это позволит в дальнейшем работать с материалами педагогам и школьникам, ученым.

Иногда нам, современным взрослым людям, сложно понять, откуда брались силы у тех детей, подростков, что прошли через испытания блокадой.

Выпускница ленинградской школы 1942 г. Кира Борисовна Шабловская, которой на начало войны было 17 лет, вспоминала о первой

блокадной зиме. «Надо немного вернуться назад, в декабрь 1941 г. С 25-го первая прибавка хлеба — рабочим по 300 граммов, и по 150 граммов всем группам населения. Теперь трудно представить себе как обнадежили нас эти 25 граммов хлеба. А с января медсестры (я тогда работала медсестрой в 10-й детской поликлинике Октябрьского района) получили рабочую карточку, и вот 1 января я получила на двоих на два дня не полкило, а целую буханку, да еще с довеском. И в школе получили билеты на елку — с талоном на обед без вырезки карточек. Казалось, еще немножко — и после разгрома немцев под Москвой наши войска прорвут блокаду и вновь оживет Ленинград» [3].

Часто встречаешь в воспоминаниях блокадников мысли о том, как важны были любые позитивные изменения: вести с фронта, увеличение выдачи хлеба, адресная поддержка детей и тех, кто ослабел, афиши о спектакле. Все это помогало почувствовать себя частью большой страны, которая каждую минуту с городом и его жителями. Более поздние мемуары Киры Борисовны содержат рассказ о ее работе в качестве медсестры (после курсов Российского Красного Креста) в детской поликлинике [4]. На вызовы часто посылали первыми вот этих девочек, которые были подготовлены, конечно, только к оказанию первой медицинской помощи, но на вызовах ее часто было оказывать уже некому. «Потому что было много вызовов, где врач уже не нужен. Остается только зафиксировать смерть, чтобы потом получить свидетельство» [3]. И первая смерть ребенка, которую юная медсестра запомнила на всю свою долгую жизнь.

Разговаривая с блокадниками в разные периоды, и когда я сама была еще подростком, и позднее, поняла некую закономерность. Они по-разному реагировали на вопросы о днях блокады. Кто-то, помолчав, начинал говорить, много, очень подробно, с деталями, которые мне тогда казались не героическими и не очень относящимися к теме, останавливаясь на потере любимого платья или разбитой чашке, из которой до войны любил пить чай отец. Казалось, стоило тронуть пласт времени — и под ним обнаружишь еще живое прошлое, со всеми подробностями, оттенками, запахами и настроениями. Стучал метроном, потрескивала мебель в буржуйке или паркет, хрустел снег в отчаянно морозный день под заледенелыми валенками.

А кто-то — их было меньше, — совсем не хотели говорить об этом. Они замолкали, взгляд уходил куда-то внутрь, молчали и потом, сбросив оцепенение, говорили, что потом, позже, расскажут все, не сейчас. Говорили так, что непонятно было, когда это «потом» сможет наступить, — часто оно и не наступало. Сейчас мне кажется, что я понимаю, почему не было разговоров тогда — все было очень остро, было что-то, что при возврате в те годы и дни не позволило бы быть такими счастливыми в мирной жизни. Нужно было время, чтобы понять, что все, что происходило, — это уже прошлое. Но важно никогда не забывать и никогда

не позволить этому повториться. Поэтому именно в нашей стране было столько мирных инициатив после Великой Победы, столько слетов, съездов, конгрессов, направленных на поддержание мирного сотрудничества. Особенно среди молодежи, чтобы будущие поколения в разных странах понимали друг друга.

Много места в воспоминаниях детей блокады отведено новогодней елке 1941/1942 г. Для детей, переживших ужас начала зимы 1941 г., те самые 125 граммов хлеба, потери близких, бомбежки и пожары, вдруг оказаться в мирном детстве, около елки, было сказкой, счастьем и запомнилось на всю жизнь. Даже для 17-летней Киры Шабловской это стало одним из самых ярких воспоминаний, о котором она говорила и в 1977-м, и в 1990-е гг. «...Мы шли по занесенному снегом Бульвару Профсоюзов в Малый оперный театр. Помню, был солнечный день, все вокруг сверкало и искрилось — облепленные инеем порванные провода трамваев и троллейбусов, занесенные снегом вагоны, стены домов, деревья и только узенькая протоптанная тропинка-траншейка темнела среди снега. Мы шли по таким знакомым местам, а дорога казалась непривычно длинной... В театре было светло, но холодно. Рассаживались по местам, не раздеваясь, а на сцене — в тот день шел “Овод” Войнич, артисты в легких декольтированных платьях — Италия XIX век... и в валенках, и пар изо рта — до сих пор поражаешься их мужеству! А после спектакля был обед — настоящий с супом, пшенной кашей с мясной подливкой в керамических горшочках и компотом из консервированных ягод. В фойе театра стояла (или стояли?) елка, украшенная, освещенная, и артисты-затейники старались устроить хоровод и танцы вокруг елки. Но большинство детей попали в эту сказку из холодных и темных квартир и только смотрели, слушая музыку, а двигаться у них уже не было сил. И все-таки эта елка пробудила надежды, новые силы и почти позабытую радость, а главное, надежду на скорую победу на фронте» [3].

Очень важно, что судьбы детей, переживших блокаду, были не только подвергнуты таким страшным испытаниям войны, но и освещены общей коллективной заботой, помощью, поддержкой, максимальной для того времени заботой. Об этом говорила в своем рассказе об истории юннатского движения в Ленинграде Наталия Владимировна Добрецова — кандидат педагогических наук, почетный доцент РГПУ им. А. И. Герцена, уважаемый человек и опытный преподаватель, с которой мне посчастливилось работать. Она всегда в гуще событий, создавала с коллегами студенческое научное общество «Компас», работала со студентами над педагогическими исследованиями, писала статьи, реализовывала проекты. Очень трогательно было услышать ее рассказ о днях блокады и учителях города при открытии выставки Педагогического музея в АППО им. К. Д. Ушинского «Учителя блокадного Ленинграда: история подвига» (2024) [1].

Наталия Владимировна родилась в Ленинграде 11 октября 1939 г., ее мама, педагог Людмила Михайловна Голицынская, преподавала в разных школах Куйбышевского района, с 1942 г. стала сотрудником Дворца пионеров, возглавив кружок юннатов, она же создавала станцию юных натуралистов в Озерках. Условия для жизни маленького ребенка были очень тяжелыми, Наталия Владимировна шесть раз болела воспалением легких, но врачи, забота и любовь мамы дали ей жизненные силы на долгую и счастливую жизнь. Она отмечает поддержку окружающих людей, коллективизм и жизнь на казарменном положении, которые стали спасительными в условиях блокады.

Чувство долга, патриотизм, трудолюбие, ответственность за порученное дело свойственны людям старшего поколения нашего города, особенно тем, кто пережил блокаду. Победить в таких условиях, не просто выжить, но остаться людьми, сохранить культуру, город, духовные ценности могли только граждане с внутренним стержнем, понимавшие всю меру своей ответственности перед историей, прошлым и будущим страны. И дети, даже самые маленькие, были тоже гражданами, бойцами и победителями. Мы должны об этом подвиге рассказывать сегодня новым поколениям, потому что речь идет о вечных ценностях, о Человеке, его месте в мире, его ответственности и его долге, о его Великой Победе без срока давности.

Список литературы

1. Учителя блокадного Ленинграда: история подвига: [видео] / СПб АППО им. К. Д. Ушинского. URL: https://vk.com/video-212454770_456239851 (дата обращения: 15.05.2025).
2. Учителя и дети блокадного города: учеб.-метод. пособие / авт.-сост.: А. Ю. Аксенова [и др.]; под общ. ред. Н. М. Федоровой. СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2024. 128 с.
3. *Шабловская К. Б.* Воспоминания // Архив Музея 210-й школы г. Санкт-Петербурга. «Слет юности блокадной» 13.05.1977.
4. Шабловская Кира Борисовна о блокаде Ленинграда: [видео] / Блокада. Голоса. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aJTIQP086Og> (дата обращения: 15.05.2025).
5. Юннаты блокадного Ленинграда. Голицынская Людмила Михайловна (по воспоминаниям Н. В. Добрецовоной): [видео] / СПб АППО им. К. Д. Ушинского. URL: https://vkvideo.ru/video-212454770_456239854 (дата обращения: 15.05.2025).

Раздел II
Судьбы детей
на оккупированных
фашистами территориях

М. А. Стрельников

Преступления немецко-фашистских захватчиков против детства на временно оккупированной территории Сталинградской области в 1942–1943 гг. (по материалам Управления ФСБ России по Волгоградской области)

Определение военных преступлений немецко-фашистских захватчиков на временно оккупированной территории Советского Союза

В нормах международного гуманитарного права, зафиксированных в IV Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. и приложении к ней «Положение о законах и обычаях сухопутной войны» (далее — Приложение), которые Германская империя ратифицировала в 1910 г., закреплялось (отдел III Приложения) гуманное отношение к гражданскому населению оккупированной территории противника [1]. Так, в ст. 46 Приложения гарантировались неприкосновенность частной жизни и собственности граждан. В ст. 47 Приложения четко запрещался какой-либо грабеж населения. Также в ч. 3 ст. 52 Приложения закреплялось, что любые формы повинности должны быть оплачиваемы, по возможности — наличными денежными средствами либо долговыми обязательствами.

Если обратиться к уголовному законодательству Советского Союза (Уголовный кодекс Российской СФСР 1926 г., в редакции от 13 декабря 1940 г., далее — УК РСФСР), можно выделить следующее: немецко-фашистские захватчики на территории Сталинградской области также попадали под указанные нормы, на основании ст. 4 УК РСФСР (иностранцы за преступления, совершенные на территории СССР, подлежат

ответственности по законам места совершения преступления). Так, оккупантами был совершен ряд уголовных преступлений, кроме государственных, такие как вооруженное вторжение на советскую территорию (ст. 582) и пропаганда или агитация, направленная к возбуждению национальной или религиозной вражды или розни (ст. 597). Также можно выделить подстрекательство несовершеннолетних или привлечение их к участию в различных преступлениях, понуждение несовершеннолетних к занятию спекуляцией, проституцией, нищенством (ст. 732), совершение обманных действий с целью возбуждения суеверия в массах населения для извлечения таким путем каких-либо выгод (ст. 123), умышленное убийство (ст. 136), умышленное тяжкое телесное повреждение (ст. 142), умышленное легкое телесное повреждение (ст. 143), умышленное нанесение удара, побоев и иные насильственные действия, сопряженные с причинением физической боли (ст. 146), насильственное незаконное лишение свободы (ст. 147), половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости (ст. 151), развращение малолетних или несовершеннолетних (ст. 152), половое сношение с применением физического насилия, угроз, запугивания или с использованием, путем обмана, беспомощного состояния потерпевшего лица (изнасилование) (ст. 153), понуждение женщины к вступлению в половую связь или к удовлетворению половой страсти в иной форме лицом, в отношении коего женщина являлась материально или по службе зависимой (ст. 732), принуждение к занятию проституцией, сводничество, содержание притонов разврата, а также вербовка женщин для проституции (ст. 155), открытое похищение чужого имущества в присутствии лица, обладающего, пользующегося или ведающего им (грабеж) (ст. 165), разбой (ст. 167), вымогательство (ст. 174), умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего частным лицам (ст. 175), разбой, грабеж, противозаконное уничтожение имущества и насилие, а равно противозаконное отобрание имущества под предлогом военной необходимости, совершаемые по отношению к населению в районе военных действий (ст. 19328).

Стоит отметить, что вопрос тяжести преступлений в УК РСФСР не был четко отрегулирован. Все указанные меры социальной защиты судебно-исправительного характера не делились по степеням тяжести (разд. III–IV), кроме указаний о давности (ст. 14). Однако важно выделить то, что некоторые из указанных преступных деяний карались высшей мерой наказания (расстрел), а также, в соответствии со ст. 47 УК РСФСР, все эти деяния совершались с отягчающими обстоятельствами. Примеры всех указанных преступлений оккупантов будут приведены далее.

Регламентация нацистской окупационной политики на территории Советского Союза

На момент начала Сталинградской битвы идейные основы оккупационной политики Третьего рейха были уже определены. Можно констатировать, что ее регламентация была произведена еще до начала Великой Отечественной войны. Причем имеются в виду не сами основы национал-социалистической идеологии — антикоммунизм, шовинизм, расизм, антисемитизм и т. д., — а именно конкретные планы по хозяйственному использованию регионов Советского Союза, основах взаимодействия с гражданским населением и т. п. В дальнейшем, уже после начала конфликта, шла регламентация проводимой политики по порабощению или истреблению советских народов. На этом стоит остановиться подробнее и проследить важнейшие документы нацистского гражданского и военного руководства, регламентирующие будущую и (или) уже проводимую оккупационную политику на территории СССР.

В «Меморандуме относительно целей агрессии и методов установления господства на оккупированных советских территориях» от 2 апреля 1941 г. рейхсляйтер, глава Внешнеполитического управления НСДАП Альфред Розенберг однозначно определял будущую оккупационную политику германских военно-административных органов: было регламентировано, что «восточные территории» необходимо подвергнуть тотальному разграблению, пресекая сопротивление, лишая гражданское население любой формы самостоятельности [1, с. 229–235]. Это был проект, который и стал основой деятельности созданного сразу же после начала войны Германии с Советским Союзом Имперского министерства оккупированных восточных территорий. Сам А. Розенберг был назначен главой этого ведомства.

Вопросы же «хозяйственного освоения восточных территорий», т. е. разграбление оккупированной территории СССР, были регламентированы идеологом и разработчиком так называемого «плана голода» статс-секретарем Имперского министерства продовольствия и сельского хозяйства (позднее рейхсминистром) Гербертом Бакке (план также получит его имя) в его инструкции «О поведении должностных лиц на территории СССР, намеченной к оккупации» от 1 июня 1941 г. [1, с. 248–252; 11].

Важно также учесть, что основные моменты будущего конфликта и его проведения были определены в трех важнейших документах (порой общими формулировками) — планах «Барбаросса» (директива № 21 от 18 декабря 1940 г.), «Бакке» и «Ольденбург» («Зеленая папка» рейхсминистра авиации рейхсмаршала Германа Геринга), а также в заявлениях самого фюрера Адольфа Гитлера, но их конкретизация и дополнение

не менее существенны. После нападения Вермахта на советскую территорию планы уточнялись.

Так, на совещании 16 июля 1941 г. в Ставке фюрера А. Гитлер заявил, что «гигантское пространство, естественно, должно быть как можно скорее замирено. Лучше всего этого можно достигнуть путем расстрела каждого, кто бросит хотя бы косой взгляд» [1, с. 310; 12, л. 441]. Эту же точку зрения отстаивал и начальник Верховного командования Вооруженных сил Германии генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель. Чуть позже он ее закрепил в Директиве № 33 Верховного главнокомандования вооруженных сил Германии «О продолжении военных операций на Востоке» от 19 июля 1941 г. и в нескольких Дополнениях от 23 июля 1941 г. [1, с. 311–312].

Также более подробно этот вопрос был закреплен, т. е. официально регламентирован, рейхсминистром А. Розенбергом (на основании приказа фюрера «Об организации управления вновь оккупированными восточными областями» от 17 июля 1941 г.) в указе «О вынесении специальными судами приговоров о смертной казни лицам, не повинующимся оккупационным властям» от 23 августа 1941 г. [1, с. 327–329; 14].

Согласно приказу рейхсминистра вооружений и боеприпасов Фрица Тодта «О запрещении оплаты труда рабочих в оккупированных восточных областях и использовании их на тяжелых работах» от 28 июля 1941 г., характер использования труда гражданского населения на оккупированных территориях СССР определялся как рабский, поскольку была запрещена оплата труда и использовать рабочих разрешалось на всех видах работ без каких-либо ограничений по их условиям [1, с. 313–314]. Этот документ был направлен всем фирмам вне зависимости от форм собственности [1, с. 314], что говорит о полномасштабном процессе регламентации использования подневольного труда граждан Советского Союза. Таким образом, советское население должно было стать бесплатной порабощенной силой «новых хозяев Европы».

Чуть позже, к началу ноября 1941 г., в «Общих основах экономической политики в оккупированных восточных областях» на основании приказа начальника Управления военной экономики и вооружений при Верховном главнокомандовании Вооруженных сил Германии от 29 июля 1941 г. было четко обосновано, что «при помощи дешевой себестоимости продукции, при сохранении низкого жизненного уровня местного населения ставится цель достичь наиболее высокого выпуска продукции для снабжения рейха и остальных европейских стран» [1, с. 336–337; 13, л. 10–11]. Также там говорилось: «Об обеспечении населения ценными продуктами потребления не может быть и речи. Наоборот, все тенденции повышения общего жизненного уровня должны заранее подавляться самыми жестокими средствами» [1, с. 337; 13, л. 11]. Полученные экономические и хозяйственные средства при любых условиях «должны

стекаться в рейх по самым низким, какие возможны, ценам» даже для районов так называемого «онемечивания» (например, рейхскомиссариат Остланд) [1, с. 338; 13, л. 12].

Вопрос ограничения прироста населения Советского Союза путем сокращения рождаемости был определен рейхслайтером, начальником Партийной канцелярии НСДАП Мартином Борманом после его поездки в украинские селения, расположенные вблизи Ставки фюрера «Вервольф» (Винницкая область, Украинская ССР), на совещании у А. Гитлера 22 июля 1942 г. [1, с. 323–326]. Затем в письме рейхсминистру А. Розенбергу от 23 июля 1942 г. М. Борманом уже официально были регламентированы запреты на оказание медицинской помощи гражданскому населению оккупированной территории СССР и на развитие народного образования и культуры, а также одобрены меры по принудительному снижению жизненного уровня советского народа [1, с. 384–385].

Стоит отметить, что «огромная биологическая сила русского народа» очень волновала многих разработчиков Генерального плана «Ост». Например, эксперта Имперского министерства оккупированных восточных территорий Эрхарда Ветцеля. Его предложения были оформлены в замечаниях и дополнениях к указанному плану 27 апреля 1942 г. [1, с. 345–355].

Таким образом, можно констатировать, что вся преступная деятельность оккупантов на территории Сталинградской области была санкционирована и официально закреплена.

Преступления против детства на территории Сталинградской области

Теперь стоит перейти к основному вопросу — проблеме преступлений против детства немецко-фашистских захватчиков на временно оккупированной территории Сталинградской области в 1942–1943 гг. Повсеместно во всех районах области и г. Сталинграда оккупантами проводились жестокие меры запугивания, издевательств, грабежа, насилия и уничтожения гражданского населения.

Массовые ограбления гражданского населения

Можно отметить отнятие продовольствия у населения, в том числе многодетных семей, а также одежды, особенно теплой [3, л. 181–182]. Такие разграбления проводились массово по районам и приводили к массовому голоду населения Сталинградской области. Политика по принудительному отселению на 30–40 км от районов боевых действий приводила к голоду и болезням из-за условий проживания на открытой местности. Население оказывалось без продовольствия и каких-либо вещей, поскольку при отселении им запрещалось что-либо брать

с собой, а «сборы» проводились в сжатые сроки (не более 10–15 минут). Кроме того, отсутствие соли приводило к тяжелому недугу — «солевому голоду» [3, л. 183–184].

Иногда германскими органами оказывалась «социальная помощь» населению, в том числе детям, но она была мнимой и была направлена на обогащение и разграбление населения. К примеру, в г. Сталинграде детям оказывалась медицинская помощь, но исключительно на платной основе [4, л. 197–198].

Это свидетельствует не о гуманном отношении к гражданам Советского Союза на временно оккупированной территории, а массовой рабской эксплуатации зависимого населения. К другим мероприятиям по порабощению можно отнести привлечение несовершеннолетних, в том числе малолетних, к принудительным работам [3, л. 186]. При любом неповиновении «новым хозяевам» советские граждане подвергались жестоким наказаниям — от избиений до убийства.

Расправы над детьми

Можно привести множество примеров. Так, в пос. Сталинградского металлургического завода «Красный Октябрь» (Краснооктябрьский район, г. Сталинград) в октябре 1942 г. германские солдаты ограбили и публично расстреляли за оказание сопротивления семью рабочего указанного предприятия Зотова с семьей (жена и дети трех и семи лет) [5, л. 11; 8, л. 53; 9, л. 59]. Массовое распространение имели жестокие избиения. Так, в х. Платоново (Клетский район) был избит тринадцатилетний подросток за неповиновение военной администрации [7, л. 130], еще нескольких подростков избили за отказ участвовать в переписи населения [9, л. 72]. В х. Перелазовский (Перелазовский район) был жестоко избит пятнадцатилетний подросток [9, л. 71].

Массовые расстрелы детей

Любые формы сопротивления гражданскому населению проводимой оккупантами политики порабощения и эксплуатации жестоко пресекались. Это также относилось к абсолютно любым подозрениям в совершении указанного сопротивления. И снисхождения от «культурных европейцев» нельзя было ждать никому — даже детям. На ферме № 4 совхоза № 878 (Чернышковский район) в октябре 1942 г. была расстреляна семья Писковых с шестнадцатилетним сыном за пожар, который немецкая администрация приняла за сигнал самолетам Красной армии, в х. Волоцкий (Чернышковский район) был расстрелян шестнадцатилетний подросток, якобы за хищение у германского офицера оружия [9, л. 65]. В г. Калач-на-Дону (Калачевский район) была расстреляна группа подростков за помощь подполью (трое подростков 14–16 лет) [9, л. 67]. Однако еще более изуверская расправа германскими войсками была

осуществлена в х. Аверино (Калачевский район), где были расстреляны десять подростков (от 10 до 15 лет), которых голыми сбросили в силосную яму, после предварительного жестокого избиения, за кражу папирос у немецкого офицера [5, л. 14; 8, л. 54; 9, л. 68].

20 ноября 1942 г. в Ворошиловском районе (г. Сталинград) была расстреляна семья Васильевых — Резниковых, в том числе шестилетняя внучка [9, л. 60], а в Ворошиловском (сельском) районе были массово расстреляны женщины, старики и дети (свыше 460 человек).

Отдельно стоит выделить события в с. Кузьмичи (Городищенский район): 12 сентября 1942 г. население (женщины, дети, старики) были отправлены в тыл раздетыми, босыми и голодными, по пути они подвергались избиениям. В пути следования одна беременная женщина с двухлетним ребенком на руках в результате избиений преждевременно родила и была оставлена без медицинской помощи [9, л. 70].

Преступления немецко-фашистских захватчиков против половой неприкосновенности детей

Однако самыми массовыми и изуверскими преступлениями немецко-фашистских захватчиков являются преступления против половой неприкосновенности детей, т. е. факты изнасилований. Органами Управления НКВД СССР по Сталинградской области был зафиксирован ряд изнасилований девушек от 12 до 17 лет, в том числе групповых. Далее стоит перечислить по разным районам области и г. Сталинграда: в х. Зимовной (Серафимовичский район) в период 28 июля — 26 августа 1942 г. [3, л. 186–187]; в Ворошиловском (сельском) районе — групповые изнасилования несовершеннолетних девушек (четыре — 15 лет, одна — 14 лет); в Клетском районе группа румын одновременно изнасиловала колхозницу и ее четырнадцатилетнюю дочь [10, л. 63]; в ноябре 1942 г. несколько актов по г. Сталинграду; 16 декабря 1942 г. на ул. Камская в Дзержинском районе (г. Сталинград); в х. Верхне-Гнутовый (Чернышковский район); с. Васильевка (Ворошиловский (сельский) район) [5, л. 13; 9, л. 73–74]; в январе 1943 г. на ул. Донецкая в Дзержинском районе (г. Сталинград) — групповое изнасилование трех женщин, в том числе пятнадцатилетней девушки [9, л. 73]; в х. Фирсов (Чернышковский район) — групповое изнасилование 16 женщин, в том числе несовершеннолетних (12–14 лет) [9, л. 73–74]; в х. Ивановка (Ворошиловский (сельский) район) — групповое изнасилование четырех пятнадцатилетних девушек [9, л. 75]; в х. Калачевский (Верхне-Курмоярский район) — групповое изнасилование нескольких женщин, одна из которых пыталась укрыться грудным ребенком, который был задушен [9, л. 76].

Также встречается ряд групповых изнасилований женщин на глазах родственников, в том числе детей. Например, в пос. Сталинградского машиностроительного завода «Баррикады» № 221 Народного комиссариата

вооружения (Баррикадный район, г. Сталинград) — были изнасилованы две женщины, эвакуированные из г. Ворошиловграда (Ворошиловградская область, Украинская ССР), а потом расстреляны вместе с детьми.

В х. Головский (Клетский район) румынский священник создал бордель, в который были завербовано пять девушек из х. Базки (Клетский район) [7, л. 129]. Этот и вышеупомянутые факты говорят о том, что в подобного рода уголовных преступлениях были замешаны не только германские военнослужащие, но и оккупационные силы иных государств, которые были включены в состав Вермахта.

Национальный аспект геноцида на территории Сталинградской области

Нельзя обойти стороной и факты притеснения еврейского населения и массовые расправы над детьми данной национальности на территории Сталинградской области. Так, в колхозе «Красный Донец» (х. Нагольный, Котельниковский район) была расстреляна семья (жена и дети) убитого немецкими солдатами (перерезано горло) сторожа, еврея по национальности [6, л. 11; 8, л. 54; 9, л. 62]. В целом по области зафиксированы факты массового уничтожения лиц еврейской национальности, в том числе детей: в Котельниковском районе было расстреляно 40 еврейских семей [9, л. 62]; в Ворошиловском (сельском) районе в с. Аксай было расстреляно 58 евреев, в с. Каменка — 125 и по Перегрузинскому сельскому совету — 60 (преимущественно женщины и дети) [9, л. 63], всего же по району — 243 человека; в Верхне-Курмоярском районе в х. Верхне-Курмоярский была расстреляна еврейская семья из трех человек (мать и двое детей 6 и 1,5 лет) [9, л. 67].

Также в Ворошиловском (сельском) районе 4 октября 1942 г. были удушены газами семьи, эвакуированные из Украинской ССР, по большей части еврейской национальности [9, л. 65], — точное количество жертв так и не было установлено.

Факты геноцида еврейского населения (Холокост) на территории Сталинградской области не имеют отличий от фактов геноцида всего советского народа. Первое можно считать частью второго. Это прослеживается по массовым расстрелам и казням с жестокими пытками и истязаниями, проводимыми германскими военнослужащими в местах проживания еврейского населения, в первую очередь — эвакуированного с территории Украинской ССР. Все расправы и факты уничтожения гражданского населения оккупантами и их пособниками проводились без различия национальности среди казненных.

Иные факты истязаний детей

Массовые издевательства немецко-фашистских захватчиков не ограничивались указанными выше действиями. В Баррикадном

районе (г. Сталинград) оккупанты на улицах раздевали и разували детей, которых выгоняли из землянок и оставляли на улице, на морозе [5, л. 10]. Например, в конце ноября 1942 г. четырнадцатилетний подросток был раздет и выгнан из землянки. Позднее он был подобран женой рабочего Сталинградского машиностроительного завода «Баррикады» № 221 Народного комиссариата вооружения в бессознательном состоянии с отмороженными ногами [5, л. 10–11]. Его дальнейшая судьба неизвестна.

Выводы

Подводя итог, все приведенные свидетельства позволяют утверждать, что геноцид советского народа в целом и преступления против детства в частности были целенаправленно спланированы и регламентированы высшим военно-политическим руководством Третьего рейха. Это была планомерная политика по разграблению, покорению, порабощению и уничтожению советского народа, которая была санкционирована не только лично А. Гитлером, но и иными ответственными лицами. Преступная деятельность оккупантов на территории Сталинградской области является по своей сути изуверскими бесчеловечными расправами над гражданским населением Советского Союза, которым оно подвергалось без различия пола, возраста и национальности. Также немаловажно то, что все факты геноцида советского народа совершались не только германскими солдатами, но и военнослужащими из иных государств-сателлитов Третьего рейха.

Список литературы

1. IV Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года с приложением: «Положение о законах и обычаях сухопутной войны» // Мин-во обороны РФ. URL: <https://mil.ru/docs/6d7c6bb2-07dc-4b89-8c47-b313e8dd3db9> (дата обращения: 15.05.2025).
2. Политико-стратегическое содержание планов Третьего рейха в отношении СССР: сб. док. и материалов / под общ. ред. В. А. Золотарева; МГУ. М.: Кучково поле, 2015. 399 с.
3. Сводка № 10 начальника Управления НКВД СССР по Сталинградской области «Разведанных о положении в тылу противника. По сост. на 15 окт. 1942 г.» от 16 окт. 1942 г. исх. № 85111 // Управление ФСБ России по Волгоградской области (УФСБ РФ ВО). Ф. 13. Д. 5. Л. 172–192.
4. Сводка № 12 начальника Управления НКВД СССР по Сталинградской области «Разведанных о положении в тылу противника. По состоянию на 5 ноября 1942 г.» [без даты, не ранее 25 ноября 1942 г.] // УФСБ РФ ВО. Ф. 13. Д. 10. Л. 184–199.
5. Справка начальника Управления НКВД СССР по Сталинградской области «О положении и итогах оперативно-чекистской работы в районах области

- и гор. Сталинграде, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов» [без даты, не ранее февр. 1943 г.] // УФСБ РФ ВО. Ф. 13. Д. 1. Л. 8–20.
6. Сообщение заместителя начальника Управления НКВД СССР по Сталинградской области от 12 февр. 1943 г. // УФСБ РФ ВО. Ф. 13. Д. 4. Л. 8–13.
 7. Сообщение начальника Клетского районного отделения [НКВД Управления НКВД СССР по Сталинградской области без даты, не ранее 25 ноября 1942 г.] // УФСБ РФ ВО. Ф. 13. Д. 11. Л. 124–133.
 8. Сообщение начальника Управления НКВД СССР по Сталинградской области «О фактах зверств, чинимых оккупантами в районах области и города Сталинграде» от 6 марта 1943 г. // УФСБ РФ ВО. Ф. 13. Д. 7. Л. 53–55.
 9. Сообщение начальника Управления НКВД СССР по Сталинградской области «Об учиненных зверствах немецко-фашистскими войсками» от 6 марта 1943 г. // УФСБ РФ ВО. Ф. 13. Д. 7. Л. 59–77.
 10. Сообщение начальнику Управления НКВД СССР по Сталинградской области [«Об оккупации немецко-румынскими войсками районов Сталинградской области», без даты (не ранее декабря 1942 г.)] // УФСБ РФ ВО. Ф. 13. Д. 11. Л. 60–63.
 11. 12 Gebote für kreis Verhalten der Deutschen im Osten und die Behandlung der Russen [12 заповедей поведения немцев на Востоке и обращения с русскими (Инструкция уполномоченного по продовольствию и сельскому хозяйству статс-секретаря Г. Бакке о поведении должностных лиц на намеченной к оккупации территории СССР от 1 июня 1941 г.)] // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 12. Л. 59–63.
 12. Aktenvermerk der Sitzung des Führerhauptquartiers vom 16.7.1941 [Протокольная запись совещания Ставки фюрера от 16 июля 1941 г.] // ГА РФ. Ф. Р-7445. Оп. 2. Д. 162. Л. 433–443.
 13. Protokoll der Abteilung Wehrwirtschafts- und Rüstungsamt des Oberkommandos der Wehrmacht Nr. 260/41c vom 25.11.41 [Протокол Управления военной экономики и вооружений Верховного главнокомандования вооруженных сил Германии № 260/41c от 25 ноября 1941 г.] // ГА РФ. Ф. Р-7445. Оп. 2. Д. 168. Л. 10–12.
 14. Verordnung zur Bekämpfung von Gewalttaten in den besetzten Ostgebieten. Vom 23. August 1941 [Постановление о борьбе с актами насилия на оккупированных восточных территориях от 23 августа 1941 г. (Из указа рейхсминистра восточных оккупированных территорий А. Розенберга о вынесении специальными судами приговоров о смертной казни лицам, не повинующимся оккупационным властям)] // ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 183. Л. 27 об.–28 об.

Е. Х. Апажева

Фашистская оккупация: история одной семьи (по воспоминаниям матери Антонины Тутовны Кешевой)

Шла Великая Отечественная война. Фашисты захватили Кабардино-Балкарию и ее столицу город Нальчик. Семья восьмилетней Тоси Кешевой, как и многие другие семьи, жила без отца — он ушел на фронт. Два его брата партизанили в лесах недалеко от Нальчика, возле поселка Кенже.

Тося с мамой, сестрой и братом переехали из Нальчика в Кенже, где жила их бабушка. Так решила сама бабушка, которая собрала под крышей своего дома трех невесток и девять внуков. Младшей из детей была всеобщая любимица, младенец Валя, которую все нянчили и передавали из рук в руки.

Дом был добротный, просторный, неудивительно, что фашисты поселились в нем, заняв половину.

Их первый приход Тося запомнила хорошо: зашла группа офицеров, громко разговаривая на чужом языке и смеясь. Смеясь, приставили револьвер к виску бабушки и кричали: «Кура, кура давай!». Все застыли в ужасе. Неужели сейчас на их глазах фашист застрелит любимую бабушку, из-за какой-то курицы? Вон их сколько во дворе бегают. Но бабушка, спокойно отведя оружие от лица, сказала: «Кура — это детям», — и показала рукой в сторону внуков. Фашист размахнулся и ударил ее. Бабушка упала, все закричали, стали ее поднимать. Фашисты вышли из дома и, хохоча, начали расстреливать кур во дворе.

С этого дня все изменилось. Боясь за 15-летнюю внучку Женю, бабушка заставила ее надевать свои платья, намотала на голову платок, обмазала ей лицо сажей и приказала, если зайдут фашисты на их половину дома, сразу сесть у печки, отвернув лицо. Удивительно, но Женя стала похожа на старушку, часто сидящую у печки. Что касается самой бабушки, то держалась она просто героически. Как будто ничего не боялась. Увидев, какой беспорядок во дворе, она вышла и стала прибираться. Спросила подошедшего к ней офицера: «Ты немец»? Он ответил: «Нет, румын». Она зашла в дом и спокойным голосом сообщила, что это не немцы, а номины («номин» по-кабардински — обезьяна).

Вместе с невестками она вырыла окоп у забора, объяснив всем, как надо выбегать из дома в случае бомбежки и прятаться там.

Шли дни за днями. Оккупация продолжалась. Ходили слухи, что фашисты составляют списки семей коммунистов, сражающихся на фронте, и партизан. За такими семьями подъезжает специальная машина и их везут в комендатуру. Зачем, не известно.

Однажды, когда вся семья сидела в окопе после очередной бомбежки, к забору неожиданно подошла женщина и тихонько позвала бабушку. Это была мать местного старосты, который, рискуя жизнью, помогал односельчанам. Женщина рассказала, что сын просил передать, что семья Кешевых попала в тот самый список, что завтра утром к дому подъедет специальная машина, всю семью, женщин и детей, заставят в нее сесть, якобы отвезти в комендатуру. На самом деле, сказала женщина, по дороге включают газ, людей травят, а трупы выбрасывают на окраине поселка. Поэтому Кешевым надо было оставить двери открытыми, как будто вышли к соседям, и очень тихо двигаться в сторону реки, за которой начинался лес, а там их должны были встретить партизаны. Она ушла.

Бабушка приказала всем следовать за ней, не задавая вопросов. Выйдя за пределы поселка, семья направилась в сторону реки, которая бы помогла сбить погоню со следа — фашисты в поисках беглых семей использовали служебных собак, немецких овчарок. До конца жизни Тося вздрагивала от рева мотоцикла, автоматной очереди и лая собак. Именно под эти звуки они пробирались гуськом до реки, которую еще предстояло перейти.

Дети притихли, словно понимали всю трагичность ситуации. Плакала только Валя, да так, что мать не могла ее успокоить. Как объяснить еще совсем маленькой дочери, что из-за нее могут погибнуть бабушка, мама, тети, родные и двоюродные братья и сестры? Плач, видимо, был услышан и фашистами, потому что вдалеке послышался звук автоматной очереди и лай собак.

Семья переходила реку. Остановившись возле большого валуна, бабушка строго сказала невестке: «Положи сюда ребенка». Та положила и спросила: «Зачем, если мы идем дальше?». «Дальше идут все, кроме нее, — ответила бабушка. — Ты же не хочешь, чтобы из-за нее расстреляли всех остальных детей?». Ответа не последовало. Убитая горем мать оставила на валуне ребенка, и все пошли дальше. Тося помнит, как они шли, оборачиваясь назад, спотыкаясь и плача. Но никто не посмел перечесть бабушке. Плач Вали стал утихать, а это означало, что они отошли далеко от нее.

Первой не выдержала мать Тоси. Она сказала бабушке: «Идите дальше, я вернусь за ребенком». Все ожидали, что бабушка закричит на нее, будет ругать и объяснять что-то. Но та только молча кивнула. Мать Тоси пошла обратно. Высокая красивая женщина шла в темноте с гордо

поднятой головой за своей племянницей — Валя была двоюродной сестрой Тоси.

Наконец-то перешли реку, добрались до леса, где их уже ждали партизаны. Семью разделили на несколько групп, в которых были как родные, так двоюродные братья и сестры. Уже став взрослой, Тося поняла, что так сделали на тот случай, если их найдут и расстреляют, чтобы в живых остался кто-то из каждой семьи. Через какое-то время вернулась мать Тоси, держа на руках маленькую Валю. «Мама, как ты смогла заставить ее замолчать?». Этот вопрос Тося задавала матери сотни раз и всегда слышала один и тот же ответ: «Не знаю, я ее ротик к своему плечу прижимала, и она переставала плакать».

Хорошо, что у детей короткая память на все плохое. Потом они будут жить у соседей, на краю поселка, Тосин папа, в составе 37-й армии, поможет освободить Нальчик и всю республику и вернется домой.

9 мая 1945 г., когда Левитан объявит о победе над Германией, Тося вспомнит, что в Кенже нет радио. Она будет бежать несколько километров из Нальчика, чтобы первой рассказать любимой бабушке, что война закончилась. Мы победили!

Раздел III
Дети — фронту.
Детство в тылу

А. В. Дамдинов, О. А. Убеева, Т. Е. Санжиева,
А. М. Шойдонова

О детях Бурятии в годы Великой Отечественной войны

*Была война суровой и жестокой,
Была судьба у всех одна.
У нас и детства не было в то время,
Все было вместе — детство и война.*
С. Ц.-Д. Дармаева

Военные годы стали суровым временем, когда обыденностью в тылу стали дефицит продуктов и товаров, значительная нехватка кадров в сельском хозяйстве и промышленности. Общая неустроенность сопровождалась тревожными новостями с фронта, ужасающими сообщениями о зверствах нацистов и их пособников. Уродливая действительность военного времени стала тяжелейшим испытанием для всего поколения советских людей той эпохи. Вызывает справедливое восхищение подвиг великого советского народа в борьбе с нацистской Германией и ее союзниками.

Военное лихолетье заставило всех детей страны рано стать взрослыми и начать самоотверженно трудиться на благо страны. На долю советских детей и подростков выпала трудная доля. Война изломала судьбы множества семей, лишив их мужей и отцов. Дети этого времени лишились отцовской любви и поддержки. Но ребята продолжали получать образование и учиться в школах, при этом перед ними стояла важнейшая задача — сделать свой вклад в дело Великой Победы. Многие несли трудовую вахту на полях колхозов и совхозов, обеспечивая фронт необходимым сырьем и сельскохозяйственными продуктами. Подростков допускали до трудовой деятельности на промышленных предприятиях. Юные работники самоотверженно выполняли и перевыполняли производственный план. Школьники трудились во всех сферах деятельности и тем самым восполняли повсеместный кадровый голод.

Дети и подростки совместными усилиями собирали значительные средства в Фонд обороны страны, на строительство самолетов и танков. Ребята коллективно заботились о советских воинах, отправляя на фронт посылки с теплыми вещами и едой. На местах создавались тимуровские

команды, которые оказывали посильную помощь семьям солдат и офицеров. Школьники объединялись в группы и поднимали боевой дух населения концертами и общественными выступлениями.

На радио, в центральных и региональных газетах отмечался значительный вклад советских детей в победу над общим врагом. Повсеместно говорилось о том, что растет «прекрасная и мужественная смена будущих строителей великой советской страны» [8]. Мужество и самоотверженность проявлялись детьми повсеместно, в том числе в регионах, находившихся далеко от фронта.

Особый интерес в деле изучения трудового подвига детей и исследования отобранного детства в годы Великой Отечественной войны вызывает деятельность общественно-патриотической организации «Дети войны». Учредительная конференция организации состоялась 24 августа 2011 г. Ее возглавила видный общественный деятель Эмма Заяхаевна Долхонова.

Э. З. Долхонова родилась в 1944 г. на берегу священного озера Байкал в улусе Онгурен Ольхонского района Иркутской области. После окончания Иркутского университета работала учителем химии. В 1969 г. по семейным обстоятельствам переехала в Заиграевский район Бурятской АССР. Эмма Заяхаевна была привлечена сначала к комсомольской, а затем партийной работе района. С 1998 г. Э. З. Долхонова стала собирать людей, чье детство выпало на военное время, и начала со своих одноклассников. Затем она обратилась к этому вопросу по всей Республике Бурятия, вместе с другими активистами Г. Ф. Гвоздевой, Л. М. Родичевой, С. Б. Цыбиковой, Ю. Р. Дмитриевым и др. проводилась разъяснительная работа среди населения о необходимости создания общероссийского общественного объединения «Дети войны», где бы объединились люди с одной судьбой, собирали подписи, обращались во властные структуры за поддержкой.

6 марта 2013 г., благодаря плодотворной деятельности Эммы Заяхаевны, в Управлении министерства юстиции по Республике Бурятия было зарегистрировано Бурятское отделение Общероссийской организации «Дети войны». Было выявлено, что на 2013 г. численность граждан, рожденных в период с 1 января 1928 по 31 декабря 1945 г. и получавших пенсию в республике, составляла 63,6 тыс. человек [20]. Во всех районах республики прошли учредительные собрания и сбор заявлений от детей войны.

24 апреля 2014 г. на сессии Народного Хурала Республики Бурятия был принят Закон Республики Бурятия «О мерах социальной поддержки граждан, родившихся в период с 1 января 1928 года по 2 сентября 1945 года». Согласно ему, всем детям войны, не имевшим никаких льгот, была предусмотрена выплата компенсации в 3 тыс. руб. Кроме того, в порядке очереди дети войны имели право получать лечение в республиканском госпитале для ветеранов войны.

Для данного исследования особый интерес вызывает работа Э. З. Долгоновой по сбору воспоминаний детей войны, которые были опубликованы ею в книге «Дети войны Бурятии. Вчера и сегодня» [18]. Эти дети работали на заводах и фабриках, в колхозах и артелях, внося свой вклад в Победу.

К началу Великой Отечественной войны Бурят-Монгольская АССР переживала бурную модернизацию, охватившую все сферы жизнедеятельности общества. Это был развивающийся регион, строивший основы своего экономического благополучия. Материалы Всесоюзной переписи населения 1939 г. свидетельствуют о том, что население республики в общей сложности насчитывало 545 766 человек. Распределение между городским и сельским населением составляло 167 256 и 378 510 человек соответственно. В г. Улан-Удэ, столице республики, проживало 125 690 человек [28, с. 135].

Бурят-Монголию можно назвать республикой с преимущественно молодым населением. В первые десятилетия советской власти молодые кадры притягивались молодежными социалистическими стройками и направлялись по распределению комсомола со всех уголков страны. Уровень рождаемости в регионе представляется одним из самых высоких в стране. Известны данные, что на период 1939 г. в сельской местности насчитывалось 177 952 детей в возрасте от 0 до 18 лет [3, с. 108]. К 1940 г. на 1 тыс. человек приходилось порядка 42,7 родившихся [1, с. 37]. Представить более точные цифры не представляется возможным из-за отсутствия соответствующих статистических данных.

Интересны данные о количестве школ и учащихся Бурят-Монгольской АССР за период с 1942 по 1945 гг. [27, с. 24–25].

Таблица

**Сведения о количестве школ и учащихся
Бурят-Монгольской АССР с 1942 по 1945 гг.**

Учебный год	Количество школ	Количество учащихся
1940/41	502	89 000
1941/42	496	82 679
1942/43	493	69 166
1943/44	515	63 103
1944/45	545	63 927

Трудности военного времени внесли определенные коррективы в организацию учебного процесса. Основной причиной сокращения численности учащихся был призыв детей и подростков на трудовую вахту в образовательные организации, колхозы и промышленные предприятия.

На фронт были призваны более 120 тыс. человек — каждый пятый житель республики. Все это были мужчины трудоспособного возраста, которые в мирное время были заняты на стройках региона и в различных отраслях хозяйства.

На производстве не хватало рабочих рук, а трудовые резервы могли быть представлены только юным населением Республики. Об этом свидетельствуют воспоминания ребенка войны Н. И. Степановой из Хоринского аймака Бурят-Монголии: «В сентябре 1941 г. я пошла в 5 “д” класс, нас было 160 человек. В 1946/1947 учебном году окончили начальную школу 10 учащихся, остальные заменили старших и пошли трудиться» [27, с. 142].

Вызывает интерес воспоминание А. А. Хайдуровой, 1929 г. рождения: «Когда война началась, мне было 13 лет. Окончила 5 классов. Семья была большая, семеро детей. Когда мобилизовали отца и брата в Красную армию, нам с братом [1930 года рождения] пришлось оставить учебу и помогать матери. Когда она провожала на войну мужа и сына, была больная, еще не оправившись от родов. В годы войны колхозники ничего не получали за трудодни. По числу работающих в десятидневку выдавали по 2–3 кг муки на одного работающего, очень редко по 4 кг. Все работали, лишь бы была победа. Все для фронта. Мы, дети, работали чабанами. Все должны были заготавливать корма, снабжать все отары. В колхозе заготавливать корма было почти некому, кроме женщин и детей. Большая была трудность — накосить сена для скотины. В нашей животноводческой бригаде был один-единственный мужчина, старше 70 лет, которого по возрасту не призвали в армию» [18, с. 71].

Характерной особенностью повседневной жизни военного времени были постоянный голод даже в глубоком тылу. Как вспоминал М. К. Парфенов 1941 года рождения (апрель): «Приходилось есть все: мерзлую картошку, жмых, первую чуть съедобную траву, по осени колосья, которые разрешали собирать после уборки». «Дети сами немало времени занимались пропитанием. В степи было много нор охотхонхонов, так назывались в тех местах большие мыши в степи. Они в своих норах заготавливали на зиму зерновые. А мы рыли ямы, искали их запасы, забирали домой», — пишет М. Т. Шарагулов 1937 года рождения. «Зимой на улицу выходили поочередно, не было обуви, пальто», — вспоминает К. Ф. Онетова 1938 года рождения. Неудивительно, что дети войны с большой любовью и благодарностью вспоминают героизм своих матерей: «Мы выжили благодаря маме...», «Бедная моя мама, как же тяжело ей пришлось...» [18].

В то же время союзными и региональными властями осознавалась острая необходимость сохранения полноценного образовательного процесса. Все понимали, что страшная война закончится, и для восстановления и процветания страны понадобятся образованные люди.

Учебный 1941/42 год начался не во всех школах Советского Союза. Часть территорий страны оказалась оккупирована германскими

нацистами. Перед Бурят-Монголией, находившейся в глубоком тылу, стояла задача организовать обучение детей на достойном уровне.

Общее положение школы в военный период представляется достаточно тяжелым. Характерными особенностями периода можно назвать отсутствие должного финансирования, учебников и учебно-методических пособий, недостаток педагогических кадров (большинство учителей-мужчин выполняли долг защитника на фронтах войны). В. И. Липина работала учительницей в Прибайкальском аймаке: «На втором году войны не стало хватать учебников, тетрадей и чернил. Писали, кто чем мог — на газетах, страницах книг густым раствором марганцовки, даже свеклы, а то и сажи» [27, с. 142].

В школах пытались обеспечить детей нехитрым обедом, что в голодные военные годы представлялось значимой поддержкой для каждой семьи. Ответственный подход к этому вопросу проявил Нижне-Бургултайский совет Торейского аймака. Здесь дети ежедневно обеспечивались обедами, а также им предоставлялись одежда и обувь. Неполные средние школы в Баргузине и Тунке организовали горячее питание детей за счет урожая, полученного на пришкольных участках. Тем не менее далеко не везде удалось организовать обеспечение детей должным образом. В некоторых школах Джидинского, Кабанского, Мухоршибирского и Тарбагатайского аймаков не хватало продуктов питания и других материальных запасов. Школьникам предоставлялись только хлеб и кипяток. Подобный скудный набор питания все равно оставался важным подспорьем для многих семей [27, с. 34–44].

При каждой школе были созданы пришкольные участки, которые обеспечивали школьные столовые и буфеты овощами на учебный год. В соответствии с приказом Народного комиссариата просвещения РСФСР от 28 апреля 1942 г., учащиеся до 6-го класса не подлежали призыву на сельхозработы — младшие классы должны были оставаться работать на пришкольных участках. Руководители сельскохозяйственных предприятий должны были обеспечить условия для прибывающих на работы. В 1942 г. школы Селенгинского района засеяли 13 га картофелем и овощами, а 3 га — зерновыми культурами. В Мухоршибирском районе школьниками было засеяно 19 га земли, из которых урожай с 12 га предназначался в Фонд обороны. В Кабанском районе на все школы было выделено 8 га земли на пришкольные участки. Ребята трудились на пришкольных участках, стараясь не отставать от взрослых, обеспечивали свои столовые продуктами питания и очень гордились тем, что они вносят свой посильный вклад в Победу.

С самых первых дней Великой Отечественной войны для школьников регулярно проводились беседы, совместные чтения публикаций о подвигах советского народа. Школьники Бурят-Монголии с замиранием сердца узнавали о своих ровесниках, пионерах-героях, которые боролись

с врагом наравне со взрослыми [11, л. 7]. С большой гордостью ученики школы № 12 г. Улан-Удэ узнали о подвиге своего учителя П. Т. Харитонов. Он одним из первых осуществил воздушный таран в годы Великой Отечественной войны. 8 июля 1941 г. ему в числе первых фронтовиков было присвоено звание Героя Советского Союза. Пионеры школы проводили творческие и памятные вечера, посвященные П. Т. Харитонову. Совместными усилиями и от самого чистого сердца собирали ему посылки и письма [17, л. 45]. Таким образом поднимался боевой дух ребят, стремление отдать все силы борьбе с нацистской Германией.

Дети военного времени старались учиться как можно лучше, несмотря на огромную загруженность общественно-значимой деятельностью. А. В. Глебец, ученик одной из школ Хоринского района, вспоминал: «Все ученики учились на “хорошо” и “отлично”. Считалось, что хорошей учебой мы радовали своих [ушедших на фронт] отцов и братьев» [27, с. 151].

Помимо общеобразовательных предметов в 1941/42 учебном году в средних и неполно-средних школах республики была введена обязательная военно-физкультурная подготовка учащихся 10-х классов и комсомольцев во внеучебное время по два часа два раза в неделю. Было создано: 27 команд морзистов, 20 — трактористов, 26 — автоводителей, 35 — ПВХО, 31 — ГСО, 42 — лыжников, 83 — пожарников. В этих мероприятиях приняли участие 15 тыс. человек.

Некоторые команды школьников отмечались в протоколах партийных организаций. «Хорошо работают военно-физкультурные команды в Мало-Куналейской средней школе Бичурского аймака, где сдали нормы на значок ГТО — 30 человек, БГТО — 38, ГСО — 40, ПВХО — 130. Проводились военные игры “Поиски разведчиков”, “Встречная разведка” и т. д.» [24]. В Бурят-Монгольской АССР военное обучение в 1941/42 учебном году прошли 2942 учащихся, из них мальчиков — 1302, девочек — 1640 человек. Окончило программу всеобуча 505 школьников, 1531 человек прошел допризывную подготовку [12, л. 9].

Как отмечалось ранее, на войну были призваны достаточно молодые люди, многие из них только недавно успели создать семьи. Дома оставались жены с маленькими детьми, им требовалась помощь в бытовых и материальных вопросах.

Повсеместно были провозглашены лозунги «заменить отцов и братьев, ушедших на фронт» — с 1941 г. и «забота о семьях фронтовиков — это половина нашей заботы о Красной Армии» — с 1942 г. Дети Бурят-Монголии самоотверженно и в массовом порядке откликнулись на эти призывы. «Всякая работа в военное время почетна и полезна для победы! С момента объявления войны нет больше мирных профессий. Вся страна отныне работает на защиту Родины. Победа решается не только на фронте, но и в тылу» [12, л. 82].

После публикации в сентябре 1941 г. в газете «Пионерская правда» обращения к пионерам и школьникам страны А. П. Гайдара по всей стране развернулось тимуровское движение. «...Красная Армия ведет с врагом бой, равного которому еще никогда не было на свете, — говорил писатель ребятам, — для Победы нужны немалые усилия в учении, дисциплине, труде на благо Родины». При многих школах были созданы тимуровские команды и пионерские дружины, которые приобрели в условиях войны особое значение. Основная их цель — оказывать помощь семьям военнослужащих и лиц, отдававших большую часть времени производству. Тимуровцы кололи и пилили дрова, ухаживали за огородами, наводили порядок по хозяйству, организовывали уход за маленькими детьми и при этом старались хорошо учиться. «Тимуровец» стало нарицательным именем пионеров и школьников, отдающих свои силы на благо Родины, стремящимся во всем помогать в грозные дни Великой Отечественной войны.

Жена фронтовика по фамилии Броварник, работавшая на Улан-Удэнском паровозовагоноремонтном заводе (ПВРЗ), выражала благодарность пионерке Лизе Лебедевой. Эта девочка по собственному желанию взяла шефство над их семьей. Она помогала выполнять домашние дела, а также нянчилась с двумя малышами. Гражданка Броварник написала письмо в районный комитет ВЛКСМ по Железнодорожному району г. Улан-Удэ с просьбой отметить активистку и выносила ей личную благодарность [16, л. 43].

Тимуровская команда учащихся 4-го класса во главе с пионером Савичевым выявила девять семей красноармейцев, которые нуждались в помощи. В отчетных документах указано, что в семье Суздальцевых было «некому сходить за лекарством больному ребенку», так как мать занята работой. Ребята оперативно приобрели лекарство, нанесли воды, напилили дров и навели порядок во дворе и доме. Данная семья была поставлена на учет тимуровской команды, тимуровцы регулярно помогали нянчить малышей [16, л. 44].

Мария Назарова вспоминала о том, что вместе с одноклассниками помогала нянечкам в детском саду ухаживать за малышами. Она писала: «Мы рано выросли, рано все осознавали. Мои сверстники не успели на войну, но мы получили трудовую закалку в тылу». Школьники Тункинского, Селенгинского и Кяхтинского аймаков за регулярную помощь семьям фронтовиков были отмечены и получили благодарность от Верховного главнокомандования страны [27, с. 142–143].

За годы войны в Республике были созданы 2152 тимуровские команды — 34 282 пионера и школьника. В Железнодорожном районе г. Улан-Удэ было организовано 82 тимуровских отряда (322 человека), ими обслужено 413 семей фронтовиков [13, л. 2, 3]. Тимуровцы Гундинской, Малокуналейской и Шибертуйской неполных средних школ помогали семьям

красноармейцев в заготовке дров, в организации досуга детей и т. д. [13, л. 13]. В средней школе № 3 г. Улан-Удэ 11 команд тимуровцев, состоявших из 396 человек, в 1943 г. обслуживали 151 семью военнослужащих, преимущественно фронтовиков. Одиннадцать из этих семей они продолжали обслуживать и в послевоенные годы.

За хорошую помощь, оказанную тимуровцами, школы получили много благодарностей. «Бурят-Монгольская правда» от 22 января 1944 г. писала о тимуровцах школы № 6 г. Улан-Удэ, которые шефствовали над двумя детскими площадками и двумя детскими садами и об учащих школы № 3: «Капитан тимуровской команды ученица четвертого класса “А” Валя Крюкова смущенно рассказывает о замечательных делах своей команды. В ее тетради записаны адреса семей военнослужащих, которым оказана помощь и которым помощь еще должна быть оказана. Дела тимуровцев разнообразны. Лия Коломиец, например, шефствует над семьей Переваловых. Приходя из школы, она часто нянчит ребенка, ходит в магазин за хлебом и выполняет различную домашнюю работу. Активными тимуровцами также являются Надя Мещерякова, Люба Попова и др. Третья школа вправе гордиться своими тимуровцами. Имена Вали Пыхоловой, Маруси Дутовой, Веры Убугуновой и Эммы Масловой, работающих под руководством начальника штаба Аллы Чебыкиной широко известны не только в школе, но и за ее пределами... Только по городу Улан-Удэ имеется 114 тимуровских команд, насчитывающих 1994 человека. Силами этих команд оказана помощь 430 семьям, причем над 101 семьей взято непрерывное шефство. За время месячника оказания помощи семьям военнослужащих силами тимуровских команд было вывезено 77 кубометров дров, 2 т угля и распилено 647 кубометров дров. Тимуровцами собрано среди населения и внесено в фонд оказания помощи детям фронтовиков 11 580 рублей».

В годы войны Бурят-Монголия остро нуждалась в педагогических кадрах. Поскольку множество учителей-мужчин было призвано на фронт, распространилась практика восполнения учительских кадров девятиклассниками. Ребятам направляли работать учителями в начальные школы, а иногда и преподавателями учебных дисциплин к практически ровесникам в семилетние школы. В Хоринской средней школе вспоминают Н. М. Волкова и Ц. Б. Балбарова — девятиклассников, которых определили педагогами для учеников 6–8-х классов. Ребята вели достаточно сложные предметы: математику и физику. Их педагогический дебют осуществлялся в сложнейших условиях нехватки учебно-методических материалов, отсутствия должной профессиональной подготовки. Тем не менее юные педагоги запомнились своим ученикам «как строгие и требовательные, но справедливые» учителя [27, с. 79].

В это время педагогическое крещение получили многие выдающиеся деятели науки и просвещения. Так, девятиклассник Б. С. Содномов

обучал пяти- и шестиклассников в с. Замакта Хоринского аймака. Впоследствии он успешно отучился в Бурятском государственном педагогическом институте, стал одним из лучших выпускников и получил степень кандидата физико-математических наук. Он остался работать в институте, где создал кафедру математического анализа и дифференциальных уравнений, которую возглавлял вплоть до 1976 г.

Улан-Удэ удостоен высокого звания «столицы эвакогоспиталей» в Книге городов Победы. Действительно, в годы войны на территории Бурят-Монголии размещалось 59 таких медицинских учреждений в помещениях многих школ и других образовательных организаций [21, с. 89]. Медицинский персонал самоотверженно ставил на ноги тяжелых раненных и больных. Такое соседство повлияло на учебный процесс во многих школах столицы республики. Дети из-за нехватки зданий учились в четыре смены.

Важной задачей для школьников и молодежи Улан-Удэ стала забота о раненых бойцах и офицерах, проходивших лечение в эвакогоспиталях. Многие ребята работали в качестве санитаров: мыли и убрали в помещениях. В сезон собирали лекарственные травы, носили в эвакогоспитали все, что могло бы хоть как-то пригодиться, заготавливали грибы и ягоды, шиповник и рябину, орехи, крапиву и многие другие плоды и растения.

Дети, объединившись в творческие бригады, организовывали концерты, тематические вечера, читали художественную литературу.

Особо отметился Улан-Удэнский дом пионеров, являвшийся главным учреждением дополнительного образования детей в годы войны. Воспитанниками дома было дано 267 концертов для бойцов, проходивших лечение в эвакогоспиталях. Деятельность Улан-Удэнского дома пионеров неоднократно заслуживала поощрение на местном уровне. Ребята были заслуженно награждены Почетной грамотой Улан-Удэнского городского комитета ВКП(б) и Городского совета депутатов трудящихся [14, л. 1].

Тысячи школьников республики за отвагу и мужество были награждены орденами и медалями Советского Союза.

В годы войны существовали фронтовые бригады подростков, которыми руководили люди, не годные к призыву. Все весенние и осенние полевые работы невозможно было завершить без них, без их опыта и знаний. Под их руководством ранней весной все выходили на поля, работали прицепщиками, сеяльщиками.

«Счастливого детства не было, все с 14–15 лет в селе замещали ушедших на войну мужчин. Все дети наравне со взрослыми собирали колоски, косили сено, возили копна, сажали, окучивали, собирали картошку, пасли скот», — вспоминает Сэсэг Цырен-Доржиевна Дармаева 1939 года рождения [18, с. 80–81].

С началом весенних сельскохозяйственных работ кружки самодеятельности учащихся Бурят-Монгольской АССР включались в культбригады по обслуживанию колхозников на полях, где также проводились культмассовые мероприятия. Занятия начинались на месяц позже, после уборки учащиеся выходили на сбор колосков в поле, что давало дополнительные пуды хлеба государству.

Приняли участие дети Бурятии и в движении всенародной помощи фронту. Архивы хранят память о великом желании детей приблизить победу своим трудом и другими деяниями. Республики оказали большую помощь в тылу. Вот несколько примеров.

В 1941 г. школами Закаменского аймака было собрано 14 тыс. руб., а школой № 4 г. Улан-Удэ — 2 тыс. руб. Газета «Бурят-Монгольская правда» от 10 декабря 1941 г. сообщила, что «Пионеры и школьники Чикойской неполной средней школы собрали и сдали на постройку танка «Юный патриот Бурят-Монголии» 500 рублей, а в фонд обороны сдали облигаций на 500 рублей. Они, кроме того, собрали, высушили и сдали 17,5 кг шиповника...»

В 1942 г. широкой волной прокатилась по Восточной Сибири движение учащихся по сбору средств на постройку танковых колонн. Учащиеся школы № 3 собрали на танковую колону «Юный патриот Бурят-Монголии» 20 тыс. руб. Примечательным событием стало получение личной благодарности от И. В. Сталина: «г. Улан-Удэ, школа № 3 начальнику штаба дружины тов. Власовой Марии, отличникам учебы: Владимиру Руковишникову, Алле Чебыниной, Юрию Дубровке, Леле Шиповских. Передайте пионерам, школьникам неполной средней школы № 3 г. Улан-Удэ, собравшим 20 000 руб. на строительство танковой колонны «Юный патриот Бурят-Монголии», благодарность Красной Армии и мое пожелание им здоровья и успехов в учебе и общественной работе. И. Сталин» [11, л. 7].

Учащиеся школ № 3, 4, 6, 10 г. Улан-Удэ внесли на танк 8710 руб. Всего по инициативе учащихся на «Юный патриот Бурят-Монголии» было собрано 150 тыс. руб. [26].

В 1943/44 учебном году учащиеся республики собрали в Фонд обороны 124 306 руб. деньгами, приобрели билетов 3-й денежно-вещевой лотереи на сумму 219 067 руб. Для приобретения подарков фронтовикам собрали 21 988 руб., отправили 1892 посылки.

Кроме сбора денежных средств школьники вносили в Фонд обороны сельхозпродукцию. Учащиеся Ацагатской начальной школы Заиграевского аймака уже 17 августа 1941 г. на воскреснике в фонд обороны страны под руководством директора Бадмажапова собрали 470 ц веточного корма [10, л. 6]. В 1941 г. учащиеся школы № 1 г. Улан-Удэ обязались вырастить для Фонда обороны 800 кур и 50 кроликов, и эта инициатива была поддержана всеми школами республики [11, л. 7].

За время войны пионерами и школьниками путем проведения воскресников было собрано удобрений свыше 382 т, металлолома более 285 т, очищены от камней и мусора около 17 тыс. га лугов, собрано лекарственных средств свыше 16 т. Для сбора ягод и грибов для детских учреждений создавались специальные трудовые пионерские бригады и лагеря. Так, тремя лагерями Городского района было собрано 1500 кг ягод. Специально для авиадесантных войск школьники отправили 2300 кг мяса, 2481 кг рыбы, 800 кг орехов, 509 кг варенья и повидла, 2024 кг пряников, сухарей и печенья, 272 кг сахара. В 1941 г. по Кабанскому аймаку было собрано металлолома 1642 кг, ягод — 327 кг. Низкие показатели объясняются отдаленностью ягодных участков, а также немаловажным фактором выступает то, что учащиеся с 12 лет, а в колхозах с 10 лет заняты на полевых работах. В тайгу невозможно было послать детей более младшего возраста в силу объективных причин [4, с. 73; 11, л. 7].

Все годы войны ощущался значительный голод в рабочих кадрах на производстве. Интересна судьба подростка Николая Родина, начавшего трудовую деятельность в 15-летнем возрасте. За три месяца ему удалось освоить профессию слесаря III разряда. Успешно начал работать на железнодорожной станции в инструментальном цехе. Он довольно быстро стал видным членом стахановского движения и заслужил похвалу руководства и коллег. В 1944 г. организовал комсомольско-молодежную бригаду, которая с самых первых дней устойчиво демонстрировала успехи на всех направлениях. Эта бригада, благодаря трудолюбию и сплоченности, неоднократно занимала первенство в социалистическом соревновании и награждалась почетными грамотами горкома ВЛКСМ [9, с. 11].

За период 1945 г. комсомольская молодежь ПВРЗ изготовила 100 секций холодильников, 400 шт. стержней для отливки деталей, капитально

Наставник И. Л. Гордеев со своим учеником на Паровозовагонном ремонтном заводе. 1942

Фронтальная бригада Улан-Удэнскаго авиационнаго завода

отремонтировала во внеурочное время паровоз серии СУ № 211–76. Сверх того была произведена погрузка трех вагонов металлического лома. Комсомольская организация заводоуправления приняла шефство над эвакуогоспиталем. В подарок раненым бойцам комсомолки вышили 17 платков, 25 кисетов, преподнесли конверты, бумагу, газеты, табак и другие вещи. Особую заботу о раненых бойцах проявили комсомолки Лиза Безбородова, Вера Зуева и Елена Быкова [12, л. 9]. Школьники средней школы с. Тамчи Селенгинского аймака и комсомолки старших классов школ № 65 и 68 Улан-Удэ осваивали на ПВРЗ мужские профессии [9].

На авиационном заводе № 99 ушедших на фронт рабочих заменяли их дети, дошло до того, что завод в шутку прозвали «высшая школа доходаг». Подростки в возрасте 14–16 лет трудились над выпуском истребителей Ла-5 и Ла-7. Среди лучших работников были совсем юные ребята, фрезеровщики Н. Молодых (начальник цеха Асеев) и Н. Смирнягин (начальник цеха И. Ф. Кашмалкин). Ребята вспоминали, что работали наравне со взрослыми, а домой уходили за полночь [23].

В механическом цехе Судоремонтного завода трудились 7 токарей, 6 слесарей, 10 кузнецов, чей возраст равнялся 13–15 годам. Под руководством опытного мастера они, начав обучение в августе 1942 г., уже к началу декабря выполняли свои сменные задания на 150–200 %. 14-летний В. Доржиев с этого же завода после 20 дней обучения приобрел специальность слесаря II разряда. Получив срочное задание, он выполнил семь норм в день [25, с. 66].

Большое распространение в годы Великой Отечественной войны получило участие школьников в специальных воскресниках помощи различным промышленным предприятиям и артелям. Учащиеся

из отдаленного Северо-Байкальского района работали на государственном рыбном заводе и выполняли нормы на 400 %.

В годы Великой Отечественной войны детский труд широко использовался в сельском хозяйстве. В июле 1941 г. Постановлением № 1802 «О привлечении учащихся 7–10 классов неполных средних и средних школ на сельскохозяйственные работы» было разрешено привлекать учащихся старших классов к работе на полях колхозов и совхозов, причем не только сельских, но и городских. Рабочий день для школьников определялся в зависимости от их возраста. Руководство их работой осуществляли учителя, бригады делились по половому принципу. Родителям вменялось обеспечить детей постельными принадлежностями, одеждой, обувью и всем необходимым для проживания на полевых станах.

Уже с 23 июня 1941 г. все учащиеся Хоринской средней школы вместе с учителями вышли на поля, на прополочные работы. До 1 октября проработали в колхозах на заготовке сена и уборке урожая. С этого времени и до конца войны педагогический коллектив и учащиеся постоянно участвовали в сельскохозяйственных работах. Рассказывает Ш. Н. Буянтуев: «В 1941 г. мне было 16 лет. Летом я работал на сенокосе грабельщиком, пахал землю. В 1943 г. меня призвали в армию, но я не прошел медицинскую комиссию, так как в свои 18 лет весил 36 кг. В день давали 400 г овса, мы этот овес жарили, просеивали, и от него оставалась лишь горстка, которую сыпали в чай. С чаем нечего было есть, даже хлеба, потому что весь выращенный урожай отдавали на фронт» [27, с. 140–141].

Самоотверженный труд взрослых был примером для детей. 2 ноября 1941 г. был организован республиканский воскресник школьников по очистке скотных дворов. Учащиеся 149 школ республики очистили 301 скотный двор, продезинфицировали 59 дворов, очистили 150 кормушек. Школьники Батуриной школы Прибайкальского района обязались каждую неделю организовывать воскресники в помощь колхозам. Такие же обязательства приняли и в других школах.

Прежде чем отправить детей на сельхозработы, их обучали. С начала 1941/42 учебного года в программу 5–10-х классов было введено сельскохозяйственное обучение, чтобы учащиеся, особенно городских школ, могли качественно работать. Для старшекласников Народный комиссариат просвещения РСФСР утвердил 50-часовую программу, по которой учащиеся, достигшие 16-летнего возраста, изучали основные виды сельскохозяйственных работ и сельхозмашин. 4978 учеников полных и неполных средних школ приступили к обучению. Например, в Хонхолойской средней школе Мухоршибирского аймака с 11 декабря 1941 г. 50 человек под руководством директора машинно-тракторной станции Калушегина и его заместителя Сытина изучали трактор. Занятия проводились два раза в неделю по два часа. В Хоринской средней школе трактор изучали 70 человек. Кружки по изучению трактора

были организованы и в Оронгойской неполной средней школе. Кроме трактора в школах изучали другие сельхозмашины, это давало возможность заменить в колхозах ушедших на фронт отцов и братьев, особенно во время сева и уборки.

В 1942 г. секретарь Бурят-Монгольского обкома партии С. Д. Игнатьев и председатель совнаркома С. М. Иванов обратились с письмом к школьникам Бурят-Монголии о помощи сельскому хозяйству. По всей республике с весны 1942 г. дети трудились с пониманием того, что «Этот урожай — мощный удар по врагу! Этот урожай приблизит победу над врагом!» Во всех школах прошли собрания, на которых разъяснялось политическое, экономическое и оборонное значение и важность трудового участия детей в сельскохозяйственных работах. На призыв руководителей республики учащиеся ответили обязательством хорошо учиться, отлично закончить учебный год и по окончании занятий выйти на колхозные поля и огороды, на посевную и уборку урожая.

В тяжелых условиях дети выполняли работу взрослого человека. Как вспоминает Л. М. Шилова 1934 года рождения: «Нам детям, в эти годы досталось многое. Мы со взрослыми стали работать, помогать старшим сестрам... Все заботы легли на маму, брата (1929) и сестру (1930). Сколько им досталось, страшно вспомнить. Я бегала на поле, где они работали, брат и сестра пахали на лошадях. Сестра ростом небольшой была, ее за плугом не было видно, я бралась за другую ручку, чтобы ей помочь. Прибегала домой со слезами, с жалобой маме, что сестра не может пахать, падает. После занятий нас вели на поле копать картошку, собирать колоски. Мне никогда не забыть, как зимой подымались в три часа ночи, шли молотить лен и брали нас с собой. Этот лен можно было молотить только в мороз. Когда чуть появлялись лучи солнца, он переставал осыпаться, и мы бежали домой. Это было часов в 5–6, быстро ложились и засыпали. Но тут же будили нас — уже в школу идти. И как резали лук колечками по вечерам, несколько противней в один ряд, чтобы высушить до золотистого цвета и отправить на фронт. Летом помогали взрослым. Работали на конях. Волокуши возили, снопы, сено гребли. Брали нас на работу и на сушилку. Носили дрова, зерно лопатили, чтобы оно остывало. Под утро засыпали, зарывшись в теплом зерне, а утром бежишь в школу» [18, с. 64–67].

О тех временах вспоминает Г. Н. Бородин, выпускник Хоринской школы 1944 г.: «Часто после занятий мы уходили пешком на ферму колхоза и работали до позднего вечера, затем знакомили колхозниц со сводками Совинформбюро и ставили небольшой концерт, выступали с частушками о Гитлере, на злобу дня, пели песни, посвященные воинам, армии. С песнями возвращались домой, провожали всех девочек, а потом до ночи, при свете коптилок, готовили уроки. Было голодно, но жили очень дружно» [19].

Под руководством учителей и комсомольских организаций школ дети проводили снегозадержание, собирали и вывозили на поля золу и птичий помет, а весной и летом принимали участие в очистке лугов и пастбищ, в уборке сена и в других сельскохозяйственных работах. Например, 1038 учащихся Бичурского аймака с 1 по 15 июля 1942 г. выработали на колхозных полях 17 133 трудодня, а 2324 школьника Мухоршибирского аймака — 42 720 трудодней. С такой же активностью работали и учащиеся других аймаков Бурят-Монгольской АССР и г. Улан-Удэ.

О трудовом героизме детей войны писала республиканская газета «Бурят-Монгольская правда». Так, в номере от 28 июля 1944 г. дана статья об организации детской полеводческой бригаде для работы в Харанхойском совхозе ПВРЗ. «...ребята составили список бригады, в которую записались почти все подростки совхоза. Бригаду разбили на три звена. Во главе звеньев поставили Марусю Козловскую, Катю Русских и Витю Удачина... На следующий день звенья Маруси Козловской и Вити Удачина выполнили нормы на 150 проц[ентов], а звено Кати Русских — на 218 проц[ентов]. Успехи стали закрепляться. Бригада Лены Михайловой стала давать по полторы-две нормы в день. Через несколько дней ребята узнали радостную весть — первой полеводческой бригаде присуждено переходящее Красное знамя совхоза...»

1942 г. прошел в Бурятии под девизом «Пионеры — фронту!». Школьники-пионеры собирали металлолом, дикорастущие растения, готовили подарки фронту, работали в госпиталях, помогали семьям бойцов Красной армии, собирали вещи и проводили ремонт вещей для эвакуированных детей, оказывали помощь школе, заготавливали дрова и т. д.

Самоотверженно трудились школьники городов Улан-Удэ и Кяхта, внося вклад в победу над врагом своим трудом на селе. На предприятиях без определенных знаний и навыков детский труд был небезопасным, поэтому их в большей степени использовали в деревне. В свободное от учебы время городские школьники помогали колхозам и предприятиям. Так, школа № 1 г. Улан-Удэ за один день на выгрузке овощей заработала 1,2 тыс. руб., которые были переведены в фонд обороны. Школа № 22 под кураторством сотрудников Улан-Удэнского авиазавода включилась в Сталинскую вахту. 30 июня 1941 г. в колхоз «Новый путь» Прибайкальского аймака приехали 18 учеников школы № 10 г. Улан-Удэ. Комсомольцы средней школы г. Кяхты всей организацией в составе 55 человек во время своих летних каникул выезжали в колхозы аймака для оказания помощи колхозникам по сеноуборке и другим полевым работам.

«Дружно работает бригада учащихся школы № 8 города Улан-Удэ в колхозе им. Сталина Селенгинского аймака. Бригадой руководит военрук Ивлев. Из 19 чел. 11 выполняют норму выработки на 110–120 %, среди них учащиеся Бадмажапов, Корболин, Чебаков, Петров, Хохрин и др. Закончив работу на прополке посевов, школьники приступили

к заготовке веточного корма», — писала газета «Бурят-Монгольская правда» от 25 июля 1944 г.

Специально для помощи колхозам и совхозам в Улан-Удэ формировались ученические коллективы, в составе которых был 1241 человек. Несмотря на отсутствие опыта, многие из них перевыполняли нормы выработки с первых же дней работы на селе. Бригада учащихся городской средней школы № 2, насчитывавшая в своем составе 18 человек, выработала за период с 18 по 30 июня 252 трудодня, а с 1 по 13 июля — 272. Среди городских школьников проводилось соревнование на колхозных полях. Первое место заняла бригада школы № 1. Руководитель бригады и 14 учащихся были премированы ценными подарками.

Дети оставались детьми и в тяжелое время: «...вспоминается, как, будучи учащимися, ездили на уборку урожая в колхоз, жили весело, все вместе на нарах спали, трудились хором, не унывали и были довольны жизнью» [27, с. 131–140].

На 29 мая 1943 г. джидинские активисты взяли шефство над 50 телятами, закаменские учащиеся также начали курировать 50 телят. Во время сенокосной страды ребята специально заготовили корма для выращивания лучшего поголовья, регулярно производили очистку телятников, самостоятельно следили за правильным кормлением телят [15, л. 33]. 55 комсомольцев средней школы г. Кяхты во время своих летних каникул выезжали в колхозы аймака для оказания помощи по сеноуборке и другим полевым работам. Старшеклассники школы № 1 г. Улан-Удэ и студенты педагогического института выезжали в колхозы Селенгинского аймака. Ученики школ № 18 и № 3 выезжали в колхозы Иволгинского аймака [22].

Дети и подростки проявляли удивительные работоспособность и производительность. Например, С. А. Маншеева из Тункинского аймака в возрасте 15 лет отличилась тем, что связала 150 снопов за день. Примечательно, что современная норма выработки снопов для взрослого человека составляет 90 штук за 7 часов. Девушку отметили за успешную трудовую деятельность и разместили новость о ее трудовом подвиге в Боевом листке [29, с. 107].

Бичурский аймак традиционно являлся одним из главных поставщиков сельскохозяйственной продукции в регионе. Этот район с давних пор был населен русскими земледельцами, любовно осваивавшими житницу на протяжении ряда столетий. В советское время население аймака постепенно увеличивалось, в том числе за счет приезжих семей специалистов аграрного сектора. Среди детей и подростков, работавших в колхозах и совхозах, развернулось широкое социалистическое соревнование. В 1942 г. школьники Мало-Куналейской средней школы показали наилучшие результаты во всей Республике. Это притом, что труд в колхозе и совхозе был тяжелым, катастрофически не хватало машинной техники, многое приходилось делать вручную.

Всего в Бурятии в сельскохозяйственных работах приняли участие в 1941–1942 гг. — 30 тыс. школьников, в 1942–1943 гг. — 26 тыс., в 1943–1944 гг. — 16,8 тыс., в 1944–1945 гг. — 19,2 тыс.

В годы Великой Отечественной войны прославились снайперы-сибиряки, в их числе легендарные С. Д. Номоконов и Ж. Е. Тулаев. Они успешно выполняли боевые задачи, меткими выстрелами уничтожали врага. Это стало возможно благодаря имевшимся навыкам охоты в условиях тайги.

Дети Бурят-Монголии также отметились в качестве юных охотников-любителей. Признанным мастером таежной охоты стал Николай Олейников, ученик 3-го класса Мухоршибирской средней школы. Несмотря на юный возраст, он сдал 4 лисицы в аймачную контору «Заготживсырь» и 15 зайцев в Фонд обороны в 1945 г. [24].

Однако в мечтах мальчишек этого времени самой большой мечтой было громить врага своими руками. Боевой настрой всех старшеклассников был достаточно высок. Многие ребята опасались, что их не возьмут на фронт и они не успеют поучаствовать в борьбе с нацистской Германией. Примечательны слова восьмиклассника Антона Курилова, который осенью 1941 г. заявил следующее: «...Заверяю дирекцию школы в том, что буду настойчиво и упорно изучать трактор, чтобы в любую минуту пересесть на боевую машину» [27, с. 140]. Будучи учеником девятого класса в 1942 г., был призван Г.-Д. Б. Дагбаев. «Когда нам пришла повестка о призыве в армию, наши девчата, несмотря на скудное военное время, вручили подарки. Хорошо помню: подарили по флакончику одеколona, галстук и платочки» [27, с. 148]. Такие нехитрые подарки было достаточно сложно добыть в условиях повсеместного дефицита. Девчата искали любую возможность поддержать сверстников, уходящих на фронт.

Е. Д. Бельдужева вспоминала: «Самое страшное для нас, учеников военных лет, было встречать своих одноклассников уже инвалидами войны. Еще страшнее были извещения о гибели знакомых» [25, с. 66]. Вчерашние школьники бесстрашно отправлялись на фронт и, не жалея себя, защищали Отчизну.

Жуткие события Великой Отечественной войны обрекли ребят, родившихся в период 1920–1940-х гг., на преждевременное взросление. Они хлебнули горя полной чашей, слишком большой для маленького человека. Почетный гражданин Бурятии Л. К. Синегрибов столкнулся с ужасами военного времени. В возрасте двух лет мальчика оторвали от матери и погрузили в вагон с другими детьми. От верной смерти Леонида спасли мирные литовцы, усыновившие мальчика. Его родным повезло меньше: мать и 11-летнего брата Валентина угнали в Германию, где они работали на скотном дворе у помещика вплоть до самой Победы. Когда война закончилась, отцу чудом удалось разыскать маленького сына, и они вместе вернулись на родину. Позже Леонид Кириллович окончил

Ленинградский госуниверситет, получив диплом журналиста, и по распределению отправился работать в Улан-Удэ. Несмотря на преклонный возраст, он остается главным редактором уникальной газеты «Судьба», возглавляет общественную организацию «Российский союз бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей». Леонид Кириллович всю свою жизнь сохраняет память о Великой Отечественной войне, не дает предать забвению память о зверствах нацистов.

Важно отметить, что многие малолетние узники фашизма нашли в Бурятии второй дом, построили карьеру и создали семьи.

В 2025 году исполняется 80 лет со дня окончания Великой Отечественной войны. За эти десятилетия выросло несколько поколений, но память о воинском и трудовом подвиге советского народа не стерлась из памяти. Каждая семья Бурятии чтит память как о воинах-героях, так и о тружениках тыла, в том числе детях и подростках, которые самоотверженно несли трудовую вахту, помогая приближать Победу.

Список литературы

1. *Алексеев В. В., Исупов В. А.* Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука, 1986. 233 с.
2. *Андреев В. И.* История бурятской школы. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. 567 с.
3. *Банзарацзаева Е. В.* Охрана детства в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Бурят-Монгольской АССР): дис. ... к. и. н. Улан-Удэ, 2005. 165 с.
4. Бурятия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. док. / сост. Н. Ф. Прокопьева [и др.]. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1975.
5. Бурят-Монгольская правда. 1941. 25 июня.
6. Бурят-Монгольская правда. 1942. 12 октября, 12 декабря.
7. Взносы школьников // Бурят-Монгольская правда. 1941. 10 декабря. № 293. С. 2.
8. Воспитание детей в условиях войны // Правда. 1942. 24 марта. № 83.
9. *Высотина Е. А.* Рабочие Бурятии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 7. С. 7–10.
10. Государственный архив Республики Бурятия (ГА РБ). Ф. 60. Оп. 3. Д. 240.
11. ГА РБ. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 142.
12. ГА РБ. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 1742.
13. ГА РБ. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 1747.
14. ГА РБ. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 1775.
15. ГА РБ. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 1935.
16. ГА РБ. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 1825.
17. ГА РБ. Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 4.
18. *Долхонова Э. З.* Дети войны Бурятии: вчера и сегодня. Улан-Удэ: НоваПринт, 2021. 199 с.
19. Зимой учеба — летом труд // Бурят-Монгольская правда. 1941. 2 июля. № 153.
20. Информация о численности граждан в субъектах Российской Федерации, бывших детьми или родившихся в период Великой Отечественной войны // Дети

- войны. URL: <https://дети-войны.рф/dokumenty/36-obrashchenie-k-predsdateluy-gosudarstvennoj-dumy-s-e-naryshkinu.html> (дата обращения: 15.05.2025).
21. История Бурятии с древности до наших дней: учеб. пособие для учащихся старших классов: в 2 ч. Ч. 2 / под ред. Н. С. Байкалова. Улан-Удэ: Бэлиг, 2023. 232 с.
 22. Комсомольцы-учащиеся едут в колхозы // Бурят-Монгольская правда. 1941. 2 июля. № 153.
 23. Материалы Дома научно-технической пропаганды ОАО «Улан-Удэнский авиационный завод» (Музей ОАО «Улан-Удэнский авиационный завод»).
 24. Материалы музея с. Хоринск.
 25. Первая национальная школа Бурятии. Улан-Удэ: Бэлиг, 1996. 84 с.
 26. *Пыкин В. М.* Вклад молодежи Бурят-Монголии в Великую Победу: свидетельства документа // Великая Победа великого народа: сб. ст. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. 173 с.
 27. *Соктоева Е. С.* Деятельность общеобразовательных школ БМАССР в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: дис. ... к. и. н. Улан-Удэ, 2015. 184 с.
 28. Численность населения СССР на 17 января 1939 г.: по районам, районным центрам, городам, рабочим поселкам и крупным сельским населенным пунктам. М.: Госпланиздат, 1941. 266 с.
 29. *Шобонова Е. Л., Миягашева С. Б.* Память сильнее времени. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. 160 с.

Т. И. Шукшина

Социальная защита эвакуированных детей и подростков на территории Мордовии в годы Великой Отечественной войны

Тяготы войны не обошли стороной «тыловую» Мордовию, давшую стране 104 Героя Советского Союза, потерявшую на полях сражений 130 960 своих сыновей. До середины октября 1943 г. Мордовская АССР (МАССР) являлась прифронтовой территорией СССР и входила в Московский военный округ. В республике проводилась интенсивная подготовка специальных формирований, принимались и создавались воинские части, осуществлялась работа по формированию партизанских баз. Почти 100 тыс. ее жителей привлекались к строительству Сурского оборонительного рубежа. Мордовия служила промежуточным пунктом при доставке боевых самолетов в действующую армию, имея для этого специально оборудованные аэродромы. Через ее территорию проходили шесть дистанций пути Куйбышевской, Ленинской (Московско-Рязанской), Казанской железных дорог, которые несли существенную эксплуатационную нагрузку. Здесь размещалось 14 госпиталей. В республику была осуществлена эвакуация промышленных предприятий с западных территорий. Большие преобразования с началом войны произошли в аграрном секторе. Сельское население составляло 93 % от всего населения республики. Мобилизация на фронт, участие в строительстве оборонительных рубежей значительно сократили людские ресурсы села, и прежде всего количество трудоспособных мужчин, которых заменили женщины, подростки и старики. На фронт были отправлены тысячи автомобилей, тракторов, лошадей. Война привела к серьезным изменениям и в непромышленной сфере народного хозяйства, в частности в образовании.

Социальная защита детства — это комплексная проблема, в решении которой принимают участие государственные и общественные организации, разные специалисты (педагогические, медицинские работники, управленцы разных уровней и др.). В годы Великой Отечественной войны данная проблема вышла на первый план даже в сравнении

с организацией обучения детей. В социальной защите особо нуждались эвакуированные, сироты, оставшиеся без попечения, усыновленные, патронированные, больные дети.

В системе образования на территории Мордовии из-за суровых условий военного времени появились новые проблемы и трудности. Фактически складывалась новая социально-педагогическая ситуация. Одной из важнейших задач, стоящих перед органами управления образованием, стала забота об эвакуированных детях и сиротах. Необходимо было создать для них сеть детских домов и интернатов, обеспечить соответствующие условия.

За 10 дней с начала войны Мордовия приняла восемь эшелонов с эвакуированным населением прифронтовой полосы [17]. Перед Народным комиссариатом просвещения республики и исполкомами районных советов была поставлена задача организации и расширения существующих детских садов, детских площадок, пионерских лагерей для обслуживания эвакуированных, причем сроки ее решения были минимальными. Так, в Темников эвакуированный из Мстиславля детский дом прибыл 31 июля 1941 г. В течение месяца учреждение было подготовлено к учебному году, и все 250 воспитанников школьного возраста в срок направлены в Темниковскую среднюю школу [19]. На 21 августа того же года в МАССР насчитывалось 18 детских домов с общим количеством воспитанников 3162 чел., из которых 2371 был из числа эвакуированных [32].

Население республики проявляло большую заботу об эвакуированном населении. В первые месяцы войны в Мордовию приехало около 60 тыс. жителей из районов, временно оккупированных врагом, среди них было много детей. Из них более 1,3 тыс. были усыновлены и взяты на воспитание в семьи гражданами республики. В с. Курилово Ромодановского района прибыло 500 чел. эвакуированных — почти столько же, сколько проживало жителей в этом селе. Куриловцы смогли разместить и делились хлебом и солью с белорусами, украинцами, латышами и эстонцами [4, с. 165]. Всего в Мордовии в результате эвакуации нашли пристанище представители более 30 национальностей [35; 16, с. 42].

Многие дети лишились родителей и нуждались в одежде, обуви, а самое главное — в материнской ласке, заботе. Буквально за несколько дней для эвакуированных детей было собрано много необходимых вещей и подарков [6]. Н. Я. Терехина, при эвакуации из Ленинграда потерявшая под бомбежкой родных и воспитывавшаяся в детском доме вместе с сестрой, вспоминала: «Всех нас в первую очередь старались накормить, одеть, обуть, сделать все возможное, чтобы каждый ребенок, на долю которого выпало столько недетского горя, смог почувствовать теплоту и участие» [15]. Леонарда Кривош, эвакуированная из Польши в Редкодубский детский интернат, писала впоследствии о том, что Мордовия стала для нее второй родиной [3].

К началу учебного года в республике специально для детей из прифронтовой полосы и проживающих без родителей было организовано 14 детских домов, эвакуированных из Минска, Орши, Бреста, Барановичей, Смоленска, Мурманска с общим контингентом 2746 чел. Кроме того, неорганизованным порядком из этих же и других городов прибыло 4336 детей [32].

Сеть детских домов по состоянию на 1 мая 1942 г. включала уже 19 школьных и 6 дошкольных учреждений с общим охватом 3314 воспитанников (2613 — в школьных и 701 — в дошкольных). Из этого числа эвакуированными были 6 школьных (815 человек) и 2 дошкольных детских дома (241 человек), 8 школьных (1097 человек) и 3 дошкольных детских интерната (289 человек). Остальные же 5 школьных (701 человек) и 1 дошкольный (171 человек) детские дома являлись республиканскими [18]. Для небольшой республики это были значительные цифры, соответствующей была и нагрузка на социально-бытовую сферу. К началу следующего учебного года контингент в существующих детдомах вырос на 75 человек и на бюджетные средства Наркомпроса был организован еще один детский дом на 150 воспитанников [33].

Между тем на территорию Мордовии продолжали поступать эвакуированные дети. Возникла проблема их размещения, создания дополнительных мест в детских садах, новых школ. Так, из Смоленской области прибыли 700 человек, что вызвало необходимость в открытии новых детских домов на 400 мест. Оставшихся 300 человек определили в действовавшие учреждения, предварительно произведя там ремонт помещений, обеспечив мебелью, постельными принадлежностями, кухонной посудой и др. Летом 1943 г. в республику были эвакуированы дети из Белорусской ССР (400 человек), которые были размещены в существующих детских домах [28]. В 1943/44 учебном году на территории МАССР было 25 детских домов, из них 21 школьный, 4 дошкольных, 1 интернат, 3 спецшколы с контингентом воспитанников по детским домам и интернату — 3155, по спецшколам — 174 человек [26]. Исходя из гуманных соображений создавались детские учреждения и смешанного типа, чтобы не разлучать детей из одной семьи, принадлежащих к различным возрастным группам, — дошкольной и школьной. В целом же в Мордовии количество детских домов за время войны возросло в 5 раз — с 6 до 32 (по другим источникам — до 34). Через них в общей сложности прошло более 8 тыс. воспитанников [5; 15].

Правительства всех уровней — союзное, российское и региональное — уделяли детским учреждениям постоянное внимание и требовали разместить, обеспечить материально-техническую базу, наладить их бесперебойное снабжение в первую очередь. Для эвакуированных детских домов на местах были предоставлены лучшие здания. Однако решение этой задачи было сопряжено с преодолением значительных

трудностей. Ряд помещений не соответствовал своему назначению. Здания были малы, в отдельных случаях наблюдалась «скупенность детей». В Темниковских детских домах № 1 и 2, Шейн-Майданском интернате (Атяшевский район), Козловском детском доме дети спали по двое в одной кровати. Подготовка к занятиям, кружковая работа, досуговые мероприятия проводились в спальнях помещений, что негативно отражалось на их санитарном состоянии [33]. Некоторые детские учреждения вынужденно располагались в приспособленных помещениях, например в здании бывшего Пайгармского монастыря в Рузаевском районе, которое к тому же было занято под военные нужды [24].

Количество местных детей-сирот также увеличивалось, поэтому была поставлена задача до 1 июля 1943 г. организовать в Саранске для детей города детский дом, разместив его в здании средней школы № 4. Создание новых детских домов планировалось и в ряде районов республики, в частности в Пурдошанском (Урейский на 75 человек) и Атюрьевском (Базарно-Дубровский на 90 человек). Их необходимо было разместить в школьных зданиях за счет проведения учебных занятий в две смены [15].

Эвакуированные детские учреждения, за редким исключением, прибывали без всякого оборудования и обмундирования, причем большая часть детей остро нуждалась в обуви и верхней одежде.

Большие проблемы возникали с заготовкой дров, в основном из-за отсутствия транспорта. Воспитанники детдома им. Н. Островского (Козловский район) вынуждены были сами «ежедневно ночью ездить на салазках и без салазок в лес за дровами и хворостом за 2–3 км» [31].

Основная тяжесть по финансированию детских учреждений ложилась на бюджеты республики и местных советов. Так, в счет финансирования данных учреждений Народным комиссариатом финансов РСФСР было переведено 500 тыс. рублей. Однако этой суммы было недостаточно даже для питания детей — необходимы были ассигнования в размере около 4,5 млн рублей [32]. За годы войны бюджет детских домов Мордовии по сравнению с 1940 г. увеличился на 420 % [9].

В целом же, несмотря на значительные трудности военного времени, главной задачей в отношении детей являлась охрана их жизни и здоровья. Для этого в первую очередь требовались налаживание медицинского обслуживания и установление санитарно-гигиенического надзора за состоянием учебно-воспитательных учреждений. Под контролем наркоматов здравоохранения и просвещения находился весь комплекс вопросов, связанных с данной проблемой. Несмотря на кадровые затруднения, при каждом детском доме или интернате была медсестра, а иногда и врач. Медицинские работники регулярно проводили в детских учреждениях медосмотры и различные профилактические мероприятия (прививки, проверку меню и рациона, дезинфекцию

помещений и др.). В каждом из них были отдельные комнаты — изоляторы, в которые помещались заболевшие дети. Для больных устанавливались особый режим, питание и лечение. Инфекционные заболевания в детских домах в течение первого военного года были достаточно редки (чаще всего дети болели чесоткой). Строгие требования предъявлялись к соблюдению режима дня: проводились физзарядка, прогулки на воздухе и др. Во многих детских домах были созданы санитарно-бытовые комиссии, которые осуществляли санитарно-профилактическую и другую работу.

Недоедание, стрессовые ситуации, недостаточное медицинское обслуживание приводили к различного рода заболеваниям. В связи с этим правительством республики было принято решение о реорганизации детского дома, находившегося на территории совхоза «Красная Пресня» Рузаевского района, в детский дом санаторного типа для детей с туберкулезной интоксикацией с контингентом 100 человек [24].

К сожалению, в архивах сохранились свидетельства и безразличного и формального отношения к эвакуированным. Так, в Лямбирском районе долго не решался вопрос о размещении детского дома из Карело-Финской АССР (Ковда) с количеством детей 102 человек. Кроме того, очень тяжелым было положение с питанием. В документах отмечается, что детям «приходилось питаться грибами, которые они сами же и собирали, в ужин дается только чай, яблоки и огурцы, которые даются в долг в колхозе, теперь хлеба едва хватает. Запасы мяса истощены, крупы осталось совсем мало, картофель не на что закупить». В Ичалковском районе был эвакуирован 481 человек: «...дети в большинстве своем разуты и оборваны, они совсем не имеют смены белья, а спят на соломе, что ведет к появлению вшей, блох и к заболеваниям. Средств на питание отпускается также недостаточно, были случаи, что дети оставались без ужина, а обедом не были сыты» [32].

Одной из важнейших забот являлось снабжение детских учреждений продовольствием и предметами широкого потребления. В жестких рамках вынужденного нормирования дети обеспечивались ими на льготных условиях и в максимальных масштабах. Так, в Козловском детском доме было организовано четырехразовое питание. Развитие подсобных хозяйств при детских учреждениях способствовало улучшению рациона, повышению его калорийности [21].

Несмотря на то, что снабжение школьников занимало в комплексе государственных мероприятий по охране жизни и здоровья детей особое место, с организацией питания воспитанников детских учреждений возникали большие сложности. Отпускаемых по нарядам Наркомторга продуктов часто было недостаточно. Так, мясо с января 1942 г. (по данным на 1 октября 1942 г.) не выделялось совсем, а животное масло отпускалось в очень незначительном количестве (в III квартале в среднем

каждый детский дом получил только по 2–3 кг) [33]. Ассортимент продуктов не всегда выдерживался [27]. Например, обследование Куриловского детского дома показало, что питание детей в нем было исключительно плохое. Хлеба 132 воспитанника получали 115–117 кг в день. Никаких продуктовых запасов не имелось. Вот характерное меню: завтрак — побеленная молоком вода и 200–250 г хлеба; обед — мясной суп, вторых блюд нет; ужин — то же, что и завтрак [32].

Для улучшения материальной базы детских домов СНК МАССР был утвержден план по развитию подсобных хозяйств [27]. Большую помощь в этом деле должны были оказать предприятия, колхозы, совхозы, шефствовавшие над детскими учреждениями республики. Так, для укрепления подсобных хозяйств темниковских детских домов и создания в них необходимой материальной базы работники колхозов «Красная заря», «Путь коммунизма», «Вторая большевистская весна» и др. взяли на себя конкретные обязательства по оказанию им помощи: вспашке земли, выделению семян, картофеля, домашних животных и т. д. [24]. Эта инициатива была широко поддержана другими предприятиями. Большую заботу об эвакуированном населении проявляли правления Тергеновского и Турдаковского колхозов Ардатовского района. Для детей отпускалось молоко, была выделена шерсть на валенки, носки и другие теплые вещи [10; 12].

Жители республики стремились бескорыстно помочь государству в создании необходимых условий для жизни эвакуированных и детей-сирот. Помощь приходила и от людей, живущих за пределами Мордовии. Так, профессору А. И. Яковлеву, сыну известного чувашского просветителя И. Я. Яковлева, постановлением СНК СССР была присуждена Сталинская премия за 1942 г. [1]. Из полученной суммы 40 тыс. руб. он передал на организацию Шейн-Майданского детского дома в Атяшевском районе и на расширение его подсобного хозяйства, за что правительством республики профессору была выражена благодарность [22].

В помощь детским домам и интернатам в некоторых районах были созданы женские активы, которые сыграли важную роль в размещении детей, организации их питания и т. д.

Особое значение в работе с детьми придавалось мерам борьбы с их беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством. Большое место в работе управленцев занимали вопросы, связанные с обслуживанием детей, оставшихся без родителей. В соответствии с Постановлением СНК СССР от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», в республике была создана комиссия, которая координировала и направляла всю деятельность в данном направлении. Аналогичные комиссии работали и на муниципальных уровнях, при гор- и райсоветах. Одной из важнейших задач, стоявших перед комиссиями, были устройство и патронат данной категории детей. Так, детскому приемнику

НКВД на 1942 г. Совнаркомом МАССР было выделено 126 мест на определение беспризорных детей по предприятиям и совхозам Мордовии [33]. В связи с прибытием в Торбеевский район 90 детей ассигнования району на мероприятия по борьбе с детской беспризорностью были увеличены на 30 тыс. руб. [22]. Для оказания помощи родителям и родственникам в отыскании оставших от них детей при НКВД МАССР был создан справочный адресный детский стол [23].

Наиболее действенными формами устройства осиротевших детей и предупреждения детской и подростковой беспризорности были усыновление, патронат и опека. По почину работниц московского завода «Красный богатырь» в семьи рабочих, служащих и колхозников республики, по данным на 1 октября 1942 г., было взято на усыновление 46 детей, родители которых погибли на войне, на воспитание (патронат) — 1275 человек [33].

Жизнь усыновленных находилась под постоянным наблюдением инспекторов районных отделов народного образования. Обследование детей, усыновленных в Рузаевском районе из дома ребенка Наркомздрава МАССР и на станции Рузаевка из комнаты матери и ребенка, показало, что новые родители относились к ним с большой любовью. В Мельцанском районе в различных селах было 10 патронированных детей. Для многих детей, прибывших из разных регионов, «Мордовия стала второй родиной. Именно здесь дети учились, выросли, приобретали профессии, некоторые обретали семьи» [7].

СНК МАССР, рассмотрев 15 декабря 1942 г. вопрос о выполнении постановления СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», констатировал, что в ряде районов оно «выполняется совершенно неудовлетворительно». В связи с этим было принято решение о дополнительном введении в штаты районных, городских отделов народного образования, имевших свыше 100 патронированных детей, должность инспектора по патронированию, опеке и усыновлению. Наркомпросу республики было предложено ввести в штат аппарата трех инспекторов и выделить из числа лучших учителей внештатных инспекторов по охране прав детей и борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью [20]. Безусловно, принятие данной меры способствовало более эффективному решению всего комплекса проблем, связанных с заботой о детях.

На 1 января 1943 г. патронированных детей в республике было 1200, на их содержание было ассигновано 756 тыс. руб. К апрелю этого же года в республике насчитывалось 10 080 детей, не имеющих родителей, из них в детских домах и интернатах содержалось 2776, патронировалось за счет государства 1523, за счет колхозных касс взаимопомощи — 2917 [23].

Для нуждавшихся детей фронтовиков, проживавших с родителями, было организовано 17 столовых на 1800 человек и запланировано открыть

еще 5 детских столовых в Саранске, Рузаевке, Ардатове, Краснослободске и Темникове. На средства кассы взаимопомощи в колхозе «Новая жизнь» Лямбирского района 14 детей бойцов Красной армии были обеспечены одеждой и учебниками [2; 12]. Колхозом им. С. М. Кирова Болдовского района была оказана помощь в приобретении одежды, обуви, снабжении продуктами, а также в ремонте домов семьям военнослужащих и инвалидов войны [8]. 16 мая 1943 г. газета «Красная Мордовия» сообщила о том, что трудящиеся Саранска собрали 62 тыс. руб. детям-сиротам, пострадавшим от фашистов [11]. В августе 1944 г. на махорочной фабрике был проведен месячник по сбору средств для детей фронтовиков. Общее собрание рабочих и служащих «единодушным своим решением постановило отчислить 1 % месячного заработка, который составляет 3800 руб.» [13, с. 255].

В целях создания необходимых условий для обучения и воспитания детей военнослужащих, погибших на фронтах Отечественной войны, Шейн-Майданский детский дом Атяшевского района был реорганизован в детдом для детей военнослужащих с выделением ему земельного участка, транспорта и необходимого инвентаря [22].

Постановление Совнаркома МАССР № 491а от 28 апреля 1943 г. «О мероприятиях по улучшению материально-бытового обслуживания семей военнослужащих» обязывало Наркомпрос республики «...за счет общего контингента детсадов организовать в г. Саранске детсад для детей, больных туберкулезом, на 200 мест, обеспечив в первую очередь прием детей военнослужащих; обслужить... пионерскими лагерями 3000 человек, в том числе детей военнослужащих». Кроме того, предписывалось увеличить контингент патронированных детей на 610 человек [28].

По достижении воспитанниками детских домов 14 лет стояла задача выпуска их в трудовую жизнь, обеспечения их первоначального существования. Данные вопросы постоянно находилась в поле зрения Совнаркома и бюро обкома ВКП(б) республики, а также Наркомпроса МАССР [29]. На 1 мая 1942 г. из 2613 воспитанников школьного возраста были выведены из детских домов республики 711, из них 108 трудоустроены в колхозы и на предприятия, 603 — направлены в школы ФЗО и РУ [18]. В течение лета на учебу были выведены еще 663 человек, трудоустроены в колхозы, совхозы и предприятия республики 225 человек [18].

Многие сельскохозяйственные и промышленные предприятия создавали необходимые условия для жизни и работы воспитанников детских домов, обеспечивали их квартирами, питанием, одеждой и обувью. Среди таких предприятий следует назвать Саранский консервный завод, маслозавод, хлебозавод, Краснослободский совхоз «Красный коноплевод» и др.

Воспитанники детских учреждений с семилетнего возраста были охвачены учебным процессом, в основном в школах по месту их нахождения. В четырех детских учреждениях имелись собственные школы:

в двух Краснослободских — с особым режимом и № 4, Темниковском детском доме и Пушкинском детском интернате.

Качество образования за первый военный учебный год по детским домам было явно недостаточным: абсолютная успеваемость составила 93,4 %. Самые низкие показатели дали Краснослободский детский дом № 3 (78 %), Тархановский детский интернат № 3 (77 %) и некоторые другие. Но благодаря добросовестному отношению учителей и воспитателей детских домов, большому желанию воспитанников отлично учиться во втором полугодии 1941/42 учебного года успеваемость достигла 95 %. Наиболее высокие показатели учебы дал Левжинский детский интернат, в котором к концу года было 85 % отличников в 4-м классе и 77 % — в 3-м. В детском интернате совхоза «Красная Пресня» на «отлично» и «хорошо» занимались 92 % учащихся. В нескольких детских учреждениях была отмечена 100 %-я успеваемость (Большеберезниковский детский дом № 11, Ардатовский детский дом № 14, Краснослободский, Левжинский и Краснопресненский интернаты, Московский интернат в совхозе «Красная Пресня») [18].

Проблему успеваемости осложняло то обстоятельство, что в Мордовию прибыли дети из Литвы, Западной Белоруссии и Украины, которые не знали русского языка (в Пушкинском интернате — из санаторно-пионерского лагеря «Паланга» Литовской ССР, Оброчинском — из Западной Белоруссии, Редкодубском — с Брест-Литовской железной дороги и т. д.). Сказывалось и отсутствие учебников на родном языке учащихся. Из отчетов видно, что некоторые детские дома, в которых воспитывались нерусские дети, имели достаточно высокие показатели в учебе. Например, в Большеберезниковском польском детдоме в русской школе из 302 оценок было 132 пятерки, 94 четверки, 74 тройки; в польской школе из 53 оценок более 75 % были положительными [27]. А для организации обучения на белорусском языке некоторые школы были реорганизованы в белорусские (например, на базе Темниковского детского дома), а также открыты белорусские классы в действовавших школах.

Кроме того, в учреждениях, в которых были дети из различных мест СССР, воспитательная работа строилась с учетом культурно-национальных особенностей и традиций регионов. Так, в Ардатовском детском доме № 14 детям читали белорусские газеты и журналы, которые высылал Наркомпрос Белоруссии. Благодаря этой мере дети многое знали о деятельности отважных партизан-земляков и даже отправили им письмо, в котором писали: «Мы хотели бы быть смелыми разведчиками и помогать вам, но мы живем далеко от фронта» [21].

Существеннейшее значение в воспитательной работе имело формирование у учащихся таких качеств, как миролюбие и толерантность, особенно в тех детских учреждениях, в которых воспитывались дети из западных областей страны. Здесь такая работа начиналась с проведения

бесед. В Новомихайловском детском доме была организована встреча воспитанников с местными татарскими детьми.

Педагоги и воспитатели проводили основательную подготовку детей к началу занятий в школе. Так, уже с 20 августа воспитатели с детьми начинали повторять пройденный материал за предыдущий год (до трех раз в неделю) по заранее составленному графику. Особое внимание при этом уделялось таким предметам, которые вызывали у детей наибольшие затруднения при усвоении материала. Кроме того, силами учителей организовывались предметные консультации. С детьми, которые поступали в 1-й класс, проводились специальные занятия, готовившие их к учебе, например по организации рабочего места и др. [18].

Организация учебного процесса в детских домах затруднялась и весьма скудной обеспеченностью литературой и школьно-письменными принадлежностями. Отмечалось, например, что в одном детском доме «воспитанники, которые учатся, учебниками не обеспечены, для 4 класса имеется 1 учебник на группу; что касается пишущих принадлежностей: чернил, ручек, карандашей, тетрадей, карандашей цветных и тетрадей для рисования — или совсем нет, или не хватает»; в другом детском доме «полным комплектом всех учебников не обеспечен хотя бы в одном экземпляре ни один класс, а в 3 классе совсем нет ни одного учебника» [34].

Нередко старания детей стимулировались с помощью лозунгов, призывов, имевших характерную для военного времени направленность. Так, в Ардатовском детском доме № 14 воспитанники знали, что «если отлично стоит по диктовке — это удар по врагу из винтовки» (стихотворное изречение было размещено над доской с результатами итогов соцсоревнования). «Когда отстающему в учебе или нарушившему дисциплину предлагали ответить перед всем собранием, чем он помог фронту, он бывал сильно смущен, давал обещание исправиться, свое слово сдерживал и в дальнейшем подтягивался», — вспоминал один из руководителей детских домов военной поры [21].

Внешкольная и внеклассная работа в детских учреждениях того времени «перестроилась на военный лад, подчинившись задаче разгрома фашистских варваров». К ней были привлечены все воспитатели, приглашались также и специалисты. В центре внимания находились деятельность военно-оборонных и физкультурных кружков, занятия по противовоздушной, химической и санитарной обороне. Военно-оборонной работой были охвачены все воспитанники детских домов с 4-го класса. С каждой группой проводились занятия по соответствующим возрастным нормам на значки БГТО, ПВХО, БГСО, Юный ворошиловский стрелок (ЮВС), другие стрелковые, по изучению топографии и др. Например, Курилковский детский дом выпустил 35 значкистов ПВХО, 60 человек участвовали в физкультурном кроссе. В Ардатовском детском доме № 7 все

воспитанники сдали нормы на значки ПВХО, БГСО, частично на ЮВС и т. д. Проводились военизированные походы, игры, а также соревнования на лучшего гранатометчика, стрелка, разведчика, связиста. Особенно интересно эта работа была поставлена в Ичалковском детском интернате, Новомихайловском и Темниковском детских домах. Работали санитарные дружины, в которых ребята изучали военно-санитарное дело. В Лямбирском детском доме была организована выставка «С фронтов Отечественной войны», на которой были представлены фотоснимки из газет. В Новомихайловском и Редкодубском прошли пионерские костры на тему «Отечественная война», военные игры «Найди знамя» и др. [18]. В целях закалки и воспитания выносливости с детьми проводились прогулки, экскурсии. Занятия утренней гимнастикой и физкультурой стали правилом во всех детских домах.

Досуг детей заполнялся самодеятельностью, что смягчало тоску по семье и малой родине. Проводы на фронт и торжественные вечера в сельских и городских клубах, как правило, сопровождалась концертами детской художественной самодеятельности. Темниковский детский дом под руководством артиста Алексева в течение года дал 24 выступления с различным репертуаром. В мае были поставлены четыре платных спектакля, доход от которых в сумме 6 тыс. руб. сдан в Фонд обороны. Пользовался известностью духовой оркестр Козловского детского дома, который играл не только на детдомовских мероприятиях, но и на митингах, торжественных собраниях в клубе [22]. В Краснослободском дошкольном детском интернате, эвакуированном из Москвы, была устроена елка для ребят. Воспитанниками Темниковского детдома был проведен маскарад, даны платные концерты, а собранные деньги направлены на строительство танков.

В дошкольных детских домах уделялось внимание развитию у воспитанников речи, математических представлений и др. Организовывались музыкальные занятия. Малышам прививалось чувство ритма, развивались слух, пластичность. Со способными детьми в ряде учреждений проводились индивидуальные музыкальные занятия — обучение игре на пианино (Ардатовский дошкольный детдом № 14) [18].

Для организации и активизации самодеятельности воспитанников при каждом детском учреждении был организован совет детского актива (детсовет), который руководил учебной, оборонно-физкультурной, культурно-массовой работой с помощью прикрепленного к нему воспитателя. Работа детского совета была направлена на проведение следующих мероприятий: организацию социалистического соревнования между группами, кружками, а также другими детскими домами; укрепление сознательной дисциплины, повышение качества учебы воспитанников; вовлечение детей в работу кружков, в оборонную, физкультурную и культурно-массовую работу; организацию вечеров

детской художественной самодеятельности; поднятие культуры быта помещений, озеленение усадьбы, поддержание чистоты и порядка; издание стенной газеты и др. Например, в Новомихайловском детском доме была организована учебно-трудовая комиссия при детсовете, которая распределяла работу воспитанников.

В детских домах и интернатах создавались тимуровские команды. Они оказывали помощь семьям красноармейцев: следили за малолетними детьми, кололи дрова, носили воду и т. д.

Безусловно, были в работе детских учреждений и негативные моменты. Недостаточное питание заставляло воспитанников воровать колхозный горох, картошку и др. Случались и отчаянные побегии. После семидневного пребывания в одном из детских учреждений 12 человек, прибывших из Мурманской области, сбежали. Через несколько дней их вернули, однако в дальнейшем они совершали повторные побегии, что объясняли плохим питанием. Нередкими были побегии и по причине «детовщины» [31].

Негативные факты требовали принятия решительных мер. На основании постановления СНК МАССР от 14 июля 1943 г. в п. Саров на базе ремесленного училища была создана детская трудовая воспитательная колония для несовершеннолетних. В данное учреждение направлялись подростки в возрасте от 11 до 16 лет следующих категорий: беспризорные, не имевшие родителей совсем или длительное время проживавшие без них и не имевшие определенного местожительства; задержанные за хулиганство, мелкие кражи и другие незначительные преступления, возбуждение уголовного преследования против которых признавалось нецелесообразным; воспитанники детских домов, систематически нарушавшие внутренний распорядок и дезорганизовавшие процесс учебы и воспитания. Наркомпрос осуществлял помощь НКВД МАССР в подборе для колонии подготовленных учителей и воспитателей, обеспечивал комплектование библиотеки через библиотечный коллектор, снабжал учебно-наглядными пособиями, школьными принадлежностями и театрами «наравне со школами системы Наркомпроса» [28].

В условиях военного времени возникла проблема организации детского труда как средства повышения качества жизни, трудового воспитания и допрофессиональной подготовки. Известно, что трудовые качества формируются в человеке в течение всей жизни, однако многое определяется именно тем, что заложено в детские годы. Кроме того, трудовое начало являлось необходимым условием успешного функционирования детских домов, поэтому большое значение в них придавалось трудовому воспитанию, а именно труду учебному, производительному, бытовому самообслуживающему и общественно значимому.

Все воспитанники детских домов начиная с 8–12 лет выполняли работу по самообслуживанию, что давало им впоследствии необходимые навыки для самостоятельной трудовой жизни. На каждый день

назначались дежурные по столовой, кухне, спальне, в круг обязанностей которых входило: накрыть стол, вымыть посуду, почистить картофель, принести воду, следить за чистотой в комнатах и др. Девочки помогали прачкам стирать и гладить белье, чинили верхнее платье, пришивали пуговицы, мыли полы и т. д. Мальчики заготавливали, пилили и рубили дрова, зимой расчищали дорожки от снега, ухаживали за лошадьми, коровами, поросятами и другими домашними животными. Отдельные воспитанники были прикреплены к тем или иным участкам детдома, т. е. отвечали за территорию, баню, столовую и т. д.

В детских домах были организованы и различные кружки: швейные, художественной вышивки, вязания. Например, в Ардатовском детском доме № 7 был организован столярный кружок, где силами мальчиков было изготовлено 150 топчанов и других вещей домашнего обихода.

Все воспитанники детских домов принимали непосредственное участие в работе в подсобном хозяйстве: вскапывали землю, делали гряды, сажали, поливали и пропалывали растения, ухаживали за цветниками вокруг зданий.

Суммарные (физические, психические, умственные) нагрузки у детей были значительными: обязательные занятия в школе, выполнение домашних заданий, работа по самообслуживанию, забота о младших и др. Известный в республике журналист С. Константинов, с четырех лет воспитывавшийся в детском доме, так вспоминает свое военное детство: «Как и теперь, тогдашние детдома находились на полном гособеспечении. Детдомовцы воспитывались в тепле и достатке. Но и сами не сидели, сложа руки. У детдома было много земли. Мы сажали картошку, капусту, просо, пшеницу. Ухаживали за коровами, овцами, поросятами, лошадьми. Сами заготавливали дрова. Кстати, на лесозаготовках я себе грыжу заработал: поднимали на машину бревно, а оно оказалось тяжелее обычного. Пришлось поднатужиться, прежде чем подтянуть его до уровня кузова. И вот, когда оно было почти на месте, вдруг стало валиться обратно. Ребята бросились врассыпную, а я остался держать. В этот момент у меня что-то хрустнуло внизу живота. Сначала не обратил внимания, а потом попал на операционный стол» [14].

В подготовке воспитанников детских домов к самостоятельной жизни большую роль играло производственное обучение. Производственные мастерские в течение первого военного учебного года были только в пяти детских домах, однако и из них не все в полной мере работали за неимением соответствующего материала: шерсти, ниток, иголок, лесоматериала, а также инструментов, приспособленных помещений для мастерских и подготовленных кадров. Затем количество мастерских увеличилось. При детских домах их стало 10: 4 швейных, 4 столярных, 1 ковроделия, 1 сапожная [21]. В Куриловском детском доме были две мастерские: швейная и столярная. Силами воспитанников было пошито

все обмундирование, постельные принадлежности для детдома, нижнее белье и др. В Темниковском детском доме № 1 были организованы две мастерские: швейная и ковроделия. В первой работали 23 девочки. Мастерская ковроделия сначала имела один станок, где обучалось 20 человек. Ими были сделаны хорошие образцы ковров. К началу нового учебного года мастерская расширилась до 15 станков и стала иметь уже учебно-промышленный характер. Наркомпросом МАССР были ассигнованы на это средства в сумме 30 тыс. руб. Затем мастерская была подключена к централизованному снабжению для получения сырья. Темниковский детский дом № 2, не имея своей мастерской, производственное обучение проводил в сапожной мастерской местной артели, где обучались 30 воспитанников, работавшие ежедневно по два часа [18].

По профессиональному обучению в области сельского хозяйства была проделана большая подготовительная работа: проведено совещание директоров детдомов «Об улучшении подсобных хозяйств и организации сельскохозяйственного труда воспитанников детских домов» с участием агронома. Теоретические вопросы по сельскому хозяйству рассмотрены на занятиях по программе Наркомпроса РСФСР. Всем детским домам были отведены земельные участки площадью от 5 до 10 га с целью обеспечения детей и персонала картофелем, овощами и зерновыми культурами. Начиная с 12 лет воспитанники принимали непосредственное участие в сельскохозяйственных работах. С учетом того, что в летний период они были заняты «ранней поливкой огорода, полевыми и др. хозяйственными работами», подъем был в 4–6 часа утра (обычно — в 8 часов), а в 8–9 часов вечера всех детей, кроме старшекласников, укладывали спать [21].

Организация производственного обучения способствовала формированию трудолюбия детей, развитию технического творчества, расширению политехнического кругозора, профессиональной ориентации школьников и, что являлось весьма важным для военного времени, реально способствовала улучшению материального благосостояния детских учреждений.

Несмотря на огромное количество проблем, в республике изыскивались самые разнообразные формы и средства организации отдыха и укрепления здоровья детей. В центре внимания властей были вопросы, связанные с созданием пионерских лагерей и детских оздоровительных площадок. Срок пребывания в них был установлен различный, от 21 до 45 дней. Летом 1943 г. функционировали пионерские лагеря сроком на 21 и 45 дней, детские площадки на 30 (в основном в районах, где не было учреждений первого типа) и 45 дней [22]. В летнюю оздоровительную кампанию 1944 г. в Саранске был открыт лагерь санаторного типа с 40-дневным сроком пребывания в нем по 150 человек в смену. По районам были организованы оздоровительные площадки с 30-дневным

сроком на 990 человек в смену и, кроме этого, 13 лагерей общего типа со сроком пребывания в них 21 день по 1050 человек в смену [2; 12, с. 222]. Основной задачей лагерей и площадок были отдых, труд и физическая закалка детей. Кроме того, они служили и целям общественно-познавательного плана: для ребят организовывались походы, экспедиции, экскурсии и др. Существенным показателем эффективной деятельности лагерей было то, что многие дети за время пребывания в них прибавляли в весе [30].

Таким образом, в экстремальной ситуации — условиях военного времени — общими усилиями управленцев, педагогов, воспитателей, медицинских работников, колхозников и рабочих, различными общественными починами и начинаниями на территории небольшой Мордовии проявлялась общественная и государственная забота о детях, разрабатывались законодательные нормы, отстаивавшие их права, создавались условия для выживания и развития эвакуированных детей, сирот, детей военнослужащих. Решение проблем детства, несмотря на колоссальные сложности и ограниченные возможности, осуществлялось в приоритетном порядке.

Список литературы

1. Александров Г. А. Алексей Иванович Яковлев — историк, археограф, педагог // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 155.
2. Большевик. 1942. 31 января. № 4.
3. Бычков М. Мордовиясь арась омбоце Родинакс (Мордовия стала второй Родиной) // Мокшень правда. 1985. 5 ноября.
4. Глазунов Д. И. Комсомол Мордовии в годы Великой Отечественной войны. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1957. 180 с.
5. Глазунов Д. И., Молин Н. Н., Попков Т. В. Мордовская партийная организация в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945 гг.) // Ученые записки Мордов. ун-та. 1962. № 24. С. 89.
6. И в тылу ковалась победа: Воспоминания, очерки о тружениках тыла Мордовии в годы Великой Отечественной войны / сост. С. П. Кабаева, Н. Н. Слестухин. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1983. С. 12.
7. Коваленко А. Помнить хорошее // Советская Мордовия. 1960. 19–20 мая.
8. Корсаков И. М., Куркин А. И. К вопросу об участии трудящихся Мордовии в Великой Отечественной войне // Записки НИИ при Совете Министров Мордовской АССР. История и археология. 1949. № 11. С. 37.
9. Котков К. А. О некоторых вопросах деятельности школ и учреждений культуры в Мордовии в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории и археологии Мордовской АССР. 1972. № 101. Ч. 1. С. 45.
10. Красная Мордовия. 1942. 17 марта. № 64.
11. Красная Мордовия. 1943. 16 мая.

12. Мордовия в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: док. и материалы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1962. 567 с.
13. Мордовия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Материалы к 30-летию Победы над фашистской Германией / ред. Н. М. Кулыгин Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1975. С. 28.
14. *Петров Т.* Пять отцов и семь матерей Станислава Константинова // «МК» в Саранске. 2003. 12–19 декабря. С. 20.
15. *Полосухина А.* Их воспитала страна // Советская Мордовия. 1982. 16 декабря.
16. *Попков Т. В.* Все — для фронта, все — для победы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1982. С. 42.
17. Центральный государственный архив Республики Мордовии (ЦГА РМ). Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 419. Л. 11.
18. ЦГА РМ. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 453. Л. 1, 2 об., 3, 5 об., 5, 7 об., 7.
19. ЦГА РМ. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 454. Л. 395.
20. ЦГА РМ. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 482. Л. 65–66.
21. ЦГА РМ. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 545. Л. 12, 13, 19, 22 об.; Д. 584. Л. 7.
22. ЦГА РМ. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 556. Л. 44, 58, 86, 88–89, 94, 97–97 об.
23. ЦГА РМ. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 584. Л. 25–26, 55–55 об., 56 об.
24. ЦГА РМ. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 598. Л. 182–182 об., 187, 50.
25. ЦГА РМ. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 599. Л. 36–38.
26. ЦГА РМ. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 619. Л. 22.
27. ЦГА РМ. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 644. Л. 12, 13, 22.
28. ЦГА РМ. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 556. Л. 44, 45–50.
29. ЦГА РМ. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 599. Л. 36–38; Д. 644. Л. 12; Д. 547. Л. 2.
30. Центр документации новейшей истории Республики Мордовия (ЦДНИ РМ). Ф. 1591. Оп. 1. Д. 53. Л. 25–25 об.
31. ЦДНИ РМ. Ф. 269. Оп. 3. Д. 1009. Л. 4.
32. ЦДНИ РМ. Ф. 269. Оп. 3. Д. 402. Л. 2, 4, 32 об., 34, 35–36.
33. ЦДНИ РМ. Ф. 269. Оп. 3. Д. 607. Л. 16 об., Л. 16.
34. ЦДНИ РМ. Ф. 269. Оп. 3. Д. 843. Л. 6 об., 7.
35. ЦДНИ РМ. Ф. 269/8. Оп. 2. Д. 200. Л. 386.

Н. Е. Горячев, Т. Д. Надькин

Детская повседневность в сельской местности Мордовии в годы Великой Отечественной войны

Нападение нацистской Германии и ее союзников 22 июня 1941 г. на Советский Союз изменило в одночасье все жизнь в стране, которая только оправилась от серьезных потрясений предшествующих лет ускоренной модернизации социально-экономической жизни. Начало войны однозначно оценивалось большинством советского населения как вероломное нарушение советско-германских договоренностей и сопровождалось небывалым патриотическим подъемом в городе и сельской местности.

Собранные в 2014–2020 гг. воспоминания очевидцев изучаемых событий, которые пережили трудности военного и послевоенного времени еще в детском и подростковом возрасте, дополняют извлеченные документы из Центрального государственного архива Республики Мордовия и позволяют понять, как тогда жили, трудились и учились подростки в тыловых районах. Дети войны зачастую очень хорошо помнят те события, наполненные как большим трагизмом и лишениями, так и радостью за одержанные победы.

С началом войны произошли заметные изменения в повседневной жизни жителей сельских районов, которые составляли большинство из 1 млн 106 тыс. населения Мордовской АССР в 1939 г. Так, в связи с начавшейся мобилизацией военнообязанных мужчин, техники и тягловой силы (например, лошадей) сельское хозяйство республики, как и других регионов страны, начало перестраиваться под военные нужды. Только за первые несколько месяцев войны на фронт ушло 80 тыс. человек, в основном колхозников и рабочих совхозов [7, с. 377]. Уходивших на фронт заменяли женщины и девушки, подростки школьного возраста, а также те, кто по состоянию здоровья или в силу преклонного возраста не подлежали призыву. Так, подростки постарше пахали, сеяли и убирали зерновые на лобогрейках и жнейках, а помладше — пасли стада коров, овец и свиней.

Несмотря на все тяготы военного времени, жители сел и деревень продолжали отмечать праздники и учить детей, функционировала система здравоохранения и значительно возросла роль религии.

В условиях начавшейся войны с Германией продолжалась и подготовка к новому учебному году: страна должна была воспитывать новое поколение образованных советских граждан. Предусматривалось охватить образованием всех детей, в том числе и детей, прибывших из других областей. Предполагалось, что на 1941/42 учебный год в Мордовии будут действовать 1252 школы, в том числе 114 средних, 294 — неполных средних, 854 — начальных [19, л. 26–27]. На 5 октября 1941 г. всего в школах республики насчитывалось 176 778 учащихся, из них в 1–4-х классах — 111 409 человек, в 5–7-х классах — 51 409 и 8–10-х классах — 13 960 [23, л. 466].

1941/42 учебный год для начальных классов в Мордовии начался с 1 сентября, для 5 и 6-го классов средних школ — с 15 сентября, в 7–10-х классах — с 15 октября. Запоздалое начало учебного года для старших классов связано с участием учеников в сельскохозяйственных работах. Преподавательский состав и учащиеся 17 районов МАССР выработали в уборочную страду 1941 г. в колхозах 853 583 трудодня [23, л. 467].

Например, в Инсарском районе на 20 июля 1941 г. на прополочных работах, на подъеме пара, на сенокосе и на других полевых работах участвовало 100 учителей и 1820 учащихся. В колхозе «Красное Знамя» 9 учителей и 2000 учащихся произвели следующие работы: вывезено навоза 7 тыс. возов, прополото яровых культур 85 га, скошено лугов 10 га, убрано сена 23 га, проведена посадка капусты и махорки 8 га. В колхозе «Новая жизнь» учащиеся пропололи 50 га посевов. В колхозе им. 8 Марта учащиеся старших классов подняли пара на 15 га и вывезено навоза 150 га [4, л. 49].

По воспоминаниям уроженца с. Говорово Старошайговского района А. И. Зернова (в 1941 г. — 10 лет): «В войну сначала ходил в колхоз, помогал матери, а потом работал и самостоятельно, был прицепщиком, пахал, бороновал» [12]; уроженки с. Подлесная Тавла Кочкуровского района Е. И. Лияскиной (в 1941 г. — 12 лет): «В уборочную страду на каждого члена семьи надо было убрать 1,2 га, без всякой техники. Косами косили, серпами жали, вязали снопы, на носилках носили по 10 снопов. Скирдовали снопы в скирды высотой до 5 метров, снопы подавали вилами. Молотили зерно глубокой осенью, зимой. Более 10 соток давали каждой семье копать лопатой землю. Запрягались сами, по двое по бокам оглоблей, а пятая соху толкала. Тяжело было до невыносимости, но каждый обязан был выработать 120 трудодней, [тех], кто не выполнял задание, судили. Все выдержали, потому что понимали, как нужен этот труд стране» [2, с. 11].

В связи с нехваткой механизаторов во всех районах республики стали проводить их подготовку из числа девушек и женщин. По воспоминаниям уроженки с. Новотроицкое Старошайговского района М. К. Будановой: «1 сентября мы, восьмиклассники, пришли в школу. Перед началом урока к нам вошли в класс директор школы и председатель колхоза. До сих

пор помню слова председателя: «Девочки, милые, идет страшная война, сами видите, мужчины все на фронте. Нам нужны трактористы. Кто желает пойти на курсы?» В этот день только из нашего класса изъявили желание поступать на курсы 8 девушек. МТС находилось в соседнем с. Новое Акшино. Осенью и зимой обучались мы, а весной начали уже работать. Нам было по 15 лет. Так закончилось наше безмятежное детство» [8].

Из воспоминаний уроженца с. Поводимово Дубенского района К. К. Вдовина: «Днями и ночами молотили хлеба летом и зимой. Чистили дорогу от снега вручную лопатами для проезда трактора с молотилкой. Юноши 13–14-летнего возраста и старше вывозили зерно через склады колхоза на железнодорожную станцию Атяшево. Помимо этого приходилось вывозить и зерно госрезерва из глубинок, размещенных в разных селах района. Все работы приходилось выполнять в тяжелейших условиях. Во-первых, мы были голодными, не видели добротного, ели хлеб из лебеды и листьев липы, соломы с крыш. Весной собирали все съедобные травы, гнилой картофель на приусадебных участках, о мясе только вспоминали. Выручала рыба, которая изрядно водилась в речках Чеберчинка и Покш Сельме. Во-вторых, мы были плохо одеты — лапти и изношенные тряпки, в лучшем случае. В-третьих, приходилось возвращаться с работы в холодные дома: нечем было топить» [1, с. 62].

В связи с эвакуацией из регионов, которые оставляла Красная армия, в республике отмечался приток подростков школьного возраста. Так, в сельских школах в 1941 г. в 1–4-х классах их насчитывалось 4090 человек эвакуированных, в 5–7-х классах — 1594, 8–10-х классах — 664 [5, с. 117–118].

В первый военный учебный год к работе приступили 1243 школы республики, из них 835 начальных, 294 неполные средние и 114 средних [3, с. 240]. Но также стоит отметить, что в этом учебном году был большой отсев неуспевающих, который преимущественно происходил по причине непосещения школ в силу отсутствия одежды и обуви, занятостью работой в семье и колхозе, отсутствием возможности подвоза детей к школам и т. д.

Из школ 20 районов выбыло по разным причинам 11 996 учащихся. Самый большой процент отсева происходил из школ Саранского района — около 1360 учащихся. В большинстве школах республики в старших классах осталось от 4 до 15 человек [23, л. 467].

Также в течение первых двух лет войны отсев учащихся был связан с второгодничеством. В республике по результатам 1941/42 учебного года 85,5 % учеников успешно перешли в следующий класс, но 14,5 % второгодников — достаточно высокий показатель, выходящий за рамки среднего по РСФСР в 8 %. Многие забрасывали обучение потому, что не видели в этом смысла из-за начавшейся войны, которая могла поставить точку на существовании всего советского общества [3, с. 242].

Немало было и проблем с организацией самого процесса обучения. Так, отмечается неудовлетворительный ход подвоза топлива к школам, особенно в Атюрьевском, Мельцанском, Старошайговском и Ардатовском районах [19, л. 26–27].

В 1942/43 учебном году были учтены ошибки прошлого года. Вследствие чего был своевременно произведен ремонт зданий школ и проведена более тщательная заготовка топлива для отопления. Функционировали 1246 школ, были открыты еще 8 начальных школ. Общий контингент учащихся составил 141 920 человек, из них в 1–4-х классах — 111 409 человек, в 5–7-х классах — 37 771 человек, 8–10-х классах — 10 127 человек.

В 1943/44 учебном году действовали 1273 школы, в том числе 867 начальных, 293 семилетние и 113 средних. Общий контингент учащихся составил 139 594 человек, из них: 1–4-е классы — 94 955 человек, 5–7-е классы — 25 112 человек, 8–10-е классы — 9527 человек. В 1944/45 учебном году действовали 1298 школ, из них: 907 начальных, 280 семилетних и 111 средних [3, с. 240]. Общий контингент — 124 667 человек, из них: 1–4-е классы — 89 517 человек, 5–7-е классы — 27 756 человек, 8–10-е классы — 7394 человек [3, с. 240–241].

За годы войны мы наблюдаем неуклонный рост школ: их стало на 55 больше. Это произошло в основном благодаря открытию новых 38 начальных школ, что позволило сделать введение обязательного начального образования и началом обучения детей с 7-летнего возраста. Однако число обучающихся на протяжении всех военных лет постепенно сокращалось.

Выполнение плана охвата детей образованием оставалось на крайне неудовлетворительном уровне. К началу 1942/43 учебного года 34 380 учеников, или 19,5 %, школу не посещали совсем. Также был и большой отсев учащихся в течение учебного года. Так, учеников начальных классов выбыло 9227 человек из 64 965, 5–7-х классов — 6010 из 26 575, в 8–10-х классах выбыло 2080 человек из 7288. Самым значительным отсеком оказался в Ардатовском районе — 1028 человек, в Большеберезниковском — 978 человек, и в Ичалковском — 908 человек. Процент отсева учащихся начал существенно снижаться в 1943/44 учебном году. Так, из числа 143 213 учтенных подростков в возрасте от 8 до 15 лет были охвачены учебным процессом 130 764. Школу не посещали 13 291 человек, или 14 % детей школьного возраста [3, с. 243].

Причинами подобного непосещения становились не только неудовлетворительная массово-разъяснительная работа среди учащихся и их родителей, но и отсутствие должной помощи со стороны колхозов. Например, многие колхозы Кадошкинского района отказывались выделять какую-либо помощь особо нуждавшимся. Также некоторые ответственные работники демонстрировали собственный отрицательный пример. Например, председатель колхоза с. Самбур-Мачкасы Чамзинского

района не отпускал дочь в школу. Некоторые родители считали, что работа в поле и дома имеет большее значение, нежели процесс образования [3, с. 242].

Трудности со снабжением школ всем необходимым наблюдались все военные годы. «Не было бумаги, учебников, чернил. Писали на газетах, чернила готовили из свеклы. Родители возили на санках из леса дрова, а с полей солому для отопления школы» [1, с. 136].

Очень остро стояла проблема с обеспечением учебниками и тетрадями. Так, на 1941/42 учебный год в 11 средних и 43 семилетних школах республики отсутствовали библиотеки. В 6 средних и 79 семилетних школах насчитывалось только около 200 экземпляров книг. Для того, чтобы хоть как-то восполнить образовавшийся дефицит, было принято решение о реставрации книг, вышедших из использования. Так, было реставрировано порядка 240 тыс. школьных учебников на базе типографии «Красный Октябрь» [18, л. 3].

К началу 1941/42 учебного года в среднем по школам республики приходилось по 6–7 тетрадей на одного ученика, а в Мельцанском, Инсарском, Ковылкинском и Торбеевском районах — по 2–4 тетради. Из-за отсутствия должного объема бумаги подобная проблема была и в следующем учебном году. После принятия 23 января 1943 г. постановления СНК МАССР и бюро Мордовского обкома ВКП(б) было принято решение об изготовлении 220 тыс. тетрадей из бумаги, отпущенной для издания учебников.

Относительно неплохо ситуация обстояла с учебниками по литературе, неорганической химии и ботанике. По остальным предметам наблюдался острый дефицит учебной литературы, в том числе не хватало букварей [3, с. 248].

Однако, несмотря на все тяготы, многие понимали острую необходимость образования, и большая часть родителей прилагала все усилия, чтобы их дети посещали школу.

М. П. Будкина (в 1941 г. — 11 лет) из с. д. Ефимовка Ичалковского района вспоминала: «Я училась в 5-ом классе. Помню зиму 1941 года, очень была она холодная. Мы учились, нужно было ходить 5 км. Пока идем, и чернила замерзнут в кармане и все» [9].

Как показывают записанные воспоминания, значительная часть жителей сел и поселков сельских районов МАССР страдала от недоедания и голода. Очевидцы тех событий уроженки с. Говорово А. Е. Зайцева (в 1941 г. — 6 лет) и А. В. Майорова (в 1941 г. — 11 лет) так вспоминали военное время: «Питались во время войны всей травой, ели лебеду. Лебеды не хватало, покупали на базаре» [11]; «...еды не хватало, ходили в лес, за липовыми листьями, их толкли и ели. Лебеды хватало не всем, была только у богатых. Когда на реке спадала вода, рыли дикушки и их ели. Собирали и ели пестушки. Ходили на мельцанское (с. Мельцаны, Старошайговского

района) поле за щавелем. Потом уж и ягоды поспевали, вот ими и питались. Также ходили на чужое поле за мерзлой картошкой» [13].

Чтобы хоть как-то выжить в условиях голода, взрослые и дети жители сел были вынуждены идти на воровство зерна и пр. При этом представители местной власти зачастую были очень требовательны к «расхитителям социалистической собственности». По воспоминаниям А. А. Васильевой (в 1941 г. — 8 лет) из с. Говорово: «Собирали иногда колоски. Запомнился случай: мы, ребяташки, набрали колосков в свои сумки, и нас заметил бригадир, который на лошади объезжал поля. И на лошади нас гнал, чтобы отобрать эти сумки с колосками, а мы так и побежали с сумками, их не бросили. Бежали до п. Верченки (соседний населенный пункт). Перебежали речку и спрятались под берегом в зарослях. А если бы догнал нас бригадир, то забил бы плетью» [10].

В ряде районов республики старались помогать нуждающимся семьям. Например, в некоторых селах Кочкуровского района в школьных буфетах была организована продажа ученикам ржаного хлеба из расчета 200 г на человека. В результате данные меры позволили вернуть в школы 92 учащихся [3, с. 242].

Проблемы с трудовой дисциплиной в колхозах в голодные военные годы привели к тому, что постановлением СНК и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. был повышен минимум трудодней для трудоспособных колхозников МАССР до 120 вместо 80, а для подростков — членов семей колхозников он составлял 50 трудодней в году [6, л. 187]. Оплата же заработанных трудодней в военные годы была минимальной. Так, по данным руководителей МАССР, в большинстве колхозов республики в среднем стоимость одного трудодня к концу 1945 г. составляла 100–300 г вместо 3–4 кг в 1940 г. Даже в образцовых колхозах республики оплата за трудодень во время войны не превышала 650 г. [6, л. 188].

При этом работать приходилось весьма в сложных условиях. А. А. Васильева так вспоминала об этом: «Работали за трудодни, ничего не платили. Постоянно ходили помогать матери в колхозе. С 8–9 лет самостоятельно работали на току. Откидывали от сортировки отходы, помогали, что было необходимо» [10]. Жительница с. Старая Федоровка Н. И. Фарченкова также отмечает: «Работали за палочки, хлеб пекли коврижками, вот рассчитывали хлебом, давали половину коврижки. Делили, у кого сколько детей было: у кого четыре человека в семье, делили на четверых, а я одна дочь в семье, на меня четвертую дольку хлеба давали» [14].

За лето 1942 г. на различных видах сельскохозяйственных работ было задействовано 1277 школьных отрядов, 48 751 учащихся, которые выработали более 1790 тыс. трудодней. А принявшие участие в сельхозработах 4241 учитель выработали 168 712 трудодня [5, с. 145].

Учащиеся старших классов, как правило, становились работниками МТС. Так, в постановлении бюро Краснослободского райкома ВКП(б)

говорилось о необходимости организации из учащихся 9–10-х классов средних, педучилища, зооветтехникума группы по изучению тракторов, комбайнов, сложных молотилок и т. д. [4, с. 178]. В Ладском районе также осуществлялась подготовка учащихся старших классов. В Ладской средней школе — 90 человек, в Резоватовской средней школе — 42 человек, и в Курмачкасской средней школе — 25 человек [4, с. 182].

Большая часть сельской молодежи была связана с профессиональным образованием. С 1940 по 1945 г. в ремесленные и железнодорожные училища из сельской местности было принято молодежи 3064 человек, в школы фабрично-заводского образования — 6072 человек [3, с. 279].

Подготовкой специалистов для сельского хозяйства занимались Кемлянский, Инсарский и Темниковский сельскохозяйственные техникумы. Также в республике существовали Зубово-Полянская, Темниковская, Ардатовская и Сабур-Мачкасская школы механизации, где готовили специалистов самых разных направлений: «полеводство и механизация», ветеринарное и зоотехническое направление, птицеводство, а также специалистов — трактористов и комбайнеров.

Однако стоит отметить, что в силу дефицита мастеров производственного обучения уровень знаний выпускаемых специалистов был крайне низким. Но школы механизации все-таки справлялись со своей задачей и восполняли дефицит рабочих кадров на селе [3, с. 282].

Учащиеся часто привлекались к различной работе, в том числе к ремонту сельскохозяйственной техники в МТС. Так, из студентов Саровского ремесленного училища № 1, достигших 16 лет весной 1943 г., были сформированы бригады по 11 человек, которые возглавляли мастера производственного обучения. И в течение месяца около 100 учащихся слесарей, токарей, кузнецов ремонтировали сельскохозяйственную технику [25, с. 45].

Также более 100 ребят из Мордовии в 1943 г. приняли участие в восстановлении энергетических и металлургических предприятий Донбасса. Многие воспитанники профессионального образования республики помогали восстанавливать г. Харьков [3, с. 280].

Для жителей села было вполне нормальным явлением, когда дети с ранних лет включались в работу дома и в поле, часто выполняя ее наравне со взрослыми. Однако в межвоенный период, особенно в годы первых пятилеток, село сильно изменилось: практически исчезли единоличники, появились колхозы, совхозы и МТС, закрывались храмы, велась пропаганда атеизма, одновременно рос образовательный и культурный уровень сельского населения, молодежь старалась уехать в город и т. д.

Начавшаяся война обострила многие нерешенные проблемы села. Кроме того, уход на фронт основной массы мужского населения и необходимость обеспечения страны и фронта всем необходимым заставляли

власти привлекать для решения указанной задачи все возможные трудовые и оставшиеся материальные ресурсы.

Место мобилизованных мужчин на полях и фермах заняли женщины, подростки, представители старшего поколения. Очевидно, что это не могло не сказаться на организации учебного процесса в сельских школах Мордовии.

Тем не менее власть осознавала, несмотря на все сложности, необходимость нормального функционирования системы образования, предусматривавшее включение в этот процесс всех детей и подростков, подготовку кадров для будущего восстановления и развития советской страны.

В записанных воспоминаниях рано повзрослевших детей войны мы видим, с одной стороны, горечь утрат, тяжесть ручного труда в колхозах, оставшихся порой без техники, издевательское отношение со стороны отдельных представителей власти, а с другой — любовь к Родине, благодарность фронтовикам и труженикам тыла за то, что выстояли, радость и гордость за одержанную Победу над врагом.

Список литературы

1. Для них тыл был фронтом: очерки, ст., воспоминания, фотодок. о тружениках тыла в годы Вел. Отечеств. войны / сост.: В. П. Колосов [и др.]. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2002. 382 с.
2. Книга Памяти. Подлесная Тавла / редкол. коллектив МБОУ «Подлесно-Тавлинской СОШ». Саранск, 2009. 77 с.
3. Культура Мордовии. XX век: монография: в 2 т. / Т. М. Гусева [и др.]; ред. совет: Г. А. Куршева (пред.) [и др.]. Саранск: НИИГН при Правительстве РМ, 2018. Т. 1. 484 с.
4. Мордовия. 1941–1945: сб. док. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. 752 с.
5. Мордовия в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: док. и материалы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1962. 567 с.
6. *Надькин Т. Д.* Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М.: РОССПЭН, 2010. 311 с.
7. Очерки истории Мордовской организации КПСС / ред. кол.: М. В. Дорожкин [и др.]. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1967. 507 с.
8. Полевой материал авторов (далее — ПМА). Буданова Мария Кирилловна 1927 год рождения, с. Новотроицкое Старошайговский район Республика Мордовия, запись 2014 г.
9. ПМА. Будкина Мария Петровна 1930 года рождения, д. Ефимовка, Ичалковский район, Республика Мордовия, запись 2020 г.
10. ПМА. Васильева Анна Александровна 1933 года рождения, с. Говорово, Старошайговский район, Республика Мордовия, запись 2020 г.
11. ПМА. Зайцева Александра Ефимовна 1935 г. р., с. Говорово, Старошайговский район, Республика Мордовия.
12. ПМА. Зернов Анатолий Федорович 1931 года рождения, с. Говорово, Старошайговский район, Республика Мордовия, запись 2019 г.

13. ПМА. Майорова Антонина Васильевна 1930 года рождения, с. Говорово, Старошайговский район, Республика Мордовия, запись 2020 г.
14. ПМА. Фарченкова Надежда Ивановна 1939 года рождения, с. Старая Федоровка, Старошайговский район, Республика Мордовия, запись 2019 г.
15. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 265.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 126. Д. 9.
17. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 44. Д. 547.
18. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. Р-205. Оп. 1. Д. 491. Л. 3.
19. ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 2. Д. 262.
20. ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 3. Д. 64.
21. ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 3. Д. 64.
22. ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 4. Д. 303.
23. ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 4. Д. 304.
24. ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 4. Д. 458.
25. ЦГА РМ. Ф. Р-752. Оп. 1. Д. 32.

Ж. В. Садовникова, К. С. Молотов, С. Ю. Кнор

Дорогомиловские мальчишки

«Дорогомиловские мальчишки» — это ребята 1940-х гг., выпускники московской школы № 56 (сейчас ГБОУ «Школа № 56 имени академика В. А. Лигасова»). Это были простые московские мальчишки с Филей и Потылихи, с Извозных улиц и Дорогомиловской заставы, с Можайского шоссе. Дети бараков и коммуналок. Они гоняли голубей и играли в футбол, купались в Москве реке и бегали в кино на «Чапаева». Они дрались и влюблялись, успевали и проказничать, и побеждать в предметных олимпиадах. Они бредили полярниками и Чкаловым.

Григорий
Ефимович Косарев

А еще любили и уважали директора своей школы (тогда 56-я школа носила название «Образцовая школа № 1 имени Десятилетия Октября») — строгого, но справедливого Григория Ефимовича Косарева.

Ему было всего 44 года, а за плечами уже 25 лет педагогической деятельности. Григорий Ефимович был боевым офицером, участвовал в войне с Финляндией. Он считал, что учитель должен постоянно совершенствовать свою квалификацию, сам заочно закончил биологический факультет пединститута и преподавал естествознание.

Впереди были летние каникулы, возможность выспаться и отдохнуть. 21 июня в школе прошел выпускной вечер, выпускники получили аттестаты зрелости. Утром 22 июня они гуляли по улицам и площадям Москвы. Радостные, веселые и счастливые.

Война ворвалась в их жизнь через репродукторы на улицах.

К октябрю немцы захватили Калинин, Можайск, Малоярославец. Бои шли уже в 80–100 километрах от столицы. Беда стояла у ворот.

Вместе со всеми москвичами жители Дорогомилова внесли свой вклад в дело победы над фашистскими захватчиками. На улицах устанавливались надолбы, «ежи», проволочные заграждения, баррикады, в домах устраивались артиллерийские и пулеметные точки. Часть промышленных предприятий была эвакуирована, отдельные — перестроены на военный лад. Большую помощь фронту оказывал Дорогомиловский химический завод, а также ремесленные училища района. Школьники

**Всеволод Сергеевич
Чигин**

вместо взрослых встали к станкам на фабрике имени Сакко и Ванцетти и выпускали противогазы. Другие вступили в группы самообороны и по сигналу «Воздушная тревога» шли дежурить на крышах, тушили зажигательные бомбы.

Школа в эти дни бурлила. Мальчишки уже побывали в военкомате, где получили отказ: «Молоды, на фронт вам рано». А мальчишки рвались на фронт.

4 июля было принято постановление Государственного комитета обороны о создании дивизий народного ополчения из жителей Москвы и Московской области. А уже 5 июля директор школы Григорий Ефимович Косарев, учитель начальных классов Всеволод Сергеевич Чигин и 23 ученика из 9-х и 10-х классов прибыли на сборный пункт и записались добровольцами в формирующуюся дивизию народного ополчения Киевского района.

В своих заявлениях они писали: «В тяжелые для моего народа дни не считаю для себя возможным оставаться в тылу, хочу вести активную борьбу с немецкими варварами» [2, с. 110].

«А разве могли мы поступить иначе!? — размышлял позднее Василий Михайлович Пономарев, один из 23 юных москвичей-ополченцев, — Родина-то в опасности! Враг нарушил нашу мирную жизнь! А мы были воспитаны так: прежде всего, думай о Родине, а уж потом о себе... Словно по цепочке, от одного к другому, прошла весть о том, что директор школы уходит в ополчение. «Мы не можем стоять в стороне, — горячился одноклассник Женя Тарлычев — в военное училище нас не возьмут — нет аттестата. А вот в народное ополчение и для нас дорога открыта!»

Утром двинулись в военкомат. Долго разговаривали с военкомом, который, пройдя суровую школу финской войны, сначала отговаривал нас. Но мы продолжали стоять на своем, и тот, наконец, согласился... — это слова очевидца, а вот что об этом написал поэт-фронтовик, друг нашей школы Игорь Григорьевич Гребцов в своем стихотворении «Баллада об уроке»:

Июнь... немцы двинулись на восток
В классе девятом проходит урок.
Учитель поднялся со стула, сказал:
— Иду к военкому... А там — на вокзал.
Хочу ополченцем уйти на войну,
Хочу постоять за родную страну.
И круто шагнул за классный порог:
— С фронта вернусь — продолжим урок.

Парни с восторгом смотрели во след:
Каждому было шестнадцать лет.
В окнах домов не гасился свет —
Парни держали военный совет.
Шел разговор о народных полках...
Слезы блестели у матерей на щеках.
Зорька сменила вечерний закат —
Парни отправились в военкомат.

Навстречу директор.
Уже политрук.
— Товарищ директор, прибыли в срок,
вместе на фронте закончим урок!» [1].

21-я дивизия народного ополчения, сформированная в Киевском районе Москвы, насчитывала 6385 человек. Это были рабочие Дорогомиловского химзавода, карандашной фабрики им. Сакко и Ванцетти, киностудии Мосфильм, железнодорожники, сотрудники музеев и вечерашние школьники — дорогомиловские мальчишки: Борис Айзенберг, Григорий Бессонов, Евгений Тарлычев, Сергей Лофенков, Алексей Горелов, Борис Землеруб, Василий Пономарев, Николай Котиков, Сергей Храпцов, Анатолий Харитонов, Михаил Дорфман, Евгений Никишов, Алексей Мельников, Владимир Березин, Женя Ивченко, Владимир Белкин, Роман Романов, Александр Левин, Владимир Марченко.

В. М. Пономарев вспоминает: «В июле неподалеку от Москвы началась подготовка молодых и пожилых воинов народного ополчения. Уделялось внимание всему: стрельбе, как из винтовки, так и из пушки, рытью окопов саперными лопатками, стремительной перебежке от одного укрытия к другому, изучению материальной части оружия... Словом всему тому, что неизбежно пригодится во время боев» [2, с. 110].

4 августа дивизия сосредоточилась в районе г. Кирова Калужской области. К 26 сентября закончилась подготовка бойцов. В дивизии насчитывалось уже около 11 тыс. человек. Она была переименована в 173-ю стрелковую дивизию и заняла оборону на Ржевско-вяземском рубеже.

2 октября дивизия приняла первый бой, в котором было уничтожено 12 немецких танков. Появились и первые потери. Ребята увидели не только смерть врага, но и смерть своих близких друзей. В первых боях погиб директор школы Г. Е. Косарев.

После нескольких контратак дивизия отступила, а 5 октября был новый бой, и часть подразделений сражалась уже в окружении. Вырвались из кольца далеко не все. Среди них был Володя Ясенев. Он воевал в дивизии до конца 1941 г. В начале 1942 г. пришел приказ, по которому добровольцы

1924 и 1925 годов рождения были уволены из армии как несовершеннолетние. Многие дорогомиловские мальчишки, как Володя Березин, Володя Белин, Толя Скоков, поступили в военные училища и уже через три месяца продолжили войну офицерами. Женя Ивченко в 1942 г. был направлен в военное училище, а в 1943 г. — снова на фронт в качестве командира танка.

Потери, потери, потери...Сколько их было на дорогах войны. Юные ополченцы продолжали свой нелегкий путь.

Володя Ясенев был вновь призван в действующую армию осенью 1942 г., попал в плен и был расстрелян гитлеровцами в городе Краснодоне.

Младший лейтенант Владимир Березин погиб в районе хутора Байрак Днепропетровской области в ноябре 1943 г.

Лейтенант-артиллерист Владимир Белин погиб в феврале 1943 г.

Вместе с другими ополченцами выходил из окружения Женя Тарлычев, друзья добрались до г. Львова, разыскали там партизан и продолжили борьбу. Гитлеровцы схватили Женю, долго пытали, кололи штыками, вырезали на теле пятиконечные звезды, но ничего не добившись, казнили.

Так погибали мальчишки из 56-й школы, а дивизия ополченцев в ноябре 1941 г. вела бои под Каширой, защищая подступы к Москве.

27 ноября 1941 г. гитлеровские войска были отброшены на 15 км. В течение декабря были освобождены 123 населенных пункта. В эти же дни в своем девятом боевом вылете погиб выпускник нашей школы Семен Сафронов. Он тоже остался навеки девятнадцатилетним.

В январе 1942 г. дивизия ополченцев вела кровопролитный бой под Вязьмой. Потери были очень велики. В этих боях погибла половина бойцов дивизии. Личный состав проявил массовый героизм. 197 бойцов и командиров были награждены за бои под Москвой орденами и медалями.

В осенние дни трудного 1941 г. еще один ученик 56-й московской школы, Юрий Никашин, писал домой: «Здравствуйте, милые!.. Мы здесь держимся крепко, несмотря ни на что. Вы, пожалуйста, не переживайте за меня, а если что и случится со мной, то знайте, что это нужно. Каждый наш залп несет потери этим фашистским извергам. Они прут пьяные, их гонят силой. 300 человек шли к нам в плен, а их свои же косить из пулеметов и до нас добрались только 50 человек. Вообще это не люди. Но это нас не устрашает. Мы будем биться до последней капли крови...» [4]. В июне 1943 г. при форсировании Северного Донца гвардии капитан Юрий Никашин погиб.

Леша Горелов и Вася Пономарев попали в плен. Сразу же решили бежать. Когда немцы перегоняли довольно большую колонну пленных из одного лагеря в другой, пошел густой снег. Этим и воспользовались парни. Побег удался...

Эти молодые ребята, вчерашние школьники, отстояли Москву.

Дорогомиловские мальчишки, начав войну в дивизии народного ополчения потом защищали Сталинград, Курскую дугу, освобождали Украину, Белоруссию, Польшу.

Слава Вишневский участвовал в боях за взятие Берлина. 4 мая 1945 г. он писал своей матери: «...ну а о событиях на фронте вам будет известно прежде, чем дойдет это письмо... Дни окончательного разгрома гитлеровской Германии сочтены. Передай привет всей Москве, любимому городу, лучшему городу мира, г. Берлин, 4 мая 1945 года» [4].

Из 23 выпускников 56-й школы — ополченцев, участников Великой Отечественной до Победы дошли лишь семь...

Им было по 16, когда началась война. У каждого — планы, мирные заботы, друзья... Но в час, когда пришла беда, все для себя приняли единственное решение — идти защищать Родину.

Любовь к Родине, чувство патриотизма были главной движущей силой поколения, позволившие победить в самой кровопролитной войне в истории человечества. И в этом большая заслуга школьных учителей, которые на собственном примере показали, как нужно крепко любить свою Родину и уметь ее защищать.

Список литературы

1. Гребцов И. Г. Эх, дороги фронтовые. М.: Патриот, 2007. 287 с.
2. Гребцов И. Г. На фронтовой поверке. М.: Благотворительный фонд ветеранов журналистики Союза журналистов России, 2000. 131 с.
3. Живая память. М.: Патриот, 2010. 506 с.
4. Письма и воспоминания из архива музея боевой славы школы № 56 им. академика В. А. Легасова «Ради жизни на Земле».

В. А. Агеева

Воспитание гражданственности и мужества: школьники Дона, Кубани и Ставрополя в годы Великой Отечественной войны

Единство фронта и тыла в период Великой Отечественной войны явилось одним из главных слагаемых Великой Победы советского народа. Коллективы учебных заведений, как и все тыловые социальные группы, заняли свою нишу в борьбе с фашизмом за сохранение независимости Родины. В годы тяжелых испытаний учебные заведения стали одним из связующих звеньев между фронтом и тылом.

Основная масса взрослого трудоспособного населения страны была мобилизована в ряды вооруженных сил. В то же время необходимо было наращивать военно-оборонный потенциал государства в тылу. В этих условиях труд подростков в различных отраслях народного хозяйства стал незаменим. СНК СССР 2 июля 1941 г. принял постановление «О привлечении в военное время учащихся VII–X классов к участию в сельскохозяйственных работах».

Школьники, сознание которых постепенно переключалось на общее дело борьбы с врагом, были готовы самоотверженно служить социалистическому Отечеству на трудовом фронте. Вот, например, строки из письма пионеров села Самарского Ростовской области, написанного ими на фронт: «Дорогие наши защитники! Мы еще малы и нас не берут на фронт. Конечно, очень жалко, что нас не берут, ведь мы умеем хорошо джигитовать, рубить клинком, колоть штыком. Самарские казачата получили первое место по штыковому бою на районном смотре пионеров. Мы знаем строй, санитарное дело... Очень хотелось бы к вам на фронт! Но раз нельзя, так нельзя. У нас есть свой трудовой фронт. Для вас, для любимой Красной армии мы растим донских скакунов... Может быть, кто-нибудь из вас, дорогие бойцы, будет скакать на нашем коне. Вскормленные нами кони растопчут врага, чтобы и пыль его не осталась на нашей земле. Клянемся вам, дорогие бойцы и командиры, во всем помогать Родине, расти достойной вам сменой» [7].

В основной своей массе школьники перевыполняли взрослые нормы выработки. Старшеклассники и преподавательский состав, одновременно с участием в различных полевых работах, стремились освоить

технику и заменить ушедших на фронт комбайнеров и трактористов. Опыт уже первого военного лета показал, что школьные бригады оказали колхозникам Дона, Кубани и Ставрополья ощутимую помощь в сборе урожая.

Газета «Молот» (Ростов-на-Дону) писала: «Свыше 100 тысяч учащихся сельских и городских школьников, более 3 тыс. учителей (Ростовской области) участвовали в уборке социалистического урожая... Учащиеся школ Киевского района требовали дать им работу, которую выполняли взрослые, и колхозники уже не удивлялись, если школьники перевыполняли нормы выработки на сортировке и очистке зерна, на перевозке хлеба и других сельхозработах. Учащиеся 66-й Ростовской школы Комаров, Кисель, Егоров и Зуенко работали на комбайнах в колхозе им. Линцова Сальского района, заменив ушедших на фронт мужчин» [7].

Основной настрой учащейся молодежи в отношении работы на полях региона отражен в стихотворении «В колхозы», написанном ученицей 10-го класса Краснодарской школы № 38 Уманской:

Над Родиной пышно весна расцветает,
Высокие травы на поле шумят.
Окончив учебу, из школ выезжают
В колхозы отряды ребят.
Мы в прежние годы смеялись и пели
На отдыхе, в парке, в дворцах.

Сейчас наши братья с врагом озверелым
Сражаются в грозных боях.
Настала пора не словами, а делом
К отчизне любовь показать.
Работой в колхозах ускорим победу,
Поможем врагов разогнать [2, л. 45].

Наглядным проявлением гражданской активности учащихся стало их участие в мероприятиях оборонной значимости: сборе лекарственных растений, оказании помощи семьям фронтовиков, шитье и вязке теплых вещей для военнослужащих, дежурстве в госпиталях и т. д. Из воспоминаний И. В. Широкова: «Клич “Все для фронта! Все для победы!” стал нашим образом жизни. Мы с особым энтузиазмом, с верой, что помогаем своей Родине, собирали мох в самшитовой роще, который в госпиталях использовали вместо ваты, собирали плоды диких груш, яблок, сушили их и отправляли на фронт. Осенью из веточек с листьями мы собирали так называемые “веники” на корм лошадям и т. д.» [9].

Война потребовала максимального использования всех возможностей тыла для быстрого обеспечения воинов Красной армии большим

количеством вещевого имущества всех видов. Поэтому одной из действенных форм помощи фронту явился сбор теплой одежды для военнослужащих. В сентябре 1941 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О сборе теплых вещей для воинов Красной армии» [5, с. 559]. Во исполнение решения партии работники просвещения в короткие сроки мобилизовали внутренние резервы регионов.

На Дону одним из первых приступил к сбору и изготовлению теплых вещей для фронтовиков коллектив ростовской школы № 49, организовавший для этого специальный штаб, в состав которого вошли учителя, старшеклассники, представители родительских комитетов. Под руководством активистов штаба проводились митинги, беседы с учащимися, собрания родителей с целью комплектования групп по изготовлению и сбору теплых вещей. В организационном процессе огромную поддержку учительскому коллективу оказали родители. Они активно подключились к работе ученических кружков по пошиву и вязке теплой одежды для защитников Отечества [8].

К середине октября 1941 г. во всех школах Дона, Кубани и Ставрополя функционировали подобные кружки. Газета «Молот» от 18 сентября 1941 г. писала: «...Кончились уроки. Тишина. Но классы не опустели. Склонившись над вязанием, сидят мальчики и девочки. Это ученики 4-го класса 34-й Ростовской школы. Они готовят теплые вещи отцам и братьям на фронт...». За первый военный год только школьными коллективами Краснодарского края было отослано в действующую армию 14 тыс. посылок [4, с. 44].

Кружки творческой направленности также отправляли посылки на фронт, организовывали платные концерты, сборы от которых поступали в помощь детям фронтовиков, и т. д. Драматический кружок средней школы с. Романовки Арзгирского района Ставропольского края собрал 10 386 руб. и все средства передал в Фонд обороны, а кружок художественной самодеятельности средней школы г. Железноводска дал ряд платных концертов в Пушкинской галерее в помощь нуждающимся учащимся — детям погибших и собрал 10 000 руб., на которые были приобретены одежда и продукты питания [3, л. 6].

Большое распространение получила организация при школах тимуровских постов. Тимуровцы вели работу в госпиталях, устраивали субботники по уборке палат и территорий, помогали ухаживать за ранеными, проводили концерты для военнослужащих.

«В школе мы ставили спектакли... выступали в госпиталях... Однажды мне пришлось играть роль Гитлера, поскольку никто не хотел ее исполнять, меня обязали как старосту класса. Я надел английский френч, оставшийся после Гражданской войны, нарисовал фашистские атрибуты, усы сделал сажей, соответственно причесался, и за пояс заткнул самый большой поварской нож. Моя одноклассница изображала

Россию. Мы с ней разыграли сцену борьбы, конечно же, Россия побеждает. Спектакль сочинили сами. Ставили также спектакли по произведениям А. П. Чехова “Злоумышленник”, “Хирургия”... Раненым очень нравились наши постановки...» [9].

Газета «Молот» 23 апреля 1942 г. писала: «Одна за другой проходят в Ростовский дворец пионеров все восемь районных тимуровских команд города. Тимуровцы в парадной форме, у всех имеются знаки различия, пионерские знамена развеваются над головами ребят. В вестибюле пионеров встречает патруль тимуровцев. Они тоже держат знамена. Вожак каждой тимуровской команды рапортует начальнику патруля — Шуру Дроздову — о прибытии и, сказав установленный пароль, получает право провести свою команду в зал. Секретарь обкома ВЛКСМ тов. Ольшанская объявляет общегородской слет тимуровских команд открытым.

На сцену выходят лучшие тимуровцы. Они рапортуют слету о работе своих команд. Тимуровка Михайлова (49-я школа Кировского района) говорит: “Когда мы организовали тимуровские команды, мы смотрели на это, как на интересную игру, а когда мы увидели, какую помощь мы можем оказать, мы поняли, что тимуровцы делают большую патриотическую работу, и стали относиться к тимуровскому движению со всей серьезностью. Наша команда помогает школьникам, детям фронтовиков. Мы шефствуем над госпиталем, вырастили и отнесли бойцам 7 килограммов зеленого лука. За последний воскресник собрали 2 тонны 600 килограммов металлолома. Перед нами стоит одна задача — помочь фронту”.

Николай Суббота, вожак тимуровской команды сельского класса “А” 35-й школы Андреевского района, докладывает слету о том, что тимуровцы Моисеева и Абасова помогают семье фронтовика Сердюковой, следят, чтобы дети были аккуратно одеты, приносят хлеб, убирают квартиру. Команда активно участвовала в школьном воскреснике: приводила в порядок классы, помогала оборудовать столовую, принесла земли для выращивания овощей. Тимуровец Гурин организовал агитбригаду, которая пользуется в подшефном госпитале большим успехом. Затем выступают вожак тимуровской команды Благодарная (55-я школа) и Шура Дроздов.

Анна Тимофеевна Егорова, мать бойца-зенитчика, рассказывает слету, как тимуровцы 78-й школы заботятся о ней и ее престарелой матери: “Они приносят нам хлеб, выполняют различные поручения, так как мне самой тяжело ходить, — говорит Анна Тимофеевна. — Я написала об этом сыну, и он ответил мне, что бойцы и на фронте чувствуют заботу советских детей”.

На слете выступили участница боев за Ростов комсомолка Валя Кишельгоф, лейтенант-орденоносец тов. Иванюсько, передавший слету привет от раненых бойцов Н-ского госпиталя, и др. Слет принимает

обращение к пионерам Ростовской области. "...Мы призываем всех пионеров нашей области вступить в славные боевые ряды тимуровцев. Ни одного пионера вне тимуровской команды, — таков наш лозунг. Пионеры, тимуровцы, будем работать так, как сражаются герои Красной Армии..."» [10, с.44].

Особым вниманием тимуровцы окружали семьи фронтовиков и инвалидов Великой Отечественной войны. Так, члены тимуровской команды краснодарской школы № 36 под руководством Жени Пожизаевой взяли шефство над детьми героически погибшего красноармейца Орлова. Ребята мастерили для них игрушки, ходили с ними на прогулки, дежурили в квартире во время отсутствия матери. Команда Игоря Казачка, учащегося 4-го класса, принимала участие в жизни семьи фронтовика Акименко: ее члены присматривали за детьми, убрали квартиру, ходили в магазин и выполняли другие поручения жены красноармейца, которая сама работала на оборонном заводе [2, л. 45]. Тимуровцы Сочинской школы № 2 Ю. Лукин и Т. Задорожня, которые обучались в 3 «Б» классе, оказывали помощь семье красноармейца Кононова [1, л. 17]. Учащиеся ростовской школы № 37 оказывали всевозможную помощь семьям учителей, ушедших на фронт. [2, л. 45]. Таких примеров было множество.

Материальной формой помощи тылу и фронту являлся и сбор учащимися металлолома [6]. Из заметки в газете «Молот»: «...На днях на Пушкинской улице впервые появилось 2 пионерских фургона, предназначенных для сбора железного лома. Впереди шли знаменосец, горнист и барабанщик. На остановках пионеры проводили летучие митинги, разъясняя важность сдачи государству лома черных металлов. Только за один день 2 пионерских фургона собрали 6 тонн металлического лома» [6]. Экономическая эффективность этой акции многогранна. Металлурги получали дефицитное сырье, которое после переплавки превращалось в металл, годный для производства военной продукции, улицы городов и поселков очищались от захламления, государственная казна пополнялась дополнительными суммами.

Социальная активность юношества, проявлявшаяся в оборонно-массовой работе, имела не только материальное выражение. Она приобрела также серьезный морально-нравственный, психологический аспект. Общественно полезный труд школьников был важнейшим средством патриотического воспитания. Принимая активное участие в делах общественной и оборонной значимости, подростки на практике доказывали преданность и любовь к своей Родине, которую постигла опасность поражения, и вносили посильный вклад в дело Победы над агрессором. Помощь школьников фронтовикам свидетельствовала о крепнувшей связи тыла и фронта, о духовном единстве армии и народа.

Список литературы

1. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. Р. 40. Оп. 1. Д. 17.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 2753.
3. Государственный архив Ставропольского края. Ф. Р-2174. Оп. 5. Д. 166.
4. Из истории трудового подвига народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны / под ред. Г. П. Иванова [и др.]. Краснодар: КГУ, 1985. 176 с.
5. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. / под ред. П. Н. Поспелова [и др.]. М.: Воениздат, 1961. Т. 2. 686 с.
6. Молот. 1941. 6 июля.
7. Молот. 1941. 18 сентября.
8. Молот. 1941. 27 сентября.
9. Респондент: Широков Иван Васильевич, 1924 года рождения. Интервьюер: В. А. Агеева. Место проведения: п. Хоста, квартира респондента, 12 октября 2007 г. Продолжительность 60 минут.
10. Школьные годы, войной опаленные: сб. док. и материалов. Ростов н/Д: Феникс, 2015. 296 с.

Г. К. Павленко

Подвиг учащихся трудовых резервов Урала в Великую Отечественную войну

Самые тяжелые испытания советскому народу пришлось пройти в годы Великой Отечественной войны. Старики, женщины, дети и подростки вынуждены были заменить мужчин, ушедших на фронт. Быстрому привлечению подростков на производство помогло решение Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г.: училища из ведения предприятий были переданы в распоряжение СНК СССР. По стране открыли 1,5 тыс. ремесленных, железнодорожных училищ и школ фабрично-заводского обучения (ПУ, ЖУ, ФЗО). Возраст в зависимости от учебного заведения колебался от 14 до 17 лет. На Урале в государственную систему трудовых резервов вошло 140 учебных заведений.

До войны призыв был добровольный. Желающих поступать в училища и школы ФЗО оказалось в два раза больше, чем мест. В некоторых местах и более чем в два. Так, в Башкирии на место претендовали 14 человек, в Нагайбакском и Полтавском районах Челябинской области — соответственно 30 и 10.

В первые месяцы войны система Государственных трудовых резервов потеряла 900 учебных заведений. Те, которые успели, эвакуировались вместе с предприятиями на восток страны, в том числе на Урал. В Свердловскую, Молотовскую, Челябинскую, Чкаловскую области прибыло 40 тыс. учащихся, 2,5 тыс. сотрудников из 239 училищ и школ ФЗО. Много лишений и потерь понесли воспитанники и их руководители во время эвакуации из-за болезней, холодных вагонов, не всегда имевшегося горячего питания. Прибыв на места, пришлось срочно подключаться либо к восстановлению эвакуированных предприятий, либо заменять рабочих, ушедших на фронт.

Война вынудила государство отменить добровольный набор в учебные заведения системы ГУТР, заменив его на мобилизацию. Были сокращены сроки обучения и теоретические занятия: в школах ФЗО — с 6 до 2–3 месяцев (обучали сразу на производстве), в училищах — с двух лет до одного года.

Проблемы встали с набором в учебные заведения с 1943 г. Призывали ребят из сельской местности, из детских домов, колоний, собирали

беспризорников. И все равно не удавалось выполнить план набора только за счет уральских подростков. Приходилось выезжать в другие области. Девочек стало заметно больше, что тоже составляло трудности для производства. На Урале в 1943 г. их удельный вес в училищах доходил до 46 %, по школам ФЗО — до 42 % [1, с. 50]. По этим сухим цифрам не можем даже представить, как сложно было руководству предприятий выполнять планы военных заказов. Некоторым заводам повезло в первый год войны, когда по мобилизации была призвана в училища молодежь 9–10-х классов. Они были грамотные, организованные, быстро осваивали производственный процесс.

С сентября 1941 г. Госплан СССР включил в план мастерских училищ производство боеприпасов и материалов для военных нужд. И это в условиях серьезных проблем изношенности оборудования, нехватки электроэнергии, топлива, сырья, одежды, обуви, продуктов питания, транспорта, отдаленности жилья от работы и учебы на расстоянии 7–12 км.

В октябре 1941 г. в связи с угрозой возможной сдачи Москвы областные управления трудовых резервов получили закрытое письмо ГУТР о перестройке производственного обучения учащихся. В нем говорилось следующее: 1) производственное обучение в цехах завода требовалось осуществлять по режиму завода. В 8 часов — начало и окончание, завтрак, обед, ужин. При необходимости учащиеся оставались работать сверхурочно наравне со взрослыми все, кому более 16 лет; 2) задание должен был выдавать начальник цеха или участка. Учебный мастер только помогал освоить ученикам деталь; 3) расстановка учащихся также должна была производиться только администрацией цеха; 4) выполнять следовало только заказы предприятий; 5) требовалось осуществить перевод учащихся на сдельщину; 6) 50 % заработной платы выдавать на руки, а не бригадиру, и только через кассы предприятий, 30 % отчислять государству, 13 % — учебному заведению. За первые полгода войны только учащиеся Башкирии выполнили спецзаказов примерно на 400 % к плану.

На заводе им. Дзержинского в г. Молотове в мае 1942 г. были привлечены к работе 1,4 тыс. учащихся РУ-4, а всего на предприятиях города трудилось 14 тыс. воспитанников училищ и школ ФЗО. Чтобы выполнить планы, училища сами строили у себя подсобные производства. В Чкаловской области за годы войны было построено 19 горнов, в Магнитогорске — мастерские, не уступавшие средним производствам.

«Не уйдем, пока не выполним нормы!» — таков был лозунг учащихся. «Официально мы считались учащимися ремесленного училища, — вспоминал выпускник РУ-13 Магнитогорска В. А. Захаров, — но учеба шла на рабочих местах. Зачастую работали без выходных, не считали часов от гудка до гудка. Порой спали прямо в цехе. Мы, мальчишки, в течение нескольких недель стали взрослыми» [7, с. 26].

Учебные мастерские РУ-2 Челябинска превратились в кузницу по производству мин М-82, М-50, запалов к снарядам и военного снаряжения. Их производство для подростков 13–14 лет было очень трудоемким, к тому же опасным. Нужно было на руках переносить чугунные болванки с железнодорожных путей, расположенных на расстоянии 2–3 км. Носили по 2–3 штуки, затем их обрабатывали на токарном станке. Хвостовики для мин изготавливали отдельно, а затем их вручную вкручивали в мины. Готовое изделие укладывали в ящики по 6 штук и вновь уносили вручную на железнодорожную площадку.

Как вспоминал Владимир Тесленко: «Ящики для мин изготавливала специальная группа, которая была прислана из магнитогорского училища РУ-8. Она работала на лыжной базе. Вставали в 6 часов утра. Работали с 8 до 22 часов. Ужинали в столовой и только потом шли отдыхать. Выходных не было. Когда на фронт ушел мастер группы, директор училища, положив мне руку на плечо, сказал: “Есть мастер! Это ты!” Так я стал отвечать за обучение и воспитание 52 человек, хотя сам был почти что в их возрасте!» [5, с. 4].

Вскоре этой группе пришлось освоить производство волокуш для минометов, ящиков для снарядов, «катюш», ботинок на деревянной подошве для учащихся. Многие воспитанники этого училища работали на Кировском заводе.

Руководители предприятий из-за нехватки рабочих рук под угрозой срыва военных заказов просили ребят работать по 10–14 часов и в ночные смены. Условия питания были скудные, условия проживания в общежитиях — тяжелые. Неокрепшие, истощенные мальчишки в конце дня не имели сил, чтобы дойти до общежития. Здесь повезло тем, кто жил недалеко от дома. Ученик РУ-18 г. Касли вспоминал, что те, кто жили в общежитии, с завода не уходили, находили теплый угол и кучкой спали до своей смены [6, с. 86].

Погодные условия вплоть до осени 1944 г. на Южном Урале не давали возможности убрать посевы зерновых. Неслучайно в горной местности, а именно в Златоусте, за годы войны умерло населения больше, чем ушло солдат на фронт. Директорам Кировского и Магнитогорского металлургического комбината удавалось привозить из Казахстана муку и продовольствие. Подсобные хозяйства начали улучшать питание лишь с конца 1943 г.

Самое невероятное для мирного времени случилось именно в военные годы. Впервые в истории мировой практики подростков привлекли и в металлургическое производство. И если в других училищах хватало инструктажа обучающихся, то инструктажем нельзя было компенсировать теоретическое обучение в училищах черной металлургии, так как в ней произошли глубокие изменения в технологии. Был освоен выпуск высоколегированных марок сталей для военной техники. А дефицит

кадров в отрасли продолжал нарастать из-за мобилизации металлургов на фронт. Директор комбината Г. И. Носов понимал, что выход можно найти только в серьезной подготовке учащихся-металлургов.

У комбината было РУ-13, созданное в мае 1941 г., куда стали посылаться для чтения теоретических курсов инженерно-технические работники. Учеников закрепляли за лучшими мастерами. В результате из тысячи выпускников в первом полугодии 1942 г. экзамен на отлично сдало более 400 человек, аттестованных по 5–7-му разряду [8, с. 30].

В мае 1942 г. в стране развернулось Всесоюзное социалистическое соревнование в промышленности и на транспорте: «Все для фронта! Все для Победы!» Оно вызвало огромный поток инициатив по совершенствованию технологий, методов организации производства. В него активно включилась и молодежь училищ. До этого отдельные подростки показывали выдающиеся результаты на том или ином заводе, включившись в различные виды соревнований, которые объявлялись в стране: в сентябре 1941 г. в честь 24-й годовщины Октября, в январе 1942 г. — в честь 24-й годовщины РККА, в марте — предмайское соревнование. Эти соревнования способствовали тому, что среди ребят рождались ударники производства — двухсотники, пятисотники, тысячники. Последние — это стахановцы, обеспечившие высокие показатели за счет рационализации труда, а не за счет интенсификации труда.

В Нижнем Тагиле учащийся РУ-9 фрезеровщик Толя Буцан выполнял за смену 10–12 норм. Он организовал фронтовую бригаду, которая была известна под названием «Бесенята». За трудовые успехи Т. Буцан был удостоен медали «За трудовую доблесть». В РУ-7 Пласта первыми стахановцами стали В. Пуховикова, Т. Бондаренко, Т. Писарев, А. Хмелев, М. Шпенькова, А. Доркина, М. Зайцев. В РУ-1 Магнитогорска стахановцы составили 30,3 %. Ученик этого училища Борис Волков выполнил норму на 1017 %. Ее он выполнял потом в течение нескольких дней. Вскоре юный патриот ушел на фронт и отдал жизнь за Родину.

Благодаря соревнованиям росло число учащихся, выполнявших производственные задания. Таковых в Челябинской области к весне 1942 г. стало 80,6 % [9]. На Магнитогорском металлургическом комбинате постоянным источником пополнения рабочей силой были ремесленные училища и школы ФЗО. За годы войны комбинат из них принял 15 816 выпускников [4, с. 253; 7, с. 123].

Настоящий подвиг совершили подростки Магнитогорского РУ-13. Директор Магнитогорского металлургического комбината Г. И. Носов в условиях дефицита сталеваров поддержал инициативу старшего мастера училища М. Т. Хилобокова о передаче металлургических агрегатов на самостоятельное обслуживание учащимся. Носов с самого начала войны умел пойти на риск, и когда отважился варить броневую сталь в большегрузных мартеновских печах, и когда первую броневую

сталь прокатали на блюминге. Точный расчет не подводил. Все бригады мартеновской печи были укомплектованы лучшими учащимися. Место первого подручного сталевара занял Александр Бикбаторов. До войны на эту должность назначались опытные рабочие со стажем 8–10 лет. Плавка требовала не только профессионализма, но и высокого чувства ответственности, долга, дисциплинированности, выносливости.

Накануне ответственного испытания сталевар Александр Поздняков напомнил ребятам: «Коллектив нашей печи соревнуется с подразделением майора И. П. Муромцева, земляка-магнитогорца. Оно уничтожило свыше тысячи гитлеровцев, подавило десятки батарей. Мы не смеем ударить в грязь лицом. Кто чувствует, что ему не по силам, пусть подумает, прежде чем войти в бригаду» [4, с. 255]. И ни один не ушел. 2 июня была выдана плавка. За смену учащиеся снизили брак до 1,2 % против «2,8 %, допускаемый квалифицированными рабочими» [4, с. 255].

За успехи в подготовке квалифицированных кадров в мае 1942 г. указом Президиума Верховного Совета СССР были награждены орденами и медалями 92 работника и учащихся системы трудовых резервов Урала, в том числе один из Свердловской области — орденом Ленина, один из Челябинской и двое из Свердловской областей — орденом Трудового Красного Знамени, 10 человек (из Башкирии — 3, Челябинской области — 1, Чкаловской — 1, Свердловской — 2, Молотовской — 3) — орденом «Знак Почета». Медалями награждены 20 человек из Челябинской области, 16 — из Чкаловской, 7 — из Башкирии.

Пронаблюдав успехи подростков во Всесоюзном соревновании, 2 июня 1942 г. ЦК ВЛКСМ и Коллегия ГУТР приняли совместное решение о развертывании Всесоюзного социалистического соревнования в учебных заведениях системы ГУТР. После этого по всей стране прошли митинги, собрания, слеты, совещания активов. Через месяц в результате подведения итогов среди лучших на Урале были признаны управления трудовых резервов Башкирской АССР, Свердловской и Челябинской областей. Знамя Государственного комитета обороны и премию в 50 тыс. руб. получило ЖУ-2 Башкирии. Уже в августе того же года РУ-13 Магнитогорска заняло первое место во Всесоюзном соревновании. Ему было присвоено звание «Лучшее ремесленное училище Советского Союза» и вручено переходящее Красное знамя. А 2 октября 1943 г. РУ-13 было удостоено ордена Трудового Красного Знамени. Ордена «Знак Почета» вручили директору училища В. Н. Кулешову, старшему мастеру М. Т. Хилобокову, учащимся — подручному сталевара Снисаренко, выпускнику училища, ставшему мастером доменного цеха, Константину Хабарову. 10 учащихся получили медали.

В первые полтора года войны около тысячи воспитанников РУ-13 работали самостоятельно, обслуживая доменную печь, 10 мартеновских печей, целые смены газового и среднелистового цехов [2, с. 83]. К концу 1942 г. учащиеся РУ-13 и РУ-17 обслуживали 27 агрегатов, в 1943 г. — 36,

в 1944-м — 59. Работали на прокатном стане «300». В сутки обрабатывали до 540 т металла, что превышало прокатную мощность стана. Будущие металлурги РУ-13 самостоятельно обслуживали почти все доменные печи (10 из 19), выплавлявшие 53 % стали. В отдельные периоды на агрегатах, обслуживаемых учащимися, выплавлялось до 63,2 % всей производимой комбинатом стали. Из этой стали можно было бы изготовить около 77 тыс. танков Т-34 [7, с. 606]. Молодежь трудовых резервов участвовала в строительстве ТЭЦ № 1, домны № 5 и домны № 6 в Магнитогорске, Челябинской ТЭЦ. Организация фронтовых бригад способствовала выполнению правительственных заданий и сдаче объектов досрочно.

Учащиеся школы ФЗО Карабаша самостоятельно обслуживали шахту «Центральная», РУ-5 Челябинска — щит Челябинской государственной районной электростанции и все релейные работы Челябэнерго, РУ-15 Челябинска — один из цехов завода им. С. Орджоникидзе, группа сталеваров РУ-11 Златоуста взяла на полное обслуживание шесть печей в электролитном и мартеновском цехах металлургического завода. В Нижнем Тагиле бригаду учеников возглавил самый молодой горновой предприятия Баранов. Под его руководством она закончила программу раньше срока, выдав сверх плана 3100 т чугуна и сэкономив 4 т кокса. Газета «Красный Курган» сообщила: «За 9 месяцев 1943 г. ЖУ-1 Кургана отремонтировало 333 паровоза, 3104 вагона, 3600 автотормозов» [8, с. 134]. Подростки ЖУ-2 Челябинска выполняли 72 % ремонтных работ железнодорожного транспорта, ЖУ-6 Троицка — 90 %. Учащиеся ЖУ-4 г. Чкалова, сдав досрочно экзамены, ездили в качестве машинистов. Безменов, Овчинников, Панович и Ходяков водили тяжеловесные поезда. Воспитанники училищ Башкирии самостоятельно водили речные суда по Белой и Волге и обслуживали буровые скважины [8, с. 135].

Участие во Всесоюзном соревновании мобилизовало учебные заведения на достижение лучших результатов. Они стали соревноваться с воинскими подразделениями. На встречах с фронтовиками брались повышенные обязательства. Учащиеся трудовых резервов, уходя на фронт, не прерывали связи со своими учебными заведениями. А те, в свою очередь, отчитывались о результатах работы. Один из таких примеров в октябре 1943 г. опубликовала «Комсомольская правда» — «Письмо друга на фронт Г. Суворову»:

«Комсомольский привет из далекой Магнитки, дорогой Гриша!

Пишут тебе твои товарищи, с которыми ты учился и работал в школе ФЗО. Вместе с нами ты участвовал в строительстве ПВС, а весной ты ушел добровольцем в Уральский добровольческий танковый корпус.

Вспомни, Гриша, дни и ночи в группе мастера Г. М. Завидного, первая очередь ПВС успешно работает. Наш отряд с гордостью держит Красное знамя ЦК ВЛКСМ и ГУТР. В подарок к славному 25-летию Ленинско-Сталинского комсомола мы готовим пуск второго котла.

Вместе со стройкой растут ребята. Многие твои товарищи из рядовых стали бригадирами — А. Болдырев, В. Устенко, К. Волченко, В. Козлов, В. Жданов. Их бригады фронтовые и носят имена Героев Советского Союза.

Дорогой Гриша! Мы всегда помним, что труд — наше оружие, и идем на работу, как в бой. Своим трудом мы мстим врагу за слезы наших матерей и сестер, за гибель отца А. Болдырева, родных Л. Зубкова, за всех, кто погиб» [3].

Воспитанники трудовых резервов в течение войны участвовали во всех формах оказания помощи фронту. Помимо выпуска военной продукции, строительства военных объектов собирали денежные средства в Фонд обороны, на подарки фронтовикам, на строительство боевых кораблей и танковых колонн, подписывались на государственные займы и приобретали лотерейные билеты.

Красная армия постепенно освобождала советские территории. Учебные заведения системы трудовых резервов подключались к оказанию помощи освобожденным районам и в восстановлении училищ и школ ФЗО. Невозможно никакими деньгами оценить вклад в дело Победы над фашистской Германией, который внесли воспитанники трудовых резервов.

Список литературы

1. *Ануфриенко Г. П.* Партийное руководство подготовкой женских кадров на Урале в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 // Сб. науч. тр. Магнитогорского горно-металлург. ин-та. Магнитогорск: [б. и.], 1973. С. 51–54.
2. *Галигузов И. Ф., Чурилин М. Е.* Флагман отечественной индустрии. История Магнитогорского металлургического комбината имени В. И. Ленина. М.: Мысль, 1973. 276 с.
3. Комсомольская правда. 1943. 10 октября.
4. *Москатов П. Г.* Плечом к плечу. М.: Трудрезервиздат, 1955. 456 с.
5. Музей ЧТЗ. Страницы летописи РУ-2, ПУ-1.
6. *Павленко В. Д., Павленко Г. К.* Через горнило войны к победе. 1941–1945 гг. Челябинск: АБРИС, 2020. 328 с.
7. *Павленко Г. К.* Трудовые резервы // Челябинская область: энциклопедия / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск: Каменный пояс, 2006. Т. 6. 980 с.
8. *Павленко Г. К.* Юные гвардейцы тыла. Трудовые резервы Урала — фронту. 1941–1945. Челябинск: ЧПО «Книга», 2004. 167 с.
9. Объединенный Государственный архив Челябинской области. Ф. 234. Оп. 15. Д. 56. Л. 68.

С. Л. Разинков, М. Б. Ларионова, Л. В. Захаровский,
И. В. Осипова

Трудовой подвиг учащихся железнодорожных, ремесленных училищ и школ ФЗО Свердловской области в годы Великой Отечественной войны

Государственные трудовые резервы, созданные указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г., стали первой общегосударственной системой набора, профессиональной подготовки и распределения по промышленным предприятиям молодых квалифицированных рабочих кадров. Формирование системы государственных трудовых резервов пришлось на то время, когда в Европе уже всю полыхала Вторая мировая война и было очевидно, что она рано или поздно затронет Советский Союз. В связи с этим проблема подготовки квалифицированных рабочих, в первую очередь для военной промышленности, стала одной из первостепенных. Указом «О государственных трудовых резервах СССР» гарантировалось полное государственное обеспечение учащихся на период обучения, после окончания которого они обязаны были «проработать четыре года подряд на государственных предприятиях по указанию Главного управления трудовых резервов». Также в указе говорилось:

«Задача дальнейшего расширения нашей промышленности требует постоянного притока новой рабочей силы на шахты, рудники, транспорт, фабрики и заводы. Без непрерывного пополнения состава рабочего класса невозможно успешное развитие нашей промышленности. <...>

В целях создания государственных трудовых резервов для промышленности Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

Признать необходимым ежегодно подготавливать для передачи в промышленность государственные трудовые резервы в количестве от 800 тыс. до 1 млн человек путем обучения городской и колхозной молодежи определенным производственным профессиям в ремесленных училищах, железнодорожных училищах и в школах фабрично-заводского обучения. <...>

Предоставить право Совету Народных Комиссаров СССР ежегодно призывать (мобилизовывать) от 800 тыс. до 1 млн человек городской и колхозной молодежи мужского пола в возрасте 14–15 лет для обучения в ремесленных и железнодорожных училищах и в возрасте 16–17 лет для обучения в школах фабрично-заводского обучения» [4, с. 774–775].

Комплектование контингента учащихся в системе ГУТР проводилось как посредством мобилизации, так и путем добровольного набора. В 1940-е гг. в Государственных трудовых резервах СССР существовали два основных типа учебных заведений — ремесленные (и железнодорожные) училища (РУ и ЖУ) и школы фабрично-заводского обучения (ФЗО), характеристики которых приведены в табл. 1.

Таблица 1

Учебные заведения системы трудовых резервов

	Ремесленные и железнодорожные училища	Школы ФЗО
Направление подготовки	квалифицированные рабочие «сложных профессий»	рабочие массовых профессий низшей квалификации
Возраст принимаемых учащихся	14–15 лет	16–17 лет
Требования к образованию	начальная школа или 4 класса средней школы	вне зависимости от общеобразовательной подготовки
Срок обучения	2 года	6 месяцев (в некоторых 3–10 месяцев)
Количество в 1940 г.	621 РУ и 122 ЖУ	808 школ ФЗО
Число учащихся в 1940 г.	344,9 тыс. человек	257 тыс. человек

Первый призыв в Государственные трудовые резервы СССР составил 602 014 человек городской и колхозной молодежи, из них в порядке добровольного набора — 450 100 человек. В РУ и ЖУ были зачислены 345 009 учащихся, а в школы ФЗО — 257 005.

В Свердловской области в конце 1940 г. было организовано два железнодорожных, 17 ремесленных училищ и 26 школ фабрично-заводского обучения с охватом 16 620 человек, из которых 15 320 были призваны из районов области и 1300 — из Башкирской АССР. К маю 1941 г. количество школ ФЗО было увеличено до 49 (с числом учащихся 12 297 человек), а 20 июля 1941 г. на совещании в Свердловском обкоме ВКП(б) рассматривались планы дальнейшего увеличения сети РУ и школ ФЗО

(с увеличением контингента учащихся в существующих училищах на 5780 человек).

Начало Великой Отечественной войны во многом изменило роль и задачи учебных заведений Государственных трудовых резервов. Как отмечалось в совместном письме начальника ГУТР П. Г. Москатова и секретаря ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлова, теперь необходимо было готовить кадры квалифицированных рабочих и рабочих массовых профессий для промышленности в более короткие сроки и более высокого качества. Реализация этой задачи заключалась в развитии движения за перевыполнение норм выработки, проведении социалистического соревнования внутри и между учебными заведениями, создании фронтовых бригад, массовой мобилизации девушек в РУ и школы ФЗО для обучения их сложным производственным профессиям, замене на фабриках и заводах ушедших на фронт рабочих, выполнении в ходе обучения сложных и ответственных заданий по изготовлению боеприпасов и вооружения.

Из приказа начальника ГУТР П. Г. Москатова № 444 от 23 июня 1941 г. «О революционной дисциплине, порядке и организованности в работе школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ в условиях Отечественной войны советского народа против фашистской Германии»: «Родина требует от всех нас — ее сынов и дочерей, честного и самоотверженного труда. Все, как один, поведем Великую Отечественную войну за Родину, за честь и свободу. Будем беспощадно искоренять и пресекать расхлябанность, неряшливость и безответственность, бороться за неукоснительное выполнение в срок и полностью приказов и распоряжений нашей партии и правительства. Выражаю твердую уверенность в том, что все учащиеся и работники школ и училищ будут, не покладая рук, организованно выполнять порученное им дело, помогать Красной Армии, флоту и авиации в священном деле уничтожения фашистских разбойников, в быстрейшей ликвидации подлой авантюры германских фашистов. Скромно и твердо выполним свой гражданский долг, делом докажем свою любовь и преданность Родине, партии Ленина-Сталина, великому Сталину» [1, л. 37].

За годы Великой Отечественной войны через учебные заведения Государственных трудовых резервов СССР прошли почти 2,3 млн учащихся, в том числе 1,4 млн человек были приняты для обучения в школы ФЗО, 900 тыс. — в ремесленные и железнодорожные училища.

Свердловская область в 1941–1945 гг. являлась одним из важнейших промышленных центров страны и, соответственно, центром подготовки квалифицированных рабочих кадров. В ее учебных заведениях трудовых резервов в период Великой Отечественной войны было зачислено 141 тыс. учащихся (47,5 тыс. — в РУ и ЖУ и 93,5 тыс. — в школы ФЗО). Сеть учебных заведений трудовых резервов Свердловской области была

одной из самых развитых в стране: если в конце 1940 г. в регионе насчитывалось 45 училищ и школ ФЗО с 17 тыс. учащимися, то в 1943 г. — уже 124 учебных заведений и 39 тыс. учащихся.

Данные, приведенные в табл. 2, иллюстрируют повышение значения Свердловской области в подготовке рабочих кадров в период Великой Отечественной войны. При этом речь идет об увеличении не только абсолютных, но и относительных показателей. Так, если в ноябре 1940 г., в момент организации системы трудовых резервов СССР, количество учащихся школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ Свердловской области составляло 2,8 % от их общего числа по стране, то в 1941 г. этот показатель увеличился до 3,5 %, в 1942 г. — до 4,2 %, а в 1943 г. составлял уже 4,9 %.

Таблица 2

Сводные данные о количестве молодежи, принятой в ремесленные и железнодорожные училища и школы ФЗО Свердловской области в 1941–1945 гг. (без учета эвакуированных учащихся), человек

Период	В РУ и ЖУ		В школы ФЗО	
	по СССР	в Свердловской области	по СССР	в Свердловской области
1941 г. (с 1 июня)	307 420	11 486	380 614	8430
1942 г.	226 514	15 148	588 095	33 881
1943 г.	230 289	14 135	481 429	24 229
1944 г.	126 157	6813	313 968	20 809
1945 г. (до 1 мая)	—	—	18 757	6139
Всего	890 380	47 582	1 782 863	93 488

Эвакуация в начальный период Великой Отечественной войны из западных регионов СССР населения, промышленных предприятий, культурных и научных учреждений, а также учебных заведений позволила сохранить промышленный потенциал страны и стала одним из факторов, обеспечивших победу в войне. Уральский регион внес свой достойный вклад в процесс массовой эвакуации военных предприятий: здесь было принято и размещено, по некоторым данным, 703 объекта. При этом в Свердловскую область было перемещено больше всего предприятий — 212. За годы войны сюда были полностью или частично эвакуированы более 20 тыс. учащихся учебных заведений трудовых резервов и более 1 тыс. сотрудников.

Неполные сведения о масштабах эвакуации, обобщенные авторами на основании архивных документов, представлены в табл. 3.

Таблица 3

**Сведения об эвакуации учащихся училищ и школ ФЗО
(по регионам) в Свердловскую область**

Регион	Кол-во учебных заведений, эвакуированных в Свердловскую обл.		Кол-во учащихся, прибывших в Свердловскую обл., человек
	РУ и ЖУ	школы ФЗО	
Белорусская ССР	—	4	449
Винницкая обл.	1	—	?
Воронежская область	5	7	1046*
Ворошиловградская область	2	1	844
Дагестанская АССР	2	3	619
Днепропетровская область	1	2	266
Ивановская область	1	2	400*
Калининская область	1	—	126
Карело-Финская ССР	2	2	741
Киевская область	5	1	318*
Краснодарский край	3	—	241
Крымская АССР	1	—	404
г. Ленинград	6	—	182*
Ленинградская область	7	—	1188
г. Москва	34	4	3469*
Московская область	10	—	977
Николаевская область	—	2	459
Орджоникидзевский край	3	1	237
Орловская область	2	—	568
Ростовская область	3	1	330
Сталинградская область	—	1	220
Сталинская область	—	2	309
Тульская область	1	2	349
Харьковская область	7	3	1795*
Всего	97	38	15 537*

* неполные данные. Прочерками обозначены отсутствующие данные.

Подробные сведения о ходе эвакуации училищ и школ ФЗО из г. Москвы содержатся, например, в объяснительной записке директора ремесленного училища № 59 Кузнецова: «15 октября в 20 часов было создано

совещание РУ, ЖУ и школ ФЗО гор. Москвы Московским управлением трудрезервов, на котором начальник управления тов. Монахов приказал, что в связи с усложнившейся военной обстановкой на фронте немедленно приступить к эвакуации учащихся пешим порядком по шоссе Энтузиастов на город Горький, где должны были быть погружены в эшелоны и получить назначение места для прибытия и размещения.

Вследствие эвакуации пешим порядком приказано было ученикам сентябрьского призыва выдать документы и распустить по домам, учащихся второго года обучения выдать документы и не препятствовать желающим ученикам эвакуироваться самостоятельно с родителями.

С собой было приказано взять в походных сумках только то, что можно будет унести, прежде всего запас питания: сухари, кисель, песок, копченую колбасу и смену белья.

Мастерам предложить эвакуироваться с учениками, остальных работников уволить и учинить полный расчет.

Документы уничтожить, на что составить акты и с собой взять только документы по бухгалтерии, которые отражают финансовое положение РУ.

Что касается обмундирования и белья, то раздать ученикам на руки, из остатка после выдать со склада ученикам сентябрьского призыва 1941 года.

С оборудованием поступить согласно инструкций, которые нужно взять в райНКВД» [7, л. 67].

В период Великой Отечественной войны такие ключевые для функционирования советского военного производства регионы, как Свердловская область, даже с учетом массовой эвакуации учащихся трудовых резервов сталкивались с колоссальной нехваткой квалифицированных рабочих и не имели достаточного призывного контингента, чтобы подготовить новые пополнения рабочих из числа местной молодежи. Дефицит призывного контингента для учебных заведений трудовых резервов Свердловской области, особенно школ ФЗО, исчислялся десятками тысяч человек и поэтому для обеспечения промышленных предприятий подготовленными кадрами молодых рабочих была необходима переброска призывников из других регионов СССР. За период войны из других регионов страны на обучение в училища и школы ФЗО Свердловской области были перевезены в 1941 г. — 3449 человек (из Башкирской АССР, Казахской ССР, Мордовской АССР); в 1942 г. — 12 760 человек (из Воронежской, Калининской, Кировской, Орловской, Саратовской, Смоленской, Тульской областей); в 1943 г. — 8730 человек (из Воронежской и Кировской областей, Марийской и Мордовской АССР, Тюменской области, Чувашской АССР); в 1944 г. — 5153 человека (из Белорусской ССР, Кировской области, Чувашской АССР); в 1945 г. — 5539 человек (из Алтайского края, Кировской, Курганской, Молотовской, Новосибирской, Омской, Тюменской областей).

Весьма ограниченные материальные возможности приводили к тому, что обустройство на новом месте эвакуированных и перебронированных из других регионов учащихся происходило тяжело. В этом смысле показательна информация из докладной записки начальника Свердловского областного управления трудовых резервов А. Ф. Путинцева от 25 марта 1943 г. в областной комитет ВКП(б), где прямо говорилось: «Никаких запасов из обуви, мыла и тканей у нас нет. Контингент учащихся из других областей и автономных республик и местного набора крайне плохо одет и обут. Молодежь, прибывшая из Марийской и Мордовской областей, — в лаптях, которые за дорогу развалились и требуют срочную замену... Положение с обувью, обмундированием и мылом исключительно тяжелое, люди вынуждены сидеть в общежитиях и лишены, по этой причине, возможности заниматься» [11, л. 15].

Несмотря на тяжелые условия жизни и труда учащихся в 1941–1945 гг., трудовые резервы Свердловской области стали кузницей не только рабочих кадров, но и боевой техники: за годы войны училища и школы ФЗО выпустили для промышленности 122 245 квалифицированных рабочих, изготовили товарной продукции в своих учебных мастерских на 82 352 000 руб. и в цехах заводов, где учащиеся проходили производственную практику, — более чем на 460 млн рублей [3].

Только школами ФЗО Свердловской области в годы войны было выплавлено 520 тыс. т чугуна, 720 тыс. т стали, 410 тыс. т цветных металлов, выдано 945 тыс. т проката, добыто 1,5 млн т угля и руды, уложено 9 млн т кирпича, построено 300 тыс. кубометров зданий, собрано 275 тыс. т металлоконструкций [6, л. 2 об.].

Огромное значение имело выполнение спецзаказов на производство вооружений в мастерских учебных заведений. В первый год войны все усилия учащихся учебных заведений трудовых резервов были направлены на увеличение выпуска оборонной продукции, особенно производства боеприпасов, а учебные занятия отошли на второй план. Свердловское ремесленное училище № 18, вынужденное дважды перевозить оборудование мастерских из одного здания в другое, выполняло самую большую в области программу по выпуску боеприпасов, требовавшую огромного количества металла, тары, перевозок. Ревдинское РУ № 7, Серовские РУ № 5 и 10, Первоуральское РУ № 6, Баранчинское РУ № 13, Нижнетагильские РУ № 2, 4 и № 9, Асбестовское РУ № 12 первыми из учебных заведений трудовых резервов Свердловской области освоили производство боеприпасов и систематически выполняли эту производственную задачу.

Из письма главного инженера завода № 73 Калачникова директору Нижнетагильского РУ № 25 И. В. Гельфанду, апрель 1945 г.: «Управление завода № 73 НКБ выражает Вам и Вашему коллективу благодарность за окончание апрельских поставок детали № 18 25 апреля с. г.

на 105,6 процента и выражает уверенность, что на штурм Берлина Вы в этом месяце еще поставите 4–5 тысяч деталей» [5, л. 1].

С 1943 г. стала значительно расширяться номенклатура производимых мастерскими училищ и школ ФЗО изделий, в первую очередь за счет разнообразного инструмента. С 1944 г. часть оборудования мастерских была переориентирована на производство деталей для тракторов. За годы Великой Отечественной войны в мастерских ремесленных училищ было изготовлено продукции на сумму более 82 млн рублей (см. табл. 4).

Таблица 4

Стоимость продукции, изготовленной в мастерских РУ Свердловской области в период Великой Отечественной войны, тыс. руб.

	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1-е полугодие 1945 г.
Всего	5411	19 435	27 240	22 866	7400
В том числе:					
Боеприпасов	1380,5	17 001,3	23 650,1	14 659,3	4640,9
Инструмента	583,7	694,6	1745,4	1996	376
Тракторных деталей	—	—	—	154	354,7

Бойцы Красной армии могли видеть на фронте военную технику, приобретенную учащимися училищ и школ ФЗО Свердловской области на заработанные ими средства, — танки с надписями «Южному фронту от ремесленного училища», самолет «Красноуральский ремесленник» и т. д.

Из статьи А. Дудина «Сталинские трудовые резервы» в газете «Уральский рабочий» от 12 сентября 1944 г.: «Учащийся Свердловского ремесленного училища № 3 тов. Глуценков пишет:

Работа спорится в руках
У вас, орлята молодые.
А там далеко, там в боях
Отцы и братья дорогие.
Нажмем сильнее, молодцы,
Обточим больше мин, снарядов,
Чтоб наши братья и отцы
Скорей разбили подлых гадов.

Этот призыв молодого поэта ученика ремесленного училища ярко показывает, что молодежь трудовых резервов осознала свою задачу помощи фронту, и это сознание ведет наших юношей и девушек по пути трудового героизма».

Учащиеся трудовых резервов в процессе обучения оказывали большую помощь базовым предприятиям по выполнению производственной программы, заменяя собой опытных рабочих, ушедших на фронт. Так, в 1943 г. на ряде крупных промышленных предприятий Свердловской области имелись целые смены, укомплектованные учащимися, которые самостоятельно обслуживали большие производственные участки. Например, на Серовском металлургическом заводе учащимися РУ № 5 была полностью укомплектована одна смена в мартеновском цехе и одна смена в сортопрокатном цехе, которые являлись передовыми на заводе.

В июне 1943 г. на Среднеуральском медеплавильном заводе не хватало рабочих для своевременного запуска на полную мощность медеплавильного цеха. 260 учащихся РУ № 7, оставив на время изучение своих специальностей, пошли работать в медеплавильный цех и на обогатительную фабрику. На каждые 20–25 учащихся были выделены 2–3 взрослых квалифицированных рабочих. 18 июня 1943 г. мастер училища Футинов на отражательной печи дал первую плавку, а имена десяти учащихся, «побивших рекорды взрослых рабочих», были занесены в книгу лучших людей цеха.

Начальники цехов и руководители базовых предприятий, оценивая работу ремесленников, во многих случаях заявляли, что только благодаря помощи учащихся, их беззаветному труду они выполняли производственные задания, осваивали новые агрегаты и новые виды продукции. В этой связи характерен отзыв директора завода № 63 Наркомата боеприпасов (Высокогорский механический завод в Нижнем Тагиле) Ермолаева об учащихся РУ № 9: «Таких работников с высокой культурой и настоящей военной дисциплиной мы еще нигде не встречали. В истории завода таких людей не было. Это настоящие патриоты родины, которые живут одной только мыслью — а не мало ли еще мы дали фронту, т. е. буквально стараются и отдают все силы на пользу фронта. С такими людьми мы сделаем все, что говорит нам партия и правительство. Дайте нам больше работников. Большое Вам спасибо за такие кадры» (из Краткой информации начальника Свердловского областного управления А. Ф. Путинцева секретарю Свердловского обкома В. В. Косову «О выполнении взятых обязательств в честь 24-й годовщины РККА учащимися и коллективами работников ремесленных училищ Свердловской области») [1, л. 37].

Стоимость продукции, выпущенной учащимися РУ в цехах предприятий за весь период войны, составила около 215 млн рублей, ученики только семи РУ произвели на базовых предприятиях продукции

на сумму более 140 млн рублей (см. табл. 5). Сумма заработка учащихся, полученная за 1941–1943 гг., составила 86 млн рублей, из них около 40 млн рублей было внесено в государственный бюджет в виде отчислений от зарплаты.

Таблица 5

Стоимость продукции, выпущенной учащимися РУ в цехах предприятий в период Великой Отечественной войны, в тыс. руб.

Ремесленное училище	Базовое предприятие	Стоимость продукции, выпущенной учащимися в цехах предприятий
Нижнетагильское РУ № 4	Нижнетагильский металлургический завод им. Куйбышева	9845,3
Серовское РУ № 5	Серовский металлургический завод им. Серова	60 000
Первоуральское РУ № 6	Первоуральский новотрубный завод (Завод № 703)	16 801,4
Серовское РУ № 10	Завод № 76 (Серовский механический завод)	6859
Баранчинское РУ № 13	Электромашиностроительный завод им. Калинина (Баранчинский завод № 658)	1030
Новолялинское РУ № 20	Новолялинский бумкомбинат	13 550
Нижнетагильское РУ № 25	Завод № 183 им. Коминтерна	32 997
Итого по семи училищам		141 082,7

Важный вклад в увеличение выпуска военной продукции в мастерских учебных заведений и цехах базовых предприятий внесло движение тысячников (с вариантами в виде двухсотников, трехсотников, пятисотников), в котором учащиеся трудовых резервов принимали активное участие. Движение возникло в 1942 г. по инициативе наиболее квалифицированных работников промышленных предприятий тыла и было направлено на увеличение выработки продукции (до 1000 % плана) меньшим числом рабочих за счет применения более рациональных

приемов производства и командной работы. Участниками были многостаночники, совместители профессий, комсомольские, молодежные и фронтовые бригады.

Движение тысячников зародилось в Нижнем Тагиле, где по примеру зачинателя общесоюзного движения «тысячников» фрезеровщика Дмитрия Босого учащийся РУ № 9 Анатолий Буцан стал выполнять по 10–12 норм в смену, организовав первую фронтовую бригаду. За выдающиеся успехи в работе он был награжден медалью «За трудовую доблесть».

Количество учащихся, выполнявших нормы на 200 или более процентов, быстро увеличивалось: если в январе 1942 г. в Нижнетагильском РУ № 25 было 27 двухсотников, то в феврале уже 108, в марте — 233, в апреле — 543. В Нижнетагильском РУ № 2 в январе 1942 г. — было 42 двухсотника, а к 15 мая 1942 г. — 520. Отдельные ученики выполняли нормы на 300–350 %. Учащиеся Нижнетагильского РУ № 25 токари Шаров и Новицкий 13 апреля 1942 г. выполнили нормы на 1025 %, вслед за ними стали тысячниками учащиеся Татаринов, Фесенко, Лукьянченко, Демин, ученица-фрезеровщица Лида Сырцова. В РУ № 9 из 716 учащихся 520 стали двухсотниками и трехсотниками. Учащиеся-литейщики Онищенко, Пличко и Розинский выполняли норму на 600 %, а строгальщик Вася Скворцов к 1 мая 1942 г. выполнил 1350 % нормы. В Нижнетагильском РУ № 28 в мае 1942 г. появились тысячники Уваров, Курсачев, Михайлов и Лозов. Слесарь Вася Барановский, учащийся Первоуральского РУ № 6, отлично овладев своей профессией, прославился высокой производительностью и был награжден медалью «За трудовую доблесть». Выдающейся тысячницей была и учащаяся Свердловского РУ № 1 Лида Катаева.

О важном вкладе в производство продукции и признании заслуг учащихся трудовых резервов свидетельствовал, например, стихотворный аншлаг на проходной завода № 183 в Нижнем Тагиле, посвященный ремесленникам-стахановцам военного времени:

Не смотри, что ростом мал,
Не в аршинах дело,
Десять норм за смену сдал
И говорит, что не доделал.

Учащихся Свердловского РУ № 3 из группы мастера Засыпкина рабочие Верх-Исетского завода называли не иначе как «львами производства», а сталевары Коля Дуев и Володя Нестеровский послужили прообразами героев стихотворения Агнии Барто «Друзья из Шарташа»:

Работают подручными
Два друга неразлучные,
Два парня-крепыша.

Они весной в училище
Пришли из Шарташа.

<...>

В печах пылала пламенем
Багровая заря.

На мостике —

Два мастера,
Как два богатыря.

<...>

А вечером подручные,
Два друга неразлучные,
Два парня-крепыша,
Идут домой довольные,
Шагают не спеша.

Сказать погромче хочется,
Чтоб слышал весь бульвар:
«Ну, как сегодня выплавка,
Товарищ сталевар?»

Как отмечали участники Свердловского областного совещания стахановцев-тысячников в своем обращении работникам предприятий Свердловской области, работать по-фронтальному — это «значит в совершенстве знать свой станок, уметь выжимать из техники все, что она может дать, работать умело, творчески, с душой, работать за двоих, за троих» [13]. Это предполагало не только высокий уровень организации труда, но и его постоянное совершенствование — движение двухсотников, пятисотников, тысячников было напрямую связано с рационализацией труда, изобретением новых приспособлений к станкам, усовершенствованием технологии производства и приемов работы.

Например, учащийся Красноуральского РУ № 8 Потапенко придумал способ резкого увеличения производительности труда посредством одновременной обработки двух деталей. Он ввел ряд усовершенствований в технологию обработки и к 11 мая 1942 г. выполнил месячную программу производства, а за следующие два дня — еще одну месячную норму. Учащиеся Нижнетагильского РУ № 25 Шаров и Новицкий, применив на токарном станке фасонные резцы, одновременно выполняли 2–3 операции, не останавливая станка и не меняя резца. Ученик Первоуральского РУ № 6 Миша Шумин, известный рационализатор, благодаря изобретенному и изготовленному им приспособлению выполнял по 46 норм в смену.

Из статьи З. А. Хазена «Юный изобретатель» в газете «Под знаменем Ленина» от 9 мая 1943 г.: «Мише Шулину исполнилось 14 лет, и он поступил

учиться в ремесленное училище. <...> С первых дней учебы он проявил себя, как серьезный, дисциплинированный ученик. <...>

Прошел только год учебы, а Шулин уже помощник мастера, бригадир, самостоятельно руководит работой 15 учеников нового набора. С чувством глубокого удовлетворения мастер Бубнов наблюдает, как его воспитанник, светло-русый, невысокого роста помощник, важно шагает между верстаками, объясняет своим ученикам задание, следит за выполнением графика. <...>

В феврале его участок, на котором производится окончательная слесарная обработка деталей № 2 оборонного значения, переживал трудное время. Изменили техпроцесс изготовления деталей и трудно стало их обрабатывать. Нужно было добиться точных размеров в пяти направлениях, а это не удавалось. <...> Миша вместе со всеми думал о разрешении технологического вопроса. Он знал, что деталь требуется фронту для уничтожения врага.

Все время молодой патриот Миша Шулин возится у ножниц, пробует их в разных положениях ножей. В руках у него мерители, новые и изношенные кольца. Что-то пробует он и наконец предлагает тов. Бубнову: «После обрезки нужно ввести калибровку через кольцо». Тут же берет кольцо, медный молоток, и вот деталь прокалибрована, вслед за ней другая, третья. <...>

Так молодой изобретатель, ученик ремесленного училища № 6 Миша Шулин своей любовью к труду и родине, внимательным отношением к делу разрешил сложный технологический вопрос, увеличил производительность труда в 5 раз».

Одной из форм мотивации и повышения производительности труда являлись различные виды соревнований — как внутри ученических коллективов, так и между учебными заведениями. В годы войны во Всесоюзном социалистическом соревновании принимали участие многие коллективы РУ и школ ФЗО, лучшие становились его победителями с присвоением почетного звания и вручением переходящего Красного знамени Государственного комитета обороны СССР.

20 января 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР «за образцовое выполнение заданий правительства по производству боеприпасов» наградил медалью «За трудовое отличие» Василия Ивановича Баракковского, ученика РУ № 6 Первоуральского новотрубного завода. В январе 1942 г. Василию было всего 15 лет, а он «при полной загрузке вырабатывал по три-четыре нормы в смену» [12] и мечтал получить специальность военного инженера. В июле 1942 г. лучшим ремесленным училищем страны стало Нижнетагильское РУ № 2, коллектив которого, насчитывавший 270 человек, из них 93 тысячника, выполнял норму на 500 %. Коллектив школы Нижнетагильской ФЗО № 7 стал победителем соревнования с вручением переходящего Красного знамени ГКО СССР.

Из отчета об итогах социалистического соревнования учащихся отряда ремесленных училищ и школ ФЗО на СУГРЭСстрое за декабрь 1942 г.: «Ученица гр[уппы] электросварщиков (мастер Лазарева) тов. Богданова Надежда пришла первый раз на площадку, где ей показалось очень трудно работать. Работать приходится на большой высоте, в трудных условиях в смысле техники безопасности. Когда ее спросили, что, может быть, [ее] перевести с площадки, она ответила: “Мне поручили строить электростанцию, поэтому я хочу работать непосредственно на стройке”. Богданова с трудной задачей справилась, работает не покладая рук и, если нужно, работает по 16 и более часов.

Однажды ей предложили после продолжительного времени работы пойти домой, но она сказала: “Пока не закончу паропровод, не уйду с площадки, так как от невыполнения срока варки паропровода, останавливаются другие участки работ”. С ней вместе работала мастер т. Лазарева целую ночь. Задание было выполнено. Богданова нач. стр[оительств]а премирована шелковым платьем» [8, с. 380].

Следует учитывать, что учащиеся учебных заведений трудовых резервов существенно отличались не только по социальному облику, культурно-бытовому укладу, но и по уровню грамотности, жизненному опыту, личностным представлениям и целям. Подростки из колхозов и освобожденные от наказания молодые заключенные, городская молодежь и переброшенные из других регионов страны призывники вынуждены были длительно совместно существовать в относительно замкнутом мире. Объединенные полувоенной системой в учебные группы, они вступали в сложную систему коллективных и межличностных коммуникаций, формируя субкультуру, многие элементы которой были далеки от идеала. Реальные условия жизни в учебных заведениях сформировали иной, «непарадный» образ учащегося, включавший те черты, которые обеспечивали выживание, отражали многообразие жизненных проблем, запросов, требований. Ежедневно демонстрируя образцы трудового героизма для приближения Победы над фашизмом, учащиеся зачастую находились в тяжелейших бытовых условиях, испытывали голод, холод, недостаток теплых вещей, обуви, спецодежды для производства.

Из письма учащегося Нижнетагильского РУ № 4, 1943 г.: «...кормят нас гнилой картошкой и капустой. В общежитии холодно. Обуви не дают, на завод хожу чуть ли не босиком. Ноги все в болячках и нарывах, как ночь, так и реву. Все равно убегу, если не убегу, то сам себя прикончу, только жить здесь не буду» [4, л. 87]. Из письма учащейся Невьянского РУ № 33 Афанасьевой: «...в общежитии холодно, света нет, постирать и помыться негде, меня уже начинают вши кусать и нечем спастись, смены белья нет, средств тоже нет. Жизнь хуже, чем у первобытных людей» [4, л. 87].

Даже в таком «парадном» документе, как письмо И. В. Сталину от всех учащихся и работников государственных трудовых резервов (1945 г.),

наряду с пафосными отчетами о действительно выдающихся результатах деятельности учебных заведений системы в период войны были также отмечены трудности и недостатки: «В семье, конечно не без урода — есть и среди нас еще такие, что и говорить-то о них совестно. Но правду сказать нужно. <...> Нечего скрывать, есть еще неряхи, лодыри и даже прогульщики, которым наплевать на честь училища, школы. Такие и сами работают кой-как, и товарищей позорят... Попадают еще и такие, что работой вообще не интересуются и чуть что норовят дать тягу домой, к бабушке на печку. Но таких все меньше делается с каждым днем. Да и бабушки у нас пошли теперь такие, что не ко всякой удерешь с работы: иная сознательная бабушка ухватом встретит беглеца, чтобы не срамил ее перед людьми.

Мы тоже сумеем таким ребятам вправить мозги, мы сможем им привить уважение к нашему труду, мы не дадим никому марать честь нашей школы, нашего училища» [2, л. 36].

Множество трудностей и недостатков в организации материально-бытового обеспечения и досуга учащихся разрешались, в числе прочего, различными методами и средствами воспитательной работы, призванными создать благоприятную социокультурную среду, патриотический настрой и мотивацию к созидательному труду на благо Родины.

В начале 1944 г. в 39 училищах и 55 школах ФЗО Свердловской области действовали 19 духовых оркестров, 16 ансамблей, 106 драмкружков, 82 хоровых кружка, 14 кружков народных инструментов, 99 кружков художественного чтения и 18 акробатических кружков с общим количеством участников более 8 тыс. человек (27 % контингента учащихся). С 1943 г. регулярно проводились внутришкольные, городские, областные и всесоюзные смотры художественной самодеятельности трудовых резервов. Например, в Свердловском городском смотре художественной самодеятельности были задействованы лучшие творческие силы.

Из отчета о работе Свердловского областного управления трудовых резервов за 1943 г.: «Лучшая художественная самодеятельность была представлена РУ № 3 металлургов и № 21 энергетиков. Большое внимание заслуживают следующие номера: драмкружок РУ № 3, выступивший с отрывками из пьесы “Как закалялась сталь” (руководитель кружка артист ТЮЗа т. Татарский), оркестр баянистов Ремесленного Училища Металлургов № 3 (руководитель артист ТЮЗа т. Краева), выступление акробатического коллектива РУМ № 3 под руководством мастера т. Липихина, духовой оркестр РУ № 21, исполнивший несколько классических номеров и марш РУ № 21 (музыка) Певзнера — руководителя кружка), и ряд других художественных выступлений. Во время антрактов проводились массовые игры, танцы, аттракционы» [8, с. 446].

Таким образом, выполнение специальных заказов по изготовлению боеприпасов, деталей для военной техники, инструмента; самостоятельное обслуживание больших производственных участков на базовых

предприятиях; замена ушедших на фронт рабочих; активное участие в движении тысячников по многократному перевыполнению норм, социалистическом соревновании и молодежных фронтовых бригадах на предприятиях — все это и многое другое является наглядным примером чрезвычайно значимого вклада подростков — учащихся системы государственных трудовых резервов в дело Великой Победы. Несмотря на гигантские трудности, подростки — юноши и девушки 14–18 лет, проходившие подготовку в учебных заведениях системы государственных трудовых резервов Свердловской области, устойчиво обеспечивали фронт всем необходимым. Труд учащихся в тылу был не менее важен, чем подвиги бойцов Красной армии на фронте, и подтверждение этому — плакат на стенах учебных мастерских и цехов промышленных предприятий с лозунгом «Работай быстро, четко, ловко, сейчас станок — твоя винтовка».

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 17
2. ГА РФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 156.
3. ГА РФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 402.
4. ГА РФ. Ф. Р-9507. Оп. 5. Д. 51.
5. Государственный архив Свердловской области (ГА СО). Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 13.
6. ГА СО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 16.
7. ГА СО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 337.
8. Профессионально-педагогическое и профессионально-техническое образование в России: к столетию становления и развития. 1920–2020 гг.: сб. док. Екатеринбург: РГППУ, 2020. Т. 3. Профессионально-техническое и профессионально-педагогическое образование в региональном разрезе: Свердловская область. 1077 с.
9. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). М.: Политиздат, 1967. Т. 2. 1929–1940 гг. 798 с.
10. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОСО). Ф. 4. Оп. 38. Д. 215.
11. ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 221.
12. Воспитательная политика в системе Государственных трудовых резервов СССР. 1940–1958 гг.: сб. док. / авт.-сост. В. В. Дубицкий [и др.]. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2024. 470 с.
13. Хрестоматия по истории Урала. XX век / под ред. М. Е. Главацкого. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, изд-во Дома Учителя, 1998. 576 с.

В. Д. Павленко

Тимуровское движение на Урале в годы Великой Отечественной войны

Нужно быть слепым, чтобы не видеть, что в огромном своем большинстве они (дети. — В. П.) благородны и мужественны. Уже одно движение тимуровцев, подобного которому не существует нигде на земле, является великим триумфом всей нашей воспитательной системы.

Корней Чуковский [1, с. 136]

Слово «тимуровец» вошло в обиход детской жизни незадолго до начала Великой Отечественной войны, когда вышла в свет книга Аркадия Гайдара «Тимур и его команда». Вскоре на экранах страны появился одноименный кинофильм.

В годы Великой Отечественной войны это движение приобрело массовый характер. Звание «тимуровец» дисциплинировало ребят, побуждало их совершать благородные поступки. Простые и незаметные дела приносили неоценимую поддержку тем, кто в ней нуждался.

Сейчас, как и в годы суровых испытаний Великой Отечественной войны, многим многодетным семьям, особенно семьям участников СВО, лишние руки в хозяйстве, да и простое человеческое участие и забота будут нелишними. Поэтому опыт тимуровцев бесценен и для волонтеров нынешнего поколения. Наша главная задача — воспитать в каждом подростке нравственные качества: трудолюбие, милосердие, справедливость, благородство, чувство собственного достоинства.

Начало тимуровскому движению на Урале было положено командой из г. Пласта Челябинской области, которую возглавила 70-летняя Александра Петровна Рычкова — бабушка Шура, так ласково звали ее дети.

Вот что писала Рита Луканина, капитан тимуровской команды, своему отцу на фронт:

«Здравствуй, папочка!

У нас в городе большие новости. Помнишь, мы с тобой давно смотрели картину про Тимура? Он организовал такую команду из ребят,

которая помогала семьям красноармейцам, заботилась о них. Помнишь, тебе понравилась эта картина, и ты говорил, что хорошо, если бы такие команды в самом деле появились.

Так вот, у нас теперь появилась такая же команда. А кто организатор ее — это тебе ни в жизнь не угадать. Знаешь бабушку Рычкову? Все ее любят и зовут “бабой Шурой”. Я тоже записалась. Мама говорит: “Бездельничать хоть не будешь”. А что ты скажешь?

Сейчас у нас много работы. Малыши лекарственные травы собирают, а мы ходим картошку полоть. Научились работать тяпками, и делать это быстро и чисто. А скоро мы будем ягоды и грибы заготавливать. Словом, дел хватает. Тимуровцы без дела не сидят» [9, с. 44].

19 июля 1941 г. Челябинский обком партии одобрил инициативу Челябинской, Карабашской, Кыштымской и Шадринской комсомольских организаций, развернувших движение пионеров и школьников по созданию тимуровских команд [6, л. 5]. Уже в августе 1941 г. в 29 районах Челябинской области насчитывалось 617 тимуровских команд с охватом 12 260 мальчишек и девчонок. В Челябинске их было 126 с охватом 1924 человека, в Магнитогорске — 38 и 860, в Златоусте — 46 и 760. Из сельских районов наибольшее количество тимуровцев было в Полтавском — 89 команд, куда входило 2118 сельских ребят, в Варгашинском районе — 36 и Кировском совхозе — 24 команды с охватом 805 человек [9, с. 38].

В декабре 1941 г. на областном слете тимуровских команд А. П. Рычкова говорила: «Мои ребята умеют делать и делают все. Они косят, пилят, умеют починить крышу, лестницу, грабли, наточить косу, сплести лапти, лукошко, замесить глину и заштукатурить стену. Они смело берутся за любую работу. Я сама удивляюсь, как у них все ловко получается. Начнут класть воз сена — и это одолеют. Возьмутся ходить за сохой — смотрю и не налюбуюсь, точно всю жизнь только этим и занимались.

А как трудно достается нам тепло. Дров не хватает почти у всех красноармейских семей. Ребята порой отправляются в лес, чтобы оттуда принести какой-нибудь сухостой. Это не близко. Чтобы одолеть, придумали сделать тележку на колесах и тем облегчили свои походы за дровами. Дети учатся друг у друга, учатся у взрослых и с полной ответственностью относятся своему делу» [9, с. 40–41].

Слава об этой тимуровской команде прокатилась по всей стране. О ней писала центральная и местная печать: «Комсомольская правда», «Пионерская правда», «Челябинский рабочий» и «Кочкарский рабочий». Да и как было не писать! А. П. Рычкова создала дружный сплоченный детский коллектив, стремившийся всеми силами помочь Родине в трудную минуту. Неслучайно в стране тимуровскую команду «бабушки Рычковой» стали называть командой № 1. Чтобы вступить в нее, ребята должны были написать заявление. Вот одно из многих: «Прошу принять меня в тимуровскую команду № 1, так как у меня отец находится в Красной

армии, и я хочу помочь своей Родине. Прошу не отказать в моей просьбе. Ученик 6-а класса школы № 10 Серазидянов Виль» [8, с. 709].

У тимуровской команды был свой гимн, который написала секретарь Кочкарского райкома комсомола Галина Рубинштейн, эвакуированная из Москвы. За годы войны тимуровская команда «бабушки Рычковой» собрала и сдала 131 т металлического лома, отремонтировала одежду и обувь для 401 красноармейской семьи, заготовила 2 тыс. кубометров дров для 600 семей. На заработанные деньги тимуровцы приобрели и послали детям освобожденных районов 1 тыс. учебников, 100 м мануфактуры, детские платья, обувь, белье, посуду и другие необходимые предметы.

В Фонд обороны собрали и сдали 81 тыс. рублей, на формирование Уральского добровольческого танкового корпуса — 55 тыс. рублей. Тимуровцы отослали бойцам и командирам Красной армии 1,3 тыс. индивидуальных посылок и шесть коллективных подарков, в госпиталях №№ 1731, 3745, 3764 раненым бойцам вручили 1717 подарков [8, с. 714–715]. Для аптеки г. Пласта собрали 162 кг лекарственных трав, оказали помощь детскому дому № 1 в сооружении ограды и посадке 2 тыс. саженцев деревьев и кустарников. В 1943 г. в фонд госпиталей засадили 10 га овощных культур.

В одном из писем командир тимуровского отряда Рита Луканина с гордостью сообщала своему отцу о том, что за хорошую работу горком комсомола вручил отряду Красное знамя. На нем золотыми буквами вышито «Лучшей тимуровской команде» [9, с. 44].

Правительственная телеграмма, пришедшая из Москвы, взбудоражила весь Кочкарский район. Она была адресована тимуровской команде бабы Шуры: «Передайте тимуровцам первой тимуровской команды Кочкарского района, собравшим 81 000 рублей в фонд Красной Армии, 55 000 рублей на создание Добровольческого корпуса, металлический лом для промышленности, оказавшим помощь семьям фронтовиков, мой горячий привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин» [8, с. 721].

ЦК ВЛКСМ также высоко оценил работу тимуровской команды г. Пласта. В 1943 г. все тимуровские команды получили почетные грамоты ЦК ВЛКСМ, а организатор А. П. Рычкова была награждена ценным подарком — серебряной шкатулкой. Более 300 благодарственных писем пришло в их адрес от бойцов и командиров Красной армии. Вот что писал подполковник Кряжев тимуровцам Долгодеревенской средней школы Сосновского района Челябинской области: «Дорогие маленькие друзья! Я благодарю Вас за помощь, оказанную вами моей семье, за внимание к моей дочке Оле. Не щадя сил и жизни, бью немцев за нашу цветущую жизнь. Живите, дети. У вас впереди светлое будущее, мы отстаивали его. Спасибо еще раз. Прошу не забывать мою семью» [9, с. 58].

Тимуровское движение возникло не по решению руководящих органов. Часто оно шло от души и желания детей и взрослых сделать

что-то для скорейшей победы над врагом, их нежелания стоять в стороне от всеобщего движения «Все для фронта!».

На второй день войны, несмотря на каникулы, школы Свердловска заполнили ребята. Их никто не приглашал, они пришли сами. Собрались и учителя. Дети окружили их и ждали ответа на вопросы, которые понятны были без слов. В школу № 1 пришли и трое юношей, которые окончили ее год назад. Они добровольцами уходили на фронт и перед отъездом решили попрощаться со своими учителями. Состоялось собрание, на котором выступил директор школы. Простившись с учителями, юноши покинули школу. А в это время из последних рядов класса послышался голос: «Они счастливы, добровольцами уходят на фронт. А чем мы можем помочь быстрее разгромить врага?» Эти слова были произнесены с такой болью, что надо было немедленно отвечать на них. И это сделала учитель литературы: «Родные мои, бороться с фашистскими захватчиками можно и нужно не только с оружием в руках. Война потребует огромных усилий всего советского народа. Немало дел найдется для вас, чтобы ускорить победу над ненавистным врагом» [3, с. 158]. При этом она напомнила ребятам повесть Аркадия Гайдара о славных делах Тимура и его команды. Тут же были созданы три тимуровские команды.

В июле 1941 г. появилось обращение школьников Свердловска ко всем школьникам области: «Мы, учащиеся свердловских школ, считаем себя мобилизованными для помощи предприятиям, совхозам и колхозам. Мы призываем всех школьников Свердловской области внести свою лепту в дело обороны любимой Родины. Пусть враги знают, что с ними борется весь советский народ, в том числе и школьники» [2, с. 80].

Многотысячная армия школьников области откликнулась на этот призыв. В школах создавались производственные мастерские, где ребята делали ящики для военной продукции. В школе № 12 областного центра был организован специальный цех по изготовлению деталей для оборонного завода. В городе действовал и завод ЮМ-567 — юных мастеров. На нем работали учащиеся пятых, sixth и седьмых классов. Они готовили моющие средства, гончарную посуду для военных госпиталей.

8 января 1942 г. Свердловский обком комсомола рассмотрел ход областного соревнования тимуровцев и тимуровских команд. Соревнование было начато по инициативе тимуровской команды Володи Чугуева из Свердловска и поддержано обкомом комсомола совместно с редакцией детского вещания областного радиокомитета.

С 1 октября 1941 г. по 1 января 1942 г. в 35 районах Свердловской области было организовано 1350 тимуровских команд с охватом более 12 050 тимуровцев. Только в г. Свердловске имелось 615 команд с общим количеством 3895 тимуровцев. Широкое распространение тимуровское движение получило в школах Каменска-Уральского, где в первый военный год было организовано 25 тимуровских команд, объединявших

508 учащихся младших классов. За короткое время они оказали помощь 320 семьям красноармейцев. Тимуровские команды возникли в самых отдаленных районах области — Исовском, Петрокаменском, Ивдельском, Буткинском, Талдинском и др. Главной их заботой стала помощь раненым бойцам и семьям красноармейцам [4, с. 279–280].

В Курганской области (до 6 февраля 1943 г. бóльшая ее часть входила в состав Челябинской) в годы войны было организовано 1,6 тыс. тимуровских команд, включавших в свои ряды 22 тыс. младших школьников. Тепло и сердечно встречали учащиеся неполной средней школы № 29 Кургана у себя в школе эвакуированных детей из Ленинграда, Киева, Минска и Гомеля. Организовали пришкольный участок, засадили его картофелем и овощами. Убрали урожай и передали его в столовую для организации бесплатного питания детей фронтовиков. Осенью 1941 г. собрали 8 т картофеля и весь перенесли из-за Тобола «на своем горбу» в мешках, рюкзаках и сумках [10, с. 321–322]. Они только в 1944/45 учебном году оказали помощь 3,9 тыс. семьям красноармейцев, распилили 5 тыс. кубометров дров, собрали для фронтовиков материальную помощь на сумму 1,8 тыс. рублей [7, с. 141].

В Молотовской области в 1943/44 учебном году тимуровское движение насчитывало 689 команд, в которых участвовало 10 тыс. школьников. Лучшими зарекомендовали себя тимуровцы Карагайской средней школы, организовавшие сбор черных и цветных металлов [7, с. 140].

Забота о раненых давала детям уроки социального гуманизма, глубокое внутреннее удовлетворение, повышала их ответственность и требовательность к себе. Каждый день, слыша стоны, видя безжалостно искалеченных войной людей, они кусали до боли губы, и только когда их никто не видел, плакали. И снова шли в палаты, стирали белье, выносили тазы из операционной, читали книги и газеты, дежурили по ночам. По выходным дням ребята выступали с концертами в госпиталях. Тимуровцы вместе с А. П. Рычковой семь раз выезжали за 50 км в госпиталь № 3755 с концертами художественной самодеятельности. Теперь раненые, которые недружелюбно встретили их в первый раз, ожидали с нетерпением каждого их прихода. Тимуровцы часами просиживали у постелей тяжелораненых бойцов за чтением художественной литературы. Таким образом они становились частью коллективов, которые боролись всеми силами за здоровье раненых. Это не осталось незамеченным со стороны тяжелораненых бойцов. Они заявляли: «Если вы, ребята, чаще будете навещать нас, нам не нужна будет помощь врачей. Ваша забота помогает нам быстрее подняться на ноги, вдохновляет нас на новые ратные дела» [9, с. 92].

В 1943 г. Свердловский горком партии отмечал в справке о состоянии шефства над госпиталями: «Большую работу в госпиталях проводят тимуровские команды. Учащиеся 4-а класса 42-й школы установили

систематическое дежурство в подшефной им палате госпиталя, помогают в уходе за лежащими ранеными, приносят пить, читают книги, пишут письма, рассказывают о школьной жизни, ребята завоевывают среди раненых заслуженную любовь» [3, с. 304–305].

Разнообразен был труд тимуровцев, трогательна их забота о семьях фронтовиков. В свердловской школе № 10 тимуровцы узнали, что у Вити Соловьева отец ушел на фронт, а матери не было. Малыш остался на попечении бабушки. Тимуровцы стали по очереди навещать их дом. Они помогали Вите готовить уроки и одновременно оказывали помощь старушке в домашних делах. Как-то они узнали, что она несколько месяцев не получает пенсию. Тимуровцы отправились в районный отдел социального обеспечения и добились от работников отдела решения о постоянной выплате пенсии. Бабушка Вити была благодарна юным помощникам [4, с. 280].

Команда Люды Ивановой из 78-й свердловской школы организовала детскую комнату для малышей, родители которых работали на предприятиях. Часто дети оставались дома одни. Рано утром у дверей подшефных квартир раздавались громкие голоса тимуровцев: «Валентина Ивановна, мы пришли за Сашей и Людой. Им пора отправляться в детскую комнату». На пороге появлялись ребята и забирали малышей. Вечером они приводили их обратно домой [3, с. 305].

Труженицы тыла всегда с благодарностью отзывались о работе юных помощников. В. И. Антихина писала: «Мой муж защищает Родину. И хотя я осталась одна с тремя детьми, не чувствую одиночества. Обо мне и моих детях заботятся тимуровцы. Они пилят и колют дрова, занимаются с моими малышами. Горячо благодарю этих славных ребят» [4, с. 280].

Тимуровским движением была охвачена вся страна. Только в России в тимуровских командах участвовало более 2 млн школьников. «Само слово “тимуровцы”, — писал Л. А. Кассиль, — вошедшее в летописи Великой Отечественной войны, останется в языке и сознании нашего народа, сохранится в Истории как пример чудесного выражения любви детей к Родине, пример деятельной заботы о ней юных патриотов, которые в трудные дни войны всеми силами стремились помочь народу в его титанической борьбе с врагом» [5, с. 447].

Список литературы

1. Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 3.
2. Взвейтесь кострами! Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1974. 127 с.
3. Все для фронта: док. и материалы. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1985. 383 с.
4. Грачева О. Н. Юные пионеры // Подвиг трудового Урала. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1965. 295 с.

5. *Кассиль Л. А.* Собрание сочинений: в 5 т. М.: Детская лит., 1966. Т. 5. 639 с.
6. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. 288. Оп. 1. Д. 754. Л. 5.
7. *Сперанский А. В.* В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1966. 347 с.
8. Тимуровское движение // Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. 832 с.
9. Тыл — фронту. Сборник воспоминаний, очерков, документов, писем. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1990. 284 с.
10. Хрестоматия по истории Курганской области (1917–1945 гг.). Курган: Зауралье, 1997. 328 с.

В. С. Околотин

Специфика заботы о детях, эвакуированных в Ивановскую область в 1941–1942 гг.

В период Великой Отечественной войны в Ивановской области (в границах до августа 1944 г.) под воздействием чрезвычайных обстоятельств был осуществлен комплекс экстренных мер по сохранению и воспитанию детей. Несмотря на ограниченность сил и средств, имевшихся в распоряжении региона, общими усилиями удалось сгладить разрушающее воздействие чрезвычайных обстоятельств на людские ресурсы страны, создать предпосылки для их преодоления. Обращение к архивным материалам, часть из которых публикуется впервые, позволяет говорить о характере предпринятых действий в сложнейший для советского государства период 1941–1942 гг.

Прием и размещение эвакуированных детей

Во втором полугодии 1941 г. Ивановской области кроме других военных испытаний пришлось выдержать огромную нагрузку по приему эвакуированных грузов, обеспечению продовольствием и медицинской помощью эвакуанселения, следовавшего транзитом к местам назначения. Всего через Ивановский эвакуопункт с 1 июля 1941 по 1 января 1942 г. прошло 418 эшелонов с общим количеством 381 тыс. человек, в том числе 131 450 детей. Кроме того, за период навигации по Волге питанием и медпомощью было обеспечено свыше 100 тыс. человек, следовавших на судах и баржах к местам назначения. По состоянию на 1 января 1942 г. в Ивановской области было расселено около 75 тыс. жителей из западных, центральных и северо-западных регионов страны. На питание эвакуированным за этот период было израсходовано 1,75 млн руб., а также оказана помощь деньгами, одеждой и обувью [6, л. 18].

Второе полугодие 1941 года

Кроме семей с детьми в Ивановской области по состоянию на 10 января 1942 г. было размещено 12 эвакуированных детских учреждений

с 1559 воспитанниками. Они в основном были расселены в домах отдыха и санаториях в глубинных районах области. 20 октября 1941 г. секретарь исполкома Родниковского райсовета А. Ваганов информировал облисполком о размещении в районе эвакуированных детей. По его словам, организовано прибыло следующие детские учреждения: Мурманский детский дом в количестве 133 человек и Витебский детский дом № 8 из 60 человек. Кроме того, был организован детский дом в местечке Ворсино, где разместили 70 «детей, приехавших без родителей из г. Мурманска». Другие дети, в возрасте от 11 до 15 лет, также прибывшие из Мурманска, в количестве 81 человек, «размещены по сельсоветам, снабжаются за счет колхозов, несколько человек учатся в школе» [9, л. 34].

Для приспособления помещений, выделенных под детские дома, к работе в зимних условиях в некоторых из них был произведен необходимый ремонт, сложены печи, утеплены потолки и т. д. К сожалению, из-за отсутствия транспорта дрова для топки печей очень часто приходилось доставлять силами персонала детских учреждений и старших воспитанников.

Требование Облздравотдела к местным властям вести систематический медико-санитарный контроль и подобрать работников для детских домов не выполнялось. Со стороны облторга и облпотребсоюза также не выполнялось решение облисполкома об обеспечении воспитанников детских домов одеждой, обувью, жирами, кондитерскими изделиями и прочим. Отчасти выход был найден за счет децентрализованного снабжения. Так, детский дом, эвакуированный из Мурманска и размещенный в д. Райки Родниковского района, оказал посильную помощь местному колхозу «Путь к свету» в уборке урожая и на заработанные 3 тыс. трудодней приобрел 20 овец, 18 свиней, 25 т картошки и 7,5 т капусты. Кроме этого, он заготовил 15 бочек грибов и получил авансом 2,5 т пшеницы, 3 т сена, 2,5 т капусты и т. д. [11, л. 12–13].

Для понимания социальных вопросов, требовавших разрешения, представляют интерес документы о совещании директоров детских домов и спецшкол, которое состоялось 2–3 марта 1942 г. в Иванове. На нем помимо обсуждения социальных вопросов было озвучено предложение председателя обкома союза дошкольных работников и работников детских домов Поздняковой поддержать почин женского актива предприятия «Красный богатырь» из Москвы об усыновлении детей, оставшихся без родителей: «Это мероприятие мы должны сейчас провести и от Ивановской области» [8, л. 61].

Однако вряд ли можно только формальным призывом пробудить у жителей области сострадание к детям, лишившимся родителей. Многие факты усыновления, несомненно, были следствием человеческого внимания и стремления хоть чем-то помочь в воспитании эвакуированных

детей, создать для них домашний уют. Так, в Родниках семья А. Суздальцева взяла на воспитание до конца войны четырехлетнего Вову Молодцова [18], а семья И. В. Тихомирова — восьмилетнего Артура Молодцова [19]. 18 марта на страницах «Родниковского рабочего» было опубликовано письмо подростка Николая Рыбакова, которое он вместе с подарком передал калининцам: «...Летом приезжайте к нам в гости и привезите одну из сирот. Наша мама (она детей очень любит) возьмет к себе на воспитание, и сирота найдет в наших родителях отца и мать, а мы будем братишками и сестренками. У нас есть папа и мама, нас всех 8 человек, но мы рады принять в нашу семью новых товарищей, приезжайте к нам...» [16].

Зимняя эвакуация 1942 года

Общеизвестно, что массовая эвакуация ленинградцев началась 22 января 1942 г., согласно решению ГКО. Однако в перечне постановлений и распоряжений, принятых ГКО в январе 1942 г., такого документа не значится. Прояснить эту ситуацию помогают воспоминания А. С. Болдырева, работавшего в годы войны помощником заместителя наркома СНК СССР А. Н. Косыгина. Из них следует, что 17 января 1942 г. ГКО, рассмотрев ситуацию, сложившуюся в Ленинграде, признал необходимым энергичнее наращивать темпы эвакуации жителей. Для этого было решено направить в осажденный город в качестве уполномоченного ГКО СССР А. Н. Косыгина. 19 января 1942 г. с группой помощников он прибыл в Ленинград. В короткий промежуток времени они ознакомились с обстановкой, состоянием уже подготовленной трассы через Ладожское озеро и провели подготовительную работу.

21 января на заседании Военного совета Ленинградского фронта были рассмотрены предложения по эвакуации, после чего А. Н. Косыгин позвонил Сталину, доложил об обстановке в городе и намеченных мерах. 22 января 1942 г. ГКО распорядился эвакуировать из Ленинграда 500 тыс. жителей. Следует сказать, что А. Н. Косыгин находился в Ленинграде до апреля 1942 г. и неоднократно посещал места отправки (Борисова Грива) и выгрузки жителей города на восточном берегу Ладожского озера.

Далее ленинградцы доставлялись на три погрузочные площадки на станциях Кабана, Лаврово и Жихарево, а затем в эшелонах от 2500 до 3800 человек в каждом по линиям Ярославской и Северной железных дорог отправлялись на восток, а также в Ивановскую, Горьковскую и другие области Поволжья. Однако реальность оказалась значительно суровее ожиданий. В результате 24 января 1942 г. обком ВКП(б) и исполком облсовета внесли коррективы в ранее принятое постановление, увеличили численность ленинградцев, подлежащих размещению

на территории Ивановской области, и придали большую категоричность мерам по их приему и медицинскому обслуживанию, для чего в тот же день было принято новое постановление «О размещении эвакуированных жителей г. Ленинграда». Согласно ему, в области надлежало разместить уже 30 тыс. жителей блокадного Ленинграда. Архивные данные свидетельствуют, что это была самая страшная страница в истории деятельности эвакуационных органов Ивановской области в годы войны.

На местах к приему ленинградцев уже готовились. По распоряжению СНК СССР от 18 января 1942 г. «О размещении в пределах Ивановской области эвакуированных из г. Ленинграда рабочих и членов их семей» была начата подготовка условий для их приема. Об этом свидетельствует постановление бюро обкома ВКП(б) и исполкома облсовета «О размещении и обслуживании эвакуированных жителей г. Ленинграда», принятое также 18 января 1942 г. Согласно ему, к прибытию в область первоначально ожидалось 20,5 тыс. эвакуированных ленинградцев. Их предполагалось расселить в следующих городах и районах области: в Иваново — 5000 человек, Кольчугино — 3000, Шуе — 500, Фурманове — 500, Тейкове — 2000, Родниках — 1000, Юрьеве-Польском — 500, Вичуге — 500, Собинке — 500, Приволжске — 1000, Вязниках — 1000, Кинешме — 1000, Кохме — 500, Комсомольском районе — 500, Вичугском районе — 500 и Вязниковском районе — 1000 [1, л. 132–133].

Но и это количество оказалось несоответствующим реалиям. Число ленинградцев, поступивших в Иваново и следовавших транзитом с 31 января по конец апреля 1942 г., оказалось значительно выше предполагаемого. Более того, физическое состояние большинства из них было ужасающим. Для значительной части эвакуированных требовалось не размещение в приемниках и общежитиях, а срочная госпитализация в больницах города и области. Много было умерших в пути. К сожалению, несмотря на поистине трепетное отношение к ним, ленинградцы продолжали умирать и на территории Ивановской области. До настоящего времени нет полной картины этих событий. В годы войны они не отражались на страницах газет. В дальнейшем их освещали через воспоминания очевидцев в периодической печати и в отдельных изданиях. Из-за длительной закрытости архивных документов исследователи к ним практически не обращались. Но и в настоящее время создать целостную картину о приеме и обеспечении медицинской помощью ленинградцев на территории области представляется крайне затруднительным. Сведения об этом рассредоточены по различным фондам Государственного архива Ивановской области, а к изучению материалов центральных архивов, по всей вероятности, из региональных исследователей никто не приступал.

Согласно справке «О прибывших эвакуированных из г. Ленинграда за время с 31 января по 12 февраля 1942 года» начальника эвакуотдела

С. А. Виноградова, хронология событий такова. Первый эшелон с ленинградцами прибыл в Иваново 31 января 1942 г. в количестве 546 человек, из них 414 взрослых и 132 ребенка. Размещено 534 человека, из них 130 детей. Госпитализировано 23 человека, в том числе 6 детей. Умерли двое взрослых. 6 февраля 1942 г. через Иваново транзитом проследовал второй эшелон с эвакуированными жителями Ленинграда в количестве 342 человек, в том числе 96 детей. Размещено в Иваново 25 человек, из них 8 детей. Госпитализировано 16 человек, умерших не было. Третий эшелон (Ленинградский № 446) прибыл 8 февраля 1942 г. в количестве 1132 человек, из них 209 детей. В эшелоне также находились 237 учащихся ремесленных училищ № 51, 22, учащиеся железнодорожного училища № 2 и 47 студентов авиационного института. Кроме того, в нем прибыли 303 текстильщика, среди которых 55 детей. Из данного контингента 8 и 9 февраля направлены из Иваново для дальнейшего следования в Свердловск, Горький и другие города 269 человек, в том числе 96 детей. Госпитализировано в Иваново 125 человек, в основном учащиеся РУ № 51. Из числа учащихся РУ № 51, размещенных по общежитиям фабрик г. Иваново, дополнительно в госпитализации нуждались еще 18 человек. Умерло в пути следования до станции Вологда 24 человека, до станции Ярославль — 19 человек, до станции Иваново — 6 человек и в Иваново — 2 человека. Всего из пассажиров данного эшелона умер 51 человек. Размещено в Иваново 814 взрослых и 135 детей. Эшелон № 4 прибыл в Иваново 11 февраля 1942 г. в количестве 1372 человек, в том числе 238 детей. В составе также находились 132 учащихся РУ № 80 и 29 текстильщиков. Умерли в пути следования до станции Ярославль 18 учащихся РУ № 80. В Иваново размещено 130 человек взрослых и детей. Далее эшелон был переадресован в Кольчугино для размещения в нем 800 человек и Юрьев-Польский — 250 человек. Для дальнейшего следования через Иваново было направлено 190 человек [12, л. 59]. Список можно продолжить.

В Государственном архиве Ивановской области хранятся несколько вариантов незавершенных справок Облздравотдела «Об оказании лечебной помощи эвакуированным из города Ленинграда в гор. Иваново и районы области». Согласно одной из них — «Докладной записке по итогам встречи эвакуированного населения из гор. Ленинграда» от 9 мая 1942 г. — за период с 31 января по 24 марта 1942 г. в Иваново и районы Ивановской области из Ленинграда прибыли 22 эшелона с 25 237 ленинградцами, в том числе 3472 ребенка. Из них четыре эшелона в количестве 3325 человек транзитом через Иваново проследовали в Саратов, Казань, Краснодар. При приеме и вагонном осмотре эшелонов, прибывших на станцию Иваново-Пассажи́рская, врачебным персоналом медпункта (главный врач — И. Ф. Морозов) было госпитализировано 1378 человек и снято трупов 414 (включая снятых в пути). Сведения о количестве трупов, снятых с эшелонов на станции Александров, в записке не указаны.

В целом же по Ивановской области госпитализированы за этот период 3630 человек. Из них по состоянию на 1 мая 1942 г. выписаны 1723 человека, в стационарах и больницах области находились 1292 ленинградца и умерли в больницах и общежитиях 615 человек [11, л. 89].

Летняя эвакуация 1942 года

После открытия навигации на Ладожском озере с мая по октябрь 1942 г. через область вновь стали следовать большие потоки эвакуированных ленинградцев. В отличие от зимней, эта эвакуация осуществлялась в соответствии с постановлением ГКО № 1805 с от 24 мая 1942 г. «Об эвакуации населения г. Ленинграда» [13, л. 16]. В его основу была положена записка Н. А. Вознесенского, А. Н. Косыгина и других ответственных лиц от 23 мая 1942 г. председателю ГКО И. В. Сталину следующего содержания: «Военный совет Ленинградского фронта и Ленинградский горисполком внесли предложение в Совнарком СССР об эвакуации из г. Ленинграда в течение весенне-летнего периода 1942 года 300 тысяч человек, в том числе детей без родителей — 25 тысяч человек, членов семей рабочих и служащих — 175 тыс. чел., членов семей военнослужащих — 75 тыс. человек и инвалидов отечественной войны — 6 тыс. человек, рабочих и служащих с семьями — 19 тыс. человек.

В связи с этим просим утвердить следующее решение: “Принять предложение Военного совета Ленинградского фронта и Ленинградского горисполкома об эвакуации из г. Ленинграда в течение весенне-летнего периода 1942 года — 300 тыс. человек. Эвакуацию населения начать с 25 мая 1942 года”» [13, л. 16].

Свое отношение к данному предложению И. В. Сталин выразил резолюцией «За. И. Сталин», выполненной красным карандашом. Эта записка (именно в том виде, как изложено выше), по сути, и стала постановлением «Об эвакуации населения из г. Ленинграда». Данная эвакуация была не менее драматичной, но осуществлялась в других погодных условиях и, как следствие, с меньшим количеством погибших в пути следования.

Для реализации постановления ГКО бюро обкома 29 мая 1942 г. приняло совсекретное постановление «О приеме и размещении эвакуированных из г. Ленинграда детей и взрослого населения» [4, л. 100–102]. В нем был определен комплекс мер для обеспечения приема, размещения, организации питания и медицинского обслуживания эвакуированных детей и взрослого населения. Ей предстояло разместить 15 тыс. ленинградцев, в том числе детей (безродных — 5 тыс. чел.).

Председателям исполкомов райсоветов и секретарям горкомов ВКП(б) было предложено в срок до 1 июня 1942 г. утвердить план размещения эвакуированных, подготовить транспорт, помещения, оборудовать

их кухонно-столовым инвентарем, койками, постельными принадлежностями и прочим мягким и жестким инвентарем.

Заведующего облторготделом т. Богатова и председателя облпотребсоюза т. Большакова постановление обязало до 1 июня обеспечить эвакуированных ленинградцев продуктами питания.

Заведующему облздравотделом А. И. Голубеву предстояло организовать медицинское обслуживание, госпитализацию, санобработку детей и взрослых, выделить для этого медперсонал и необходимое количество медикаментов.

Заведующему облоно Макарову надлежало принять от исполкомов райсоветов (горсоветов) подготовленные и оборудованные для детей интернаты и до 1 июня укомплектовать их руководящим и воспитательским персоналом.

Заведующего облместпромом Скопинова, начальника обллегпрома Обуваева и уполномоченного управления промкооперации при СНК РСФСР Павлова постановление обязало изготовить к 5 июня 1942 г. для вновь организуемых интернатов 10 тыс. комплектов верхнего и нижнего белья, 10 тыс. пар ботинок и тапочек, 10 тыс. простыней, 5 тыс. наволочек, 5 тыс. полотенец, 6 тыс. матрацев и для взрослых 200 пар обуви.

Заведующему отделом хозустройства эвакуированного населения Туманову поручалось через исполкомы райсоветов принять меры к немедленному трудоустройству эвакуированного населения.

Одновременно было решено просить Совнарком СССР: «а) отпустить для оборудования и содержания интернатов-детдомов — 3 млн руб. и для оборудования карантинных общежитий и оказания материальной помощи взрослому населению — 200 тыс. руб.; б) выделить для прибывающих детей и взрослого населения фонды мануфактуры, обуви и трикотажа» и т. д.

Однако 15 июня 1942 г. бюро обкома ВКП(б) приняло еще одно постановление — «О приеме и размещении детей, эвакуированных из г. Ленинграда» [5, л. 117]. Суть его сводилась к незначительной корректировке районов и количества детей, размещаемых в них. Например, уменьшалось количество детей, направляемых для размещения в Южский и Сокольский районы, — на 100 и 240 человек соответственно. Их было решено разместить в Тейковском и Вичугском районах, по 120 в каждом, и дополнительно направить 100 детей в Вязниковский район. Секретарям указанных райкомов и председателям исполкомов райсоветов было предложено в срок до 25 июня 1942 г. подготовить помещения и необходимый мягкий и жесткий инвентарь для размещения ленинградских детей, оставшихся без родителей. Так, на моей малой родине, в д. Чертовищи Вичугского района, в доме, ранее принадлежавшем семье фабриканта Д. Абрамова, был открыт детский дом для ленинградцев. Директором дома работала Анфиса Иосифовна Румянцева, которая впоследствии

была моим классным руководителем. В коллективе воспитателей детского дома вплоть до его расформирования работала и моя мама — София Федоровна Околотина, чьи краткие рассказы о ленинградских детях зафиксировались в моей памяти на всю жизнь.

О том, какие категории жителей Ленинграда следовали железнодорожным и речным транспортом транзитом через Ивановскую область и размещались на ее территории, свидетельствуют архивные документы. В основном это сведения об эшелонах, проходивших через крупные железнодорожные узлы области летом 1942 г., и численности находившихся в них людей. Расположенные в хронологической последовательности, эти сведения создают яркое представление о событиях того времени.

Итак, 20 июня 1942 г. в 10 часов 20 минут на станцию Иваново-Пассажирская прибыл эшелон № 955/21 в составе 29 классных вагонов, в которых размещалось 11 детских учреждений Ленинграда, с общим количеством 1540 человек, из них 1378 детей и 162 взрослых. Эшелон был обследован врачебной комиссией и ею был составлен акт, где говорилось: «Врачебной комиссией на станции Иваново-Пассажирская были обнаружены 8 человек детей с желудочно-кишечными заболеваниями, которые госпитализированы в 1-ю городскую больницу г. Иванова. Умерших в вагонах не обнаружено. Поезд прибыл без сопровождения работников железнодорожной милиции. О хищениях в пути следования эвакуированными не выявлены. На станции Иваново-Пассажирская все дети и их обслуживающий персонал получили горячую пищу и сухой паек в буфете ст. Иваново» [12, л. 31].

24 июня 1942 г. поступило сообщение со станции Всполье о следовании эшелона: «Вышел со ст. Всполье в 9–40 утра из г. Ленинграда, эшелон 937/29 следует на ст. Иваново. 30 классных вагонов, в них 10 детучреждений — общее количество 1529, из них детей 1354 чел. Назначение — г. Горький. Обеспечены сухим пайком, дети в удовлетворительном состоянии. Начальник эшелона Вараневский Михаил Семенович» [12, л. 32].

В начале июля 1942 г. на станцию Иваново прибыли: «Эшелон № 1028, прибывший 2 июля 1942 года в 0–15 мин с эвакуированными детьми из гор. Ленинграда. 10 детских учреждений, общее количество 1493 чел., из них детей — 1315 чел., из них 46 чел. дети партизан Ленинградской области. Начальник эшелона Модель А. Я.» [10, л. 4].

Прибывшие в нем дети и подростки из детских домов и школ г. Ленинграда с обслуживающим персоналом были распределены по следующим городам области:

Таблица 1

Распределение школьников и детей по городам области [10, л. 41]

Номер/название учреждения (школы, детского дома) или категории	Количество детей	Количество обслуживающего персонала	Города области, принявшие ленинградцев
Школа № 52	119	13	Ковров
Школа № 64	120	13	Макарьев
Школа № 76	128	13	Пучеж
Школа № 63	128	21	Вязники
Школа № 43	122	13	Суздаль
Школа № 20	120	10	Суздаль
Школа № 93	127	13	Юрьеvec
Школа № 1	112	17	Сокольское
Школа № 41	125	11	Макарьев
Детский дом «Малютка»	115	30	Сокольское
Дети партизан	46	—	Вязники
Итого	1262	154	

Примечание: Исходя из разницы прибывших (1315) и направленных в города области (1262) можно предположить, что часть из них в количестве 53 человек могла быть госпитализирована в медицинские учреждения области. Данных об умерших детях в указанных сведениях не имеется.

Далее через станцию Иваново 6 июля 1942 г. транзитом на г. Горький проследовал эшелон № 65/61 с эвакуированными детьми из гор. Ленинграда в составе 9 детских учреждений, с общим количеством пассажиров 1730 чел., из них детей 1468 чел. Госпитализировано 9 человек [10, л. 42].

10 июля 1942 г. на станцию Иваново прибыл эшелон № 85/77 в количестве 1648 человек, в том числе 1402 ребенка [10, л. 48].

О распределении детей, прибывших эшелоном № 85/77, по городам и районам области, свидетельствует табл. 2.

Таблица 2

Распределение дошкольников и школьников Ленинграда по городам Ивановской области [10, л. 48]

Название и номер детского учреждения	Количество детей	Количество обслуживающего персонала	Города и районы области, принявшие ленинградцев
Приморский детский дом № 1 (директор Гонцова)	91	21	Вязники
Дзержинский дом малютки № 1 (директор Буйменкова)	52	18	Вичуга
Московский детский дом № 21 (директор Торопольская)	135	17	Макарьев
Фрунзенский детский дом № 49 (директор Белова)	127	12	Суздаль
Ленинградский детский дом № 20 (директор Кинделица)	134	20	Тейково
Выборгский детский дом № 51 (директор Филатова)	127	28	Юрьев-Польский
Красногвардейский детский дом № 68 (директор Лебедева)	129	24	Кохма
Василеостровский детский дом № 73 (директор Шафранова)	168	20	Юрьев-Польский
Володарский детский дом № 73	133	18	Юрьеvec
Куйбышевский детский дом № 39	109	20	Гаврилово-Посадский район, с. Петровский
Свердловский детский дом № 27 (директор Поляков)	121	17	Камешков
Кировский детский дом № 37 (директор Фрид)	114	31	Южа

Примечание: из прибывших госпитализировано 6 человек.

10 июля 1942 г. на станцию Иваново прибыл эшелон, следовавший в Куйбышев. В нем находились 268 воспитанников Соминского детского

дома школьного и дошкольного возраста и 15 человек обслуживающего персонала. Все они были обеспечены сухим пайком на 15 дней, а три человека госпитализированы [10, л. 49].

Эшелон 31/122 прибыл в Иваново 16 июля 1942 г. в 12:30 и отправился из Иваново в 5:30. В нем следовало 693 человека, в том числе 245 детей. Начальник эшелона, фамилия которого неизвестна (так сказано в сведениях об эшелоне), самовольно оставил эшелон и передал его начальнику поезда А. С. Гаврилову. Направление следования состава — станция Ибресси Чувашской АССР. В Иваново эшелон был обеспечен горячим питанием, «сухой паек обеспечит Ковров». Снято больных 2 человека [10, л. 50].

В тот же день в Иваново прибыл другой эшелон № 113/20. Первоначально со станции Лаврово он вышел с общим количеством 1679 человек, в том числе 602 детей и подростков, с пунктом назначения — станция Ибресси Чувашской АССР. Однако в пути начальник эшелона Николаев самовольно оставил эшелон и передал его начальнику поезда Н. С. Пойлову. Эшелон состоял из 5 классных и 40 товарных вагонов (санитарная теплушка и штабной медперсонал в составе отсутствовали). По прибытии в Иваново выяснилось, что в нем уже находилось от 2000 до 2100 человек, из них 611 детей. В Иваново все эвакуированные были обеспечены горячим питанием и сухим пайком. Меню состояло: для взрослых — суп-лапша, колбаса с пшеничной кашей (больным 100 г хлеба, 50 г сухарей вместо колбасы) и один стакан чая; для детей — суп-лапша, творог, 1 стакан кипяченого молока и 2 печенья. К месту назначения эшелон выбыл 16 июля в 21 час 20 минут [10, л. 52].

Сборный эшелон № 8 прибыл в Иваново со станции Медведево 17 июля 1942 г. (отправлен 13 июля 1942 г.) в 16:52. Назначение — станция Бурнары Чувашской АССР (первоначально — Ярославль). Согласно накладным, составленным на станции Всполье, эшелон был сформирован из 17 теплушек с 872 эвакуированными. Среди них жители: Ленинградской области в количестве 396 взрослых и 348 детей; Калининской области — 34 взрослых и 32 ребенка и Смоленской области — 10 взрослых и 4 детей. Больных снято 3 человека [10, л. 50].

18 июля на станцию Иваново в 22 часа прибыл спецэшелон с эвакуированными ленинградцами. Он состоял из 5 классных вагонов и 6 теплушек, в которых следовали научные сотрудники Академии наук СССР и члены их семей. Больных среди них не выявлено. Начальник эшелона — С. М. Абрамсон. К месту назначения в г. Казань эшелон выбыл 19 июля 1942 г. [10, л. 53].

18 июля 1942 г. на станцию Иваново прибыл еще один эшелон с жителями блокадного Ленинграда. Он был переадресован со станции Буй и состоял из 19 вагонов и 1 вагона, подсоединенного в Ярославле. В нем следовало 1004 человека, из которых 450 детей. На станции Арменки с эшелона сняты 2 больных, а в Иваново — 5 истощенных. В шестом, восьмом

и девятом вагонах были выявлены вши. На станции Буй пассажирам был выдан сухой паек, а на станции Всполье (Ярославль) 17 июля вечером два блюда. В Иванове весь эшелон был обеспечен горячим питанием: взрослые — вегетарианской лапшой с маслом и жареной колбасой с пшеничной кашей; дети — вегетарианской лапшой с маслом и манной кашей, стаканом молока и хлебом. Кроме того, всем взрослым и детям Академии наук выдан сухой паек [10, л. 53].

Документальной информации о следовании ленинградцев по Волге недостаточно. Сохранились воспоминания Л. Г. Суховой, в которых отражены эти события: «На всю жизнь остался в моей памяти эпизод, как встречали наш пароход на Юрьевецкой пристани. Было много людей, среди которых стояли двое военных. Увидев их, я вырвалась из группы детей и с криком “папа!” подбежала к одному из них. Он взял меня на руки, прижал к себе и поцеловал. А когда меня уводили от него, я сильно плакала.

Привезли нас в детский дом, который находился около Елнати, в селе Мордвиново. По документам это было 28 июня 1942 года. Из того периода особенно запомнилась большая светлая комната нашего детского дома, где мы спали на маленьких раскладушках. Вскоре в детдом ко мне стал приезжать тот военный, который встречал нас на пристани в Юрьевце. Один раз он приехал ко мне с женщиной и мальчиком лет пятнадцати и привез мне гостинцы. Я всегда радовалась его приезду, называя его “папой”. Потом наступила зима. В один из дней воспитательница взяла меня за руку и повела в какую-то комнату, где я увидела того военного с мальчиком и с криком “папа!” побежала к нему. Так 23 декабря 1942 года я стала дочерью начальника районного отдела милиции Юрьевца Мусатова Георгия Федоровича и его жены Мусатовой Анны Кирилловны» [17].

Бывший секретарь Севастопольского горкома ВКП(б) и одновременно председатель городского комитета обороны г. Севастополя Б. А. Борисов, направленный ЦК ВКП(б) в Иваново, в своей книге «Записки секретаря горкома» так обрисовал первые впечатления о городе в конце сентября 1942 года: «...Поезд пришел в Иваново ранним утром. И первое впечатление, не скрою, было тягостным. Война наложила на город, на людей тяжелый отпечаток. На станции разгружали эшелон с ранеными. Вокзал был битком забит худыми измученными женщинами с малыми ребятами на руках, сидевшими между узлов и чемоданов. Проталкиваясь между ними, проносили на носилках полумертвых от голода эвакуированных ленинградцев. Сам город мне тоже показался унылым. По затемненным улицам изредка пробегали переполненные трамвайные вагоны с висящими на подножках людьми, у хлебных магазинов длинные очереди» [15].

Сложно говорить об этих событиях спокойно. И тем не менее эвакуация ленинградцев летом 1942 г. осуществлялась более успешно, чем

зимняя. Вероятно, был учтен ее опыт, да и климатические условия были иными. В результате ее проведения значительная часть ленинградцев проследовала транзитом через узловые станции Ярославской и Горьковской железных дорог. В основном в ходе летней эвакуации в Ивановской области были размещены детские дома, для воспитанников которых она стала второй малой родиной.

После летней эвакуации жителей блокадного Ленинграда число детских домов на территории области значительно увеличилось. Согласно докладной записке «О состоянии эвакуированных детских домов в Ивановской области и готовности их к зиме», направленной в сентябре 1942 г. секретарем обкома ВКП(б) Г. Н. Пальцевым секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву, в регион из Ленинграда прибыли 42 детских дома с 5039 воспитанниками. Всего на территории области к этому времени были размещены 52 эвакуированных детских дома с общим количеством 6072 воспитанников [7, л. 143–145]. Большинство эвакуированных домов было размещено в помещениях, пригодных для проживания, а дети окружены искренней заботой.

Колхозники, рабочие и интеллигенция области приняли живейшее участие в организации встречи детей. По инициативе колхозников были изготовлены топчаны, раскладные кровати. Детским домам передали вещи и предметы домашнего обихода. Колхозы выделяли продукты питания. По инициативе колхозников и рабочих открылся взнос денежных средств. В Ильинском районе для детдомов поступило 7775 яиц, 7000 литров молока, сливочного масла, 1,5 т картофеля, муки, крупы, 105 тыс. руб. деньгами на текущий счет и т. д. Аналогичная работа проходила в Гаврилово-Посадском районе, Вязниковском, Ивановском, Юрьевецком и многих других районах.

И все же, несмотря на радушный прием, позже выяснилось, что часть из предоставленных детским домам помещений была непригодной для проживания в них в зимних условиях. Так, Кольчугинский детский дом № 2 находился в здании, где требовался ремонт печей, утепление стен и т. д. Из-за невозможности выполнить ремонт в короткий срок было решено перевести детдом в Южский район, где имелось благоустроенное здание. Существовали сложности в проживании детей также в Ряховском, Судогодском (№ 2), Мордвинском (Юрьевецкий район), Мортковском (Пучежский район) детских домах, где не было своих бань и прачечных. В отдельных домах (Кольчугинском, Симском, Суздальском, Макарьевском, Южском и др.) отсутствовали помещения для ведения подсобного хозяйства (животноводство, птицеводство). Не был закончен ремонт помещений Кохомского детдома № 3, Макарьевского детдома и Суздальского детдома № 6. Во многих детских домах ощущался острый недостаток в стекле, электрических лампочках, керосине. В дошкольных детских домах не хватало инвентаря (столиков, детских

стульчиков, шкафов). К решению этой проблемы были привлечены мастерские райпромкомбинатов и промкооперации. Плохо обстояло дело с заготовкой топлива. На отопительный сезон 1942–1943 г. для детских домов требовалось 25 350 кубометров дров, а заготовлено было 11 050 кубометров и подвезено лишь 2278 кубометров.

В качестве положительного явления в докладной записке была отмечена обеспеченность детей верхним и нижним бельем, а также постельными принадлежностями (имелось минимум две смены). В стадии решения был вопрос с отпуском материала для пошива пальто. Для изготовления обуви (предполагалось, что это будет сделано в октябре) было приобретено 10 тыс. пар кожаных заготовок и резиновых к ним.

Питание воспитанников эвакуированных детских домов первоначально проводилось по усиленной норме. В дальнейшем оно было переведено на обычную норму. Питание состояло главным образом из овощей и молочных продуктов. В рационе недоставало необходимого количества сахара, жиров и мяса. Для улучшения питания детские дома вынуждены были производить заготовку картофеля и овощей децентрализованным порядком. Показательны примеры Райковского (Родниковский район), Валовского (Юрьевецкий район), Решемского (Кинешемского района) и других детдомов, которые с весны 1942 г. организовали свои подсобные хозяйства [6, л. 14].

Как утверждалось в записке, все эвакуированные детские дома прибыли в область в основном с укомплектованным педагогическим и обслуживающим персоналом. И если руководящий состав, за исключением 4–5 детских домов, вполне отвечал своему назначению, то воспитательный был подобран в значительной степени из случайных людей, не имевших никакого отношения к воспитательной работе в детских домах. В этой связи были предприняты усилия по подбору профессионального персонала из местного населения. Кроме того, каждый детский дом удалось обеспечить медицинскими сестрами, а более крупные — врачами. Для квалифицированного осмотра и помощи заболевшим детям к детским домам были прикреплены участковые врачи, но повсеместной острой проблемой стал недостаток медикаментов.

Значительная часть прибывших детей, особенно старшего возраста, находилась в довольно тяжелом состоянии: дети имели истощенный вид, признаки цинготных заболеваний, кишечно-желудочного расстройства; встречались случаи заболевания туберкулезом. За время пребывания детей в Ивановской области двое умерли в больнице через несколько дней после приезда: один — от истощения и дизентерии, а другой — «вследствие крайнего истощения и туберкулезного заболевания».

Как говорилось в записке, массовые случаи инфекционных заболеваний среди воспитанников эвакуированных детских домов отсутствовали, но отдельные случаи заболевания чесоткой, дизентерией

и другими болезнями все же были, в частности в Ряховском, Суздальском, Палехском, Южском детдомах. Принятыми мерами удалось значительно улучшить общее состояние здоровья эвакуированных детей.

Из общего количества детей, прибывших в Ивановскую область, 250 сирот были усыновлены. Кроме этого, по Гаврилов-Посадскому району было передано на патронирование в колхозы 85 детей. Для последних колхозы выделили комнаты и прикрепили лучших колхозниц в качестве ответственных опекунов. В Юрьевецком районе для эвакуированных детей организовали колхозный интернат на 35 человек, который находился под повседневным наблюдением воспитателей детского дома. В Пестяковском районе на средства колхозников был оборудован детский дом на 50 детей. Все эвакуированные дети устроены в школы. В Макарьевском районе для воспитанников детского дома открыли специальную школу. При этом не все учащиеся были обеспечены учебниками и учебными пособиями.

В целях предупреждения детской беспризорности в области было дополнительно открыто два детских дома, три детских приемника и увеличено количество мест в стационарных детских учреждениях на 457 человек. С начала войны по 1 сентября 1942 г. в них были приняты 2013 детей. Во всех районах области при горрайсоветах были организованы комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей. Вместе с тем, как отмечалось в записке, специального учета беспризорных и безнадзорных детей не велось. Как положительное явление, был отмечен тот факт, что по области патронировалось около 3300 детей-сирот [7, л. 143–145].

Ивановский интердом

Информация о состоянии детских домов области была бы неполной без отражения обстановки в Интернациональном детском доме в г. Иванове. На октябрь 1942 г. в этом доме воспитывалось 259 детей различных национальностей. Указанная цифра фигурирует в отчете председателя ЦК Международной организации помощи революционерам (МОПР) Н. И. Шаронова управляющему делами ЦК ВКП(б) Д. В. Крупину. Кроме краткой информации об организации учебного процесса она содержит факты из материалов документальной ревизии финансово-хозяйственной деятельности, проведенной ЦК МОПР по согласованию с Ивановским обкомом ВКП(б) в интердоме осенью 1942 г. В результате выяснилось, что в середине октября 1941 г. с ведома и при участии председателя областного комитета МОПР Решетниковой имела место массовая раздача ценностей со складов детского дома, нанеся значительный материальный ущерб: только на вещевом складе была выявлена недостача 183 брюк, 305 пар бот и галош, 449 пар ботинок и сапог, 575 джемперов

и свитеров, 212 пальто, 391 платья и т. д. [7, л. 170–173]. Всего же детскому дому был причинен ущерб на 250 тыс. руб. В результате принятых мер руководство интердома и председатель облкомитета МОПР были отстранены от работы. О полученной информации Д. В. Крупин сообщил секретарю А. А. Андрееву с предложением передать это дело прокурору СССР, а «Ивановский обком обязать решением ЦК ВКП(б) навести порядок в детском доме...» [7, л. 169].

Относительно учебного процесса в информации Н. И. Шаронова говорилось, что преподаватели интердома обучали китайскому, итальянскому, французскому, английскому, болгарскому, латышскому, польскому, румынскому и чешскому языкам. К сожалению, оно осуществлялось не по учебникам иностранных языков, которых совершенно не было, а по учебникам истории партии и отдельным литературным произведениям. В результате, говорилось в информации, «отсутствие газет, журналов и материалов о положении в отдельных странах, вместе с существовавшим до последнего времени запретом со стороны бывшего директора, не позволяло преподавателям давать воспитанникам представление о разграблениях и зверствах, творимых германскими фашистами в оккупированных странах Европы». Для устранения такого положения и ввиду невозможности приобретения учебной литературы в Иванове ЦК МОПР СССР принял меры по ее закупке в «Международной книге» и получению через другие каналы [7, л. 173].

Организация всеобщего обязательного обучения в школах Ивановской области

Осуществление всеобща на территории области в 1942 г. было сопряжено с различными трудностями. Так, многие здания школ в областном центре, а также в городах и районах области были отведены под военные госпитали, поэтому обучение детей проходило в непригодных для этого помещениях, зачастую на квартирах. О других проблемах говорится в констатирующей части постановления бюро обкома ВКП(б) от 3 марта 1942 г. «О ходе Всеобща по области». В ней отмечалось, что в течение первого полугодия 1941/42 учебного года «всеобщее обучение детей школьного возраста не осуществлялось». За полугодие из школ области выбыло около 92 тыс. учащихся, из них 35 % — без уважительных причин. Так, из школ Иванова по неуважительным причинам выбыло 3797 человек, Шуи — 1392, Фурманова — 1091, Владимира — 543. Аналогичная ситуация наблюдалась в районах. Например, из школ Комсомольского района выбыло 1889 учащихся, Гусевского — 597, Тейковского — 582 и т. д. В школах, здания которых не были переданы под госпитали, учебные занятия из-за недостатка топлива неоднократно прерывались. Следствиями указанных проблем стали

снижение контроля за качеством преподавания, плохая работа методических кабинетов, слабая корректировка программного материала с «задачами текущего момента» и т. д. В результате учебный план в целом ряде школ оказался не выполнен, успеваемость учащихся снизилась до 76 % [2, л. 15].

В итоге перед областным отделом народного образования и его подразделениями на местах была поставлена задача «вернуть в школы всех учащихся, выбывших без уважительных причин из школ в течение первого полугодия», для чего повсеместно провести родительские собрания [2, л. 16]. Особое внимание в этой работе рекомендовалось обратить на детей, эвакуированных из областей и районов, временно оккупированных фашистами. Облоно также поручалось принять в школах области конкретные меры, обеспечивающие выполнение учебных планов, наладить методическую работу с учителями, установить систематический контроль за качеством преподавания, обратить особенное внимание «на воспитание учащихся в духе советского патриотизма». Одновременно ему было предложено совместно с областным земельным отделом «обеспечить подготовку учащихся старших классов и учителей к сельскохозяйственным работам, организовать практические занятия и до 20 марта провести прикрепление учащихся и учителей к колхозам и совхозам» [2, л. 17–18].

24 марта 1942 г. бюро обкома ВКП(б) приняло постановление «О ходе обучения сельскохозяйственным работам учащихся и служащих г. Иванова» [2, л. 181–184]. В нем отмечалось, что обучением по областному центру охвачено 5588 человек при плане 3500 и что в большинстве учебных заведений Иванова «учащиеся с большим желанием стремятся овладеть основами сельхозработ». Там же был намечен дополнительный перечень мероприятий для подготовки рабочей силы по различным видам работ на селе.

В период летних каникул многие школьники из городских и сельских школ были привлечены на торфоразработки и для выполнения различных сельскохозяйственных работ. Сохранились свидетельства об их посильном участии в заготовке торфа и уборке урожая. В частности, они были озвучены на заседании сессии ивановского горисполкома, состоявшейся 18 июня 1942 г.: «Учащиеся 33-й школы, 50 человек, и 4 учителя работают на Жуковском торфоболоте. Причем ни учителя, ни учащиеся не имели никогда представления об этой работе и даже администрация этих торфоразработок с опаской и недоверием относилась к этой рабочей силе, но после полутора недель работы и администрация, и сами учащиеся, и учителя видят, что эта полезная сила может делать большое и полезное дело, особенно в наших условиях, потому что учащиеся, даже слабые бригады, уже близки к выполнению плана, а более сильные бригады выполняют и перевыполняют план.

Организованы ребята так: все 50 человек разбиты на отдельные бригады под руководством учителя, который отвечает за их работу. За выполнение задания они отчитываются перед техноруком. Отдельные бригады соревнуются и следят за тем, как бы лучше выполнить работу» [14].

Однако не только работа в сельском хозяйстве предстояла учащимся городских школ. 23 апреля 1942 г. обком ВКП(б) принял постановление «Об организации летних пионерских лагерей в 1942 году» [3, л. 22–23]. В соответствии с ним предполагалось принять в пионерских лагерях для отдыха не менее 17 тыс. пионеров и школьников 1–5-х классов. В первую очередь в лагеря рекомендовалось направлять детей рабочих и служащих, призванных в ряды РККА, эвакуированных, а также тех из них, кто нуждался в укреплении здоровья. Но размещение в области детских домов, эвакуированных из Ленинграда в летнюю навигацию 1942 г., объективно осложнило выполнение данного постановления.

Подводя общий итог данному исследованию, следует подчеркнуть, что в Ивановской области на самых различных уровнях в сложнейший для страны период 1941–1942 гг. были предприняты максимальные усилия для оказания помощи взрослому населению и детям, эвакуированным из зоны боевых действий, их размещению и социальной адаптации на территории региона. Его жители приняли живейшее участие в организации встречи ленинградских детей, чужая боль многими из них была воспринята как своя, — с марта по сентябрь 1942 г. в области были усыновлены 250 сирот. Одновременно в области предпринимались меры по ликвидации безнадзорности детей, оставшихся без попечения родителей из числа местного населения. Важно было не только сохранить детей войны, но и обеспечить их школьное обучение и трудовое воспитание.

Все это позволяет утверждать, что Ивановская область стала родным домом для всех воспитанников эвакуированных детских учреждений и сохранила дошкольную и школьную систему воспитания как важнейшую часть формирования советского общества. Посильный труд всех детей по уборке урожая, заготовке торфа и других работах наравне с взрослыми стал значимым вкладом в оборону страны, а также в разгром нацистской Германии и ее союзников.

Список литературы

1. Государственный архив Ивановской области (ГА ИО). ФП-327. Оп. 7. Д. 370.
2. ГА ИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 372.
3. ГА ИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 374.
4. ГА ИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 375.
5. ГА ИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 376.

6. ГА ИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 479.
7. ГА ИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 481.
8. ГА ИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 567.
9. ГА ИО. ФР-130. Оп. 1. Д. 8.
10. ГА ИО. ФР-130. Оп. 1. Д. 51.
11. ГА ИО. ФР-130. Оп. 1. Д. 52.
12. ГА ИО. ФР-130. Оп. 1. Д. 64.
13. Государственный архив Российской Федерации. Ф-644. Оп. 2. Д. 64.
14. Иваново в документах. 1941–1945: сб. архив. док. / администрация г. Иванова; сост. Н. В. Егорова. Иваново: [б. и.], 2005. С. 36–37.
15. Книга памяти: в 6 т. / сост. В. П. Терентьев. Иваново: Талка, 1995. Т. 1. С. 40.
16. Рыбаков Н. Юным друзьям-каленинцам // Родниковский рабочий. 1942. 18 марта.
17. Сайкин С. Дорогами памяти (продолжение поиска). Иваново: Новая Ивановская газета, 2009. С. 179–180.
18. Суздальцев А. Сроднили нас одни чувства — любовь к детям, ненависть к фашистским супостатам // Ударник. 1942. 28 апреля.
19. Тихомиров А. В. Дети, потерявшие отцов и матерей — наши дети // Ударник. 1942. 28 апреля.

Н. А. Вахрушева, Т. А. Чумаченко

Организация жизни и образования эвакуированных детей в Челябинской области в годы Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны Южный Урал, и Челябинская область в частности, был одним из центров массовой эвакуации населения из прифронтовых районов. К 1942 г. Южноуральский регион принял более 650 тыс. человек. Но особым являлся «детский вопрос».

В учебно-воспитательные учреждения Челябинской области со всех концов страны эвакуировались дети, потерявшие родителей или временно оставшиеся без родственников. О том, что регион должен будет принять несколько тысяч детей школьного, дошкольного и даже ясельного возраста, организованных в интернаты и детские дома, было известно Челябинскому облисполкому и его отделам по народному образованию и здравоохранению уже в начале сентября 1941 г. 20 сентября 1941 г. Челябинский облисполком принял решение № 43 «О размещении и обслуживании эвакуированных детей из Москвы и др. областей». Это решение обязывало рай- и горисполкомы, облоно, облздравотдел, облплан, облторготдел должным образом подготовиться к приему 20 тыс. эвакуированных детей. Были установлены жесткие сроки подготовки помещений и создания запаса топлива, определены продовольственные фонды, денежные затраты, предусмотрены разнарядки на необходимые материалы по изготовлению топчанов, мебели (тумбочек, табуретов) и т. п., определены обязанности органов народного образования и здравоохранения. Также было указано на необходимость создания групп женского актива в совхозах и колхозах для оказания практической помощи эвакуированным детским учреждениям.

Фактически на 10 ноября 1941 г. эвакуированных детских домов в области стало 106, детей — 8576. На 5 декабря 1941 г. — 139 детских домов и 122 интерната для эвакуированных детей. На 1 января 1942 г. количество эвакуированных детей составило 32 483 человека [6].

Со стороны Областного отдела народного образования приемом эвакуированных детей, организацией детских домов и интернатов, жизни и учебы детей руководила заместитель заведующего

Челябинским облоно Маргарита Ивановна Хворова. Она была назначена на должность заместителя заведующего облоно в 1941 г. и проработала на этом посту до осени 1946 г. С 1946 г. работала завучем и учителем истории в городской заочной средней школе, позднее стала директором этой школы. В 1950 г. была назначена на должность директора средней школы № 30. С 1954 г. — заведующая Советским районо. Будучи на пенсии, руководила работой секции «История развития народного образования на Южном Урале» в Российском педагогическом обществе. Организатор и председатель Совета ветеранов учителей Центрального района г. Челябинска, создатель городского Совета ветеранов [1]. Свой архив — копии документов, отчетов, письма, воспоминания детей и учителей, собственные воспоминания — Маргарита Ивановна передала в музей Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Из воспоминаний М. И. Хворовой:

«Эшелоны с детьми и взрослыми, которые их сопровождали, шли на Южный Урал из Москвы, Ленинграда (основная масса детей), Сталинграда, Харькова, Кременчуга, Минска, Днепропетровской, Могилевской, Житомирской, Полтавской областей (УССР), Орловской, Тульской, Рязанской, Мурманской, Смоленской (РСФСР), из города Тартусска Эстонской ССР и Карело-Финской ССР.

Детские дома и интернаты г. Москвы и Московской области прибыли в Челябинскую область в сентябре — октябре 1941 года. Детские учреждения Украины — в июле — августе 1941 г., Ленинградские интернаты — в ноябре — декабре 1941 г. Были дни, когда — например, 4 декабря 1941 года, [когда] эвакуопунктом станции Челябинск приняли восемь эшелонов, — работники облоно и облздравотдела дежурили на эвакуопункте круглосуточно.

Большинству ленинградских детей пришлось перенести двойную эвакуацию. Так, дети работников Куйбышевского РК ВКП(б) были эвакуированы в начале войны в Ивановскую область, а в ноябре их эвакуировали в Челябинскую область. Несколько смешанных интернатов Октябрьского района (дошкольного и школьного возраста) перевозили вместе, чтобы не растерять сестер и братьев (в декабре были привезены в Челябинскую область из Ярославской), а интернат детей работников театра им. Кирова — из Костромы.

Следует отметить, что интернаты г. Москвы были организованы по территориальному принципу, т. е. из разных школ города комплектовалось несколько интернатов того или иного района г. Москвы. Ленинградские же интернаты создавались с первых дней войны каждой школой и каждым детским садом или яслями, а также предприятиями и организациями. Возглавляли эти интернаты директора или учителя этих же школ, заведующие детскими садами и яслями. Ленинградские

интернаты носили № № своих же школ (№ № 155, 160, 165, 169, 177, 178, 224, 227, 235, 237, 244, 249, 251, 253, 255, 257 и др.) или детских садов (№ № 25, 37, 32, 22, 23, 44, 13, 21), Смольнинского и Октябрьского районов. Эта особенность комплектования помогла впоследствии Челябинскому областному отделу образования быстро разыскать детей по запросу родных, матерей или отцов-фронтовиков. Интернаты ленинградских предприятий и организаций были с заводов им. Марти (три интерната), Кировского завода (два), им. М. И. Кирова, театра оперы и балета им. Кирова, треста столовых, Ленгороно, обкома и горкома ВКП(б), Куйбышевского РК ВКП(б), радиокомитета.

Из г. Москвы и Московской области интернаты были из Пролетарского, Куйбышевского, Таганского, Сокольничевского районов; фабрики им. Самойловой, железных дорог им. Ф. Дзержинского и Московской окружной, Трехгорной мануфактуры, редакции газеты «Известия», Московского горздравотдела, детские сады воинских частей Московского военного округа, Метростроя.

В конце 1942 — начале 1943 г. Челябинская область приняла 300 детей, собранных в лесах Брянской и Смоленской областей, в освобожденных Красной армией районах от фашистов. Все эти дети в основном — дети партизан и советских людей, угнанных в фашистскую Германию или замученных и расстрелянных немецкими оккупантами.

За первые два года войны Челябинская область приняла до 35 тысяч эвакуированных детей. Это были только те, кто прибыл с детскими учреждениями: интернатами, детскими садами и яслями, домами ребенка и санаториями. А ведь еще были дети, которые приехали с мамами, бабушками, со знакомыми и незнакомыми людьми...» [2].

Из воспоминаний М. Д. Ковригиной, заместителя председателя Челябинского облисполкома в годы Великой Отечественной войны:

«...Ночь, четыре часа. Челябинский вокзал. Трескучий мороз. Под ногами звенит застывший перрон. На втором пути стоит длинный, темный, с тщательно зашторенными окнами поезд. Он привез ленинградских детей.

Идем по вагонам, до отказа забитым детьми, они лежат по двое на каждой полке. Они не спят и не по-детски серьезно, очень строго смотрят на нас, незнакомых людей.

В вагонах удивительно тихо. Все вокруг: и эта напряженная тишина, и эти строгие глаза детей — всё, всё кричит, всё вопиет о большой беде, о тех черных тучах, что нависли над нашей Родиной.

Днем и ночью приходят все новые и новые эшелоны с детьми, женщинами, стариками... И всех надо накормить, одеть, обуть, дать место в нашем доме, под нашей крышей. Но и это не всё. Надо еще всех подбодрить, помочь обрести утраченный душевный покой, залечить раны сердца, самые тяжелые из всех ран...

Большой проблемой было найти помещения, чтобы разместить прибывших. Были заняты школы, санатории, даже больницы. Немалую часть детских учреждений пришлось размещать в домах колхозников.

Партийные и советские органы Шадринского района (в настоящее время это Курганская область) стали инициаторами замечательного патриотического почина. Они организовали шефство колхозов и предприятий над эвакуированными детскими учреждениями. Это патриотическое движение (его поддержали Обком ВКП(б) и облисполком) нашло широкий отклик у советских людей и охватило всю страну. От своих шефов дети получали дополнительно мясо, молоко, картошку и др. продукты. Коллективы промышленных предприятий из обрезков материалов в свободное от работы время изготавливали детскую одежду и обувь, делали для малышей мебель.

Не по приказу и циркулярам, а по велению сердца шли они к эвакуированным детям. И каждый чем-нибудь старался помочь маленьким переселенцам: кто приносил валенки, кто шапку, кто пальтишко, кто игрушки, кто кринку молока, яйца, часто отнятые от своих детей, ведро картошки — вот в то время самые драгоценные подарки. Целой проблемой в то время было достать мыло, керосин, спички. Колхозницы готовили щелок, топили бани...» [3].

Из воспоминаний П. Ф. Кошкарова, в годы Великой Отечественной войны заместителя председателя Бродокалмакского райисполкома Челябинской области:

«...Для перевозки 300 детей и обслуживающего персонала с ближайших железнодорожных станций Муслюмово в село Бродокалмак пришлось набрать несколько десятков подвод в колхозах и учреждениях района, собрать тулупы и шубы, чтобы укрыть детей в пути от холода и ветра. Везли осторожно, через каждые 15–20 км делали остановку — обогрели детей в заранее подготовленных помещениях. По приезде в Бродокалмак детей временно разместили в средней школе, обогрели, помыли в банях, накормили и только потом поселили в выделенных для них помещениях...» [4].

Из воспоминаний М. И. Хворовой:

«...Были большие проблемы и с обучением детей. Те дети, которые прибыли в августе — сентябре, начали учебный год в новых условиях практически вовремя, начали учиться в местных школах. Дети, которые прибыли позднее, были организованы в специальные подготовительные группы или школы. Но в ряде сел: Н[ижне]-Увельского, Глядянского, Петуховского районов, где не было школ, ребята 8–10-х классов не учились, пока их не устроили в местные интернаты ближайших средних школ. Не хватало учебников, тетрадей, письменных принадлежностей. С педагогами и воспитателями также были свои сложности. В некоторых

интернатах, как, например, завода им. Марти, Метростроя и др., воспитателями оказались конторские служащие заводов.

1941 год был очень тяжелым: на первых порах пребывания эвакуированных детских учреждений была одна картина: голые стены и дети... Но постепенно все образовывалось.

Облоно и районо пришлось провести большую работу по пересмотру педагогов и воспитателей. Кроме того, в связи с призывом в армию большинства директоров детских домов (как стационарных, так и эвакуированных) пришлось и их заменять...

Из-за недостатка зимней обуви дети не могли посещать школы, и обучение детей органы народного образования организовывали в самих детских домах и интернатах. Писали на старых тетрадях (между строк), книгах, газетах. Не было чернил — пользовались свекольным соком.

Вспоминаю такую картину: теплый ясный зимний день 1942 года (дело шло к весне). На прогулке дошколята старшей группы Звягинского интерната Чебаркульского района (детсад № 38 Смольнинского района Ленинграда). За околицей села ровное снежное поле, разделенное на небольшие квадраты (прорыты дорожки в снегу). Воспитатель объясняет ребятам тему занятия по рисованию. Дети расходятся по квадратам, “рисуют” специальной палочкой на снегу... Так проходит занятие. У мальчиков на рисунках — танки, самолеты, ружья, у девочек — мамы, куклы, цветы...

В партийных документах, касающихся образования в школах, присутствовали требования о том, чтобы учебный материал школьных дисциплин был связан с жизнью, событиями войны, поэтому преподаватели русского языка и литературы использовали для упражнений газетные и журнальные статьи, произведения писателей о войне. Темы творческих работ отражали подвиги советских людей на фронте и в тылу, на уроках истории акцентировалось внимание на героическом прошлом нашего народа, его многовековой борьбе за независимость.

...В 1942 году в г. Челябинск был направлен уполномоченный Ленинградского городского совета депутатов трудящихся Мацов Леонид Осипович. По роду своей деятельности он был крупным хозяйственником, но по душе и сердцу — настоящий друг детей (так о нем отзывались многие руководители детских домов). Он многое делал для детей ленинградских интернатов, работал в полном контакте с руководителями облоно, добивался дополнительных нарядов на продукты питания, одежды, обуви, принимал самое активное участие во всех мероприятиях облоно.

Эвакуация проходила в осенние месяцы и большинство детей приехало без теплых вещей. Не хватало постельных принадлежностей и особенно, теплой одежды и обуви. В 1942 году начался сбор одежды и обуви среди населения области. Комсомольцы области собрали и передали базе снабжения детских учреждений облоно свыше 15 тысяч штук одежды

и обуви. Женщины многих колхозов и райцентров организовали пошив, стирку, починку белья. Собирали по домам свежую морковь, сушеные ягоды, грибы. Привозили также посуду (тарелки, чайные чашки, ложки и т. д.).

Молодые тракторостроители С. Окунев, А. Ершова, Г. Ехлаков и К. Рыбаков сделали первый вклад в денежный фонд помощи детям и выступили с обращением ко всем работникам завода. В нем говорилось: “Сотни и тысячи славных ребятишек — наша гордость, наша будущность — остались сиротами... Государство, наше правительство дают все, чтобы детям жилось лучше. Наша обязанность помочь в этом своему правительству”.

В Челябинске состоялся общегородской митинг, посвященный организации помощи детям, родители, которых погибли в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Этот почин был подхвачен комсомольцами и всеми трудящимися области и на собранные средства были открыты: санаторий, здравница имени ЦК ВЛКСМ для туберкулезных детей Ленинграда в селе Аненнском Полтавского района и несколько детских домов в Красноармейском, Карабашском, Кыштымском и др. районах для детей-сирот.

А всего комсомольцы и молодежь области к 1944 году перечислили в фонд помощи детям фронтовиков 5 млн рублей. В данный фонд также поступило: 2200 пар валенок, 120 пальто и полушубков, 500 костюмов, 2213 шт. трикотажных изделий, 1898 пар белья.

...Весна 1942 года. Главная задача коллективов детских учреждений — вовремя качественно посадить картофель и посеять другие овощи. Идет заготовка семян, которые приносили селяне. Большим событием было, что в штате облоно появилась новая штатная единица — агроном. Не хватало “тягловой силы”, многие пользовались просто лопатами, копали землю вручную.

Осенью 1942 года на первом областном совещании директоров детских домов и интернатов была организована большая и богатая по тому времени выставка сельскохозяйственной продукции. На выставке было много детских поделок. Насколько удивительна детская фантазия, умение использовать разный материал: богатые по колеру аппликации из засушенных полевых цветов; великолепные мишки из разных сосновых шишек; глиняная посуда и игрушки; поделки из плетеной соломы, вплоть до головных уборов; коллекция из уральских камней; причудливые корневища, сучья — персонажи сказок, вязаные и сшитые коврики из всяких остатков, выкрашенные в яркие цвета шелухой лука, соком бузины, свеклы, крапивы и т. п.... Были и поделки из дерева и жести: кукольная мебель, лопатки, грабельки, ведерки, леечки для дошколят.

Необходимо отметить, что, к чести учителей и дошкольных работников эвакуированных детских учреждений, особенно ленинградских,

они стойко преодолевали все трудности и сложности военного времени, неустанно заботились о своих питомцах, хотя сами также переживали свои беды. Приходило много похоронок в детские дома и интернаты на имя воспитателей и детей.

В памяти остались прекрасные организаторы, преданные делу защиты детей, следующие руководители детских домов и интернатов:

Калабалина Галина Константиновна, ученица А. С. Макаренко, директор Катав-Ивановского детского дома (Московский д[ет]дом № 60); Яшкина Клавдия Павловна, директор Долгодеревенского детского дома для дошкольников; Агранова Александра Лукинична, директор испанского детского дома, и многие другие.

Челябинские учителя всегда и во всем были первыми друзьями, самыми близкими помощниками руководителей и воспитателей детских эвакуированных учреждений. Они одними из первых встречали детей, выносили их из вагонов, дарили им свою ласку и тепло, учили их, воспитывали любовь к Уралу, заботились о самых слабеньких, приглашали детей в свои семьи и в семьи рабочих и колхозников.

...Чтобы встретить зиму 1942–1943 года во всеоружии, областной комитет ВКП(б) рассылает в октябре во все районы области уполномоченных Обкома по вопросам подготовки детских домов и интернатов к зиме; было направлено 40 человек. Для уполномоченных была составлена памятка, которая называлась “Памятка Обкома ВКП(б) по вопросам подготовки детских домов и интернатов к зиме 1942 года”. Основной целью работы уполномоченного было привлечь районные организации к улучшению работы детских домов и интернатов данного района (в который был направлен уполномоченный), оказать им практическую помощь в разных вопросах жизни детей — от заготовки топлива, работы столовых и обеспечения детей одеждой и обувью до состояния политико-массовой работы в детском доме и интернате. Благодаря усилиям уполномоченных, советских организаций и самих работников детских учреждений была укреплена их материальная база, педагогические и детские коллективы успешно подготовились к зиме.

...Большая переписка шла у коллективов детских учреждений с фронтовиками. Несколько тысяч посылок было отправлено на фронт. Сколько любви, тепла, заботы было вложено в письма и посылки, которые шли на фронт и с фронта. Письма писали и читали и взрослые, и дети, взволнованно перелистывая страницы больших писем и радуясь даже маленькому фронтовому треугольнику, написанному в свободные минуты между боями. Бойцы перечитывали письма на фронте по несколько раз, радуясь тому, что о детях, увезенных в глубокий тыл, заботятся, и они окружены лаской и вниманием. Интересно письмо, которое было вложено в посылку за подписью Калабалиной Г. К.

“Дорогой тов. командир!

Очень прошу принять от коллектива воспитанников детского дома № 60 «Мосгороно», эвакуированных в глубокий тыл, — маленький, скромный подарочек, приготовленный с большой любовью и заботой. Раздайте, пожалуйста, содержимое вашим смелым сталинским соколам и передайте от нашего коллектива поздравление с 25-й годовщиной Великой Октябрьской Социалистической революции. Пусть в эту замечательную дату проклятые враги еще больше почувствуют силу и мощь Красной Армии, сокрушительным ударом которым они будут уничтожены.

Пусть спокойны будут отцы-фронтовики: мы, советские педагоги, окружаем заботой и любовью детей. Наши детские дома и интернаты временно заменили семью. Они выкуют смелых, преданных нашей Родине людей.

Пламенный привет от коллектива и работников. С дружеским приветом!

Директор детдома Г. Калабалина”.

Дети детских домов выращивали табак и посылали кистеты с ним всылках на фронт (это делали, например, дети Бродокалмакского д[ет]д[ома], Каракульского интерната и др.).

Собирали деньги в фонд обороны страны на строительство танков, подводной лодки “Челябинский комсомолец”. Так, с сентября по декабрь 1942 года детскими учреждениями было собрано 258 тысяч рублей. Силами воспитанников Кировского интерната (г. Челябинск) на пустыре был заложен парк.

...Наряду с вниманием к задачам по улучшению учебно-воспитательной работы, на повестке дня постоянно стоят вопросы улучшения питания детей, их оздоровления.

Замечательным событием в мае 1944 года стала организация летней оздоровительной кампании, впервые после двухлетнего перерыва к детям возвратилось “пионерское лето”.

Для всех детей были получены оздоровительные пайки на три месяца (июнь, июль, август). Ежедневная норма была определена постановлением СНК СССР от 5 мая 1944 года. Данная норма включала в себя:

Мясо — рыба — 60 гр.

Жиры — 20 гр.

Сыр — 10 гр.

Яйцо — 1 шт.

Крупа — макароны — 70 гр.

Мука пшеничная — 10 гр.

Какао — 6 гр.

Шоколад — 15 гр.

Картофель — овощи — 300 гр.

Молочная продукция — 300 гр.

Сахар — 25 гр.

Хлеб — 500 гр.

Интерес представляет решение облисполкома № 1426 от 21 декабря 1944 года “О проведении зимних каникул в школах области”. В этом документе в специальном пункте “Об организации детских новогодних праздников для детей фронтовиков и эвакуированных детей” было записано, что наряду с бесплатным обслуживанием этих детей культурными мероприятиями необходимо организовать через школы индивидуальные елки, вручать индивидуальные новогодние подарки, приглашать детей в семьи рабочих, интеллигенции и колхозников, обеспечив им теплый прием, ласку и материнскую заботу.

Нужно отметить, что дружба эвакуированных детей, как из детских домов, так и из интернатов с семьями трудящихся области, была широко распространена. Она осуществлялась через шефство комсомольских и женских организаций при парткомах предприятий, учреждений, колхозов и совхозов.

...К 1945 году налаживалась жизнь в городах и селах, освобожденных от немецких оккупантов. Москва и Ленинград постепенно увозили своих детей...

В апреле облисполком получил распоряжение СНК РСФСР о подготовке ленинградских эвакуированных учреждений к реэвакуации. Началась большая работа. Прежде всего, надо было выяснить, всех ли детей из ленинградских интернатов может принять город. Если нет сведений об матери и отце, то кто из родных может взять ребенка к себе. К половине мая стало известно, что 770 детей должны остаться в Челябинской области: у них в Ленинграде нет ни дома, ни родных.

На повестке стоял второй вопрос: где, на базе каких (лучших по материальной базе) ленинградских интернатов можно организовать новые детские дома. К этому времени был проведен предварительный учет детей по всем районам области, оставшихся без родителей и нуждающихся в устройстве в детские дома. Надо было решать вопрос со сроками реэвакуации, ж[елезно]д[орожным] транспортом, продуктами в дорогу и т. д. и т. п.

Все эти вопросы были разработаны в решении Облисполкома № 553 от 15 мая 1945 года “О реэвакуации ленинградских интернатов и организации новых детских домов”. Во второй половине 1945 года эшелоны с ленинградскими детьми вернулись в Ленинград» [2].

Из приказа Министерства просвещения РСФСР № К 9/218/623 от 29 апреля 1946 г.:

«В тяжелые дни Великой Отечественной войны, когда Ленинград был фронтом, ленинградскими партийными и советскими организациями и городским отделом народного образования была проведена

большая работа по эвакуации детей из города Ленинграда, десятки тысяч их были эвакуированы в глубь страны.

При участии и активной помощи местных советских и партийных органов, отделов народного образования 22 тыловых областей приняли, разместили и в течение всего военного времени обеспечили ленинградским детям нормальные материально-бытовые условия и правильное воспитание. Только одна Ярославская область приняла и разместила более десяти тысяч детей. Большое количество ленинградских детей приняли Кировская, Омская, Челябинская, Молотовская и другие области.

По окончании войны органами народного образования была проведена большая организационная работа по реэвакуации детей в Ленинград.

Только летом 1945 года около 28 тысяч здоровых и жизнерадостных детей реэвакуированы в г. Ленинград и возвращены родителям, 5400 подростков трудоустроены на производство, определены в ремесленные училища и разные учебные заведения и около тысячи детей устроены в ленинградские детские дома. За сохранение жизни ленинградских детей, за внимание и заботу к ним, за хорошо организованную реэвакуацию их в Ленинград объявляю благодарность:

Дудкину Ивану Тимофеевичу, заведующему Областным отделом народного образования Челябинской области,

Хворовой Маргарите Ивановне, заместителю заведующего Областным отделом народного образования Челябинской области,

Дудкиной Зое Федоровне, заведующей сектором детских домов Областного отдела народного образования Челябинской области.

Министр просвещения РСФСР А. Калашников».

Список литературы

1. *Вдовенков В. М., Васильев А. В.* Хворова Маргарита Ивановна — человек-легенда // Гороховские чтения. Материалы третьей региональной музейной конференции. Челябинск: Челябинский гос. краевед. музей, 2012. С. 103–106.
2. Воспоминания М. И. Хворовой // Музей Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. Архив М. И. Хворовой. Рукопись
3. Из воспоминаний М. Д. Ковригиной, заместителя председателя Челябинского обл. исполкома в годы Великой Отечественной войны // Музей Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. Архив М. И. Хворовой. Рукопись.
4. Из воспоминаний П. Ф. Кошкарова, заместителя председателя Бродокалмакского райисполкома Челябинской области в годы Великой Отечественной войны // Музей Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. Архив М. И. Хворовой. Рукопись.

Н. Н. Фомина

Художественное творчество детей в годы Великой Отечественной войны

Рисунки советских детей 1941–1946 годов

В 1946 г. в Москве состоялась Всесоюзная выставка детского рисунка «Рисунки детей 1941–1946 гг.». Ее организаторами были Министерство народного просвещения РСФСР и Научно-исследовательский институт художественного воспитания Академии педагогических наук РСФСР (НИИ ХВ АПН РСФСР), созданный в результате преобразования Центрального дома художественного воспитания детей Наркомпроса РСФСР.

Память о выставке сохранилась благодаря изданному в 1946 г. каталогу. В нем опубликованы статьи о детских рисунках выдающегося советского поэта С. Я. Маршака, заведующей отделом изобразительного искусства НИИ ХВ АПН РСФСР художника-педагога Г. В. Лабунской и Е. М. Фрадкиной — художницы, в условиях эвакуации занимавшейся с детьми в Узбекистане.

География выставки оказалась обширной благодаря тому, что в годы войны занятия художественным творчеством продолжались в разных регионах огромной страны. Устроители выставки с благодарностью отметили участие в ее организации «Московского городского дома пионеров, Ленинградского дворца пионеров, дворцов и домов пионеров Узбекистана, Туркменистана, Армении, Грузии, Дагестана, Латвии, Эстонии, Центрального дома художественного воспитания детей Украины, Областного свердловского дома художественного воспитания детей

Обложка каталога Всесоюзной выставки детского рисунка. (М., 1946)

и других областных и краевых домов пионеров, художественных школ десятилеток Москвы и Ленинграда, Московской городской художественной школы, Детской художественной студии при Дворце культуры Автозавода имени Сталина, московских районных домов пионеров, заочной консультации для деревенских детей при Институте художественного воспитания, детских садов г. Алма-Аты, хлебозавода в Москве и других» [1, с. 13–14].

В каталоге выставки содержатся сведения о 228 рисунках, а также о 10 произведениях мелкой пластики — скульптурах и игрушках из дерева, пластилина и глины, поступивших из Москвы, Туркмении и Якутии.

В Международном собрании детского рисунка Российской академии образования хранятся многие работы, показанные на той памятной выставке, а также альбомы и рисунки подростков за 1941–1945 гг.

С позиций сегодняшнего дня можно подумать, что дети во время войны должны были рисовать главным образом военные действия. И конечно, баталии, уничтожение врагом городов, сел, деревень, их освобождение Советской армией находилось в центре внимания юных художников. Они ждали вести с фронта, слушали радио, читали газеты, и каждый в меру своих возможностей стремился представить войну в рисунке.

Но вместе с тем дети, жившие в Сибири и на Дальнем Востоке или оказавшиеся в эвакуации в Средней Азии и на Урале, изображали и свою повседневную жизнь, наполненную трудом и надеждой на возвращение в родные места, верой в то, что их отцы и братья вернутся домой живыми. Дети много читали: сохранились иллюстрации к литературным произведениям, изображения героических страниц истории России, победное продвижение наших войск на запад, сопровождавшееся салютами победы.

С. Я. Маршак отмечал: «Но война отразилась в рисунках детей не только своей мрачной и грозной стороной. За военные годы дети увидели и узнали свою страну так, как не видели и не знали никогда. Маленьких белорусов занесло в Узбекистан, украинцев на Урал. И вот появились целые серии пейзажных

Борис Виноградов, 15 лет
Важное сообщение. 1942

Ю. Богданов, 11 лет
Взятие Ростовского железнодорожного вокзала. 1944

Вася Политов, 16 лет
Штурм Измаила 11 декабря 1733 г. 1941

и жанровых рисунков, впитавших все своеобразие увиденных ребятами новых мест» [1, с. 7].

Знакомясь с рисунками и сведениями каталога, останавливаешься на фамилиях авторов, которые в дальнейшем стали известными: это будущие московские художники М. В. Эльконина, Ирина Соколова, известный чеченский график А. А. Туладзе, лауреат Сталинской премии О. Н. Вишняков, который прославился картиной «Бунт в Казанском университете», посвященной мятежной юности Владимира Ленина.

Среди прочих внимание привлекла фамилия Лабаса. Не только потому, что она заставила вспомнить художника Александра Аркадьевича Лабаса, но и потому что рисунки Юлика чем-то напоминали стиль его отца. Судя по каталогу, его рисунки занимали заметное место на выставке: шесть акварелей изображали Москву — Исторический музей, Салют, Моссовет, Мавзолей, вид из окна, дождь; несколько работ в лаконичной графической технике — бои на улицах Сталинграда, Будапешта, «красная артиллерия». Особенной динамикой отличаются сохранившиеся в собрании РАО рисунки «Мост взорван» и «Под откос».

«Вид из окна», также хранящийся в собрании, своим композиционным решением, смелостью сочетания цветного карандаша и акварели, пространственным решением созвучен стилю А. А. Лабаса — представителя объединения ОСТ, нашедшего в 1920–1930-е гг. выразительные

Юра Михайленко, 14 лет
Салют. 1944

Альберт Туладзе, 10 лет
Наступление. 1944

Олег Вишняков, 11 лет
Привал в лесу.
Партизаны. 1946

Юлик Лабас, 10 лет
Мост взорван. 1943

средства для отражения современного мира, изменившего ритм и образ жизни.

Юлик Лабас оставил замечательные воспоминания о своем детстве и отрочестве, об увлечении рисованием, о своих наставниках в области искусства, о времени, проведенном в эвакуации. В Узбекистан были эвакуированы семьи многих художников, среди которых были и родители Юлика. Как он вспоминал:

«Мне было всего 9 лет!

Я колебался в выборе профессии: биолог-эволюционист или художник? Книга Ч. Дарвина «Изменение животных и растений в домашнем

Юлик Лабас, 10 лет
Под откос. 1943

Гарри Мальт
Праздник в Ташкенте. 1943

состоянии”, купленная и прочитанная мной вздохом тогда, и по сей день стоит в моей лаборатории!

С лета в соседнем дворе (в Ташкенте — Н. Ф.) обосновался филиал военного госпиталя — временное общежитие ослепших красноармейцев. Я стал регулярно ходить туда, читать им вслух. Нравились стихи К. Симонова, П. Антокольского, статьи И. Эренбурга. Читал и письма из дому. Многие надеялись, что зрение вернется и опять попадут на фронт бить врага или свидятся с родными. Примириться со слепотой навсегда не мог никто. Вскоре этих раненых перевели в другое место.

<...>

Я увлекся живописью. Рисую войну и полюбившиеся мне местные пейзажи. Мои картины показывают Елене Михайловне Фрадкиной, работающей в Центральном доме художественного воспитания детей при местном Центральном дворце пионеров. Большой успех. Вскоре меня начинают выставлять на выставках детского рисунка и появляются друзья-“вундеркинды”: Марк Зозуля, Маша Эльконина, Валентин Берестов, Юра Власов... Мы встречались в саду Дома пионеров или бродили по бетонной набережной реки Чирчик... Вспоминали виденные до войны картины в Третьяковке и других музеях. Делились воспоминаниями о довоенной жизни. Берестов писал уже тогда неплохие стихи и мечтал стать археологом...» [3].

Замечательно бережное отношение государства к одаренным детям. Юлий Лабас вспоминал далее: «Между тем, мои “вундеркиндские” дела шли в гору. Выставки, хвалебные отзывы в центральной прессе. Наконец, меня с мамой пригласили к какому-то очень большому узбекскому начальнику... Дали особые («литерные») карточки, стипендию, пожизненную, если останусь в Узбекистане» [3]. В Ташкенте дети праздновали разгром немцев под Сталинградом.

С удивлением Юлий Лабас вспоминал, что в годы войны «в США выходит иллюстрированная книжка “Советские дети рисуют войну”, где много цветных репродукций моих работ» [3].

Спустя много лет Ю. А. Лабас встречался с писателем В. Д. Берестовым и художником М. Г. Зозулей, они с благодарностью вспоминали те времена: «кружок художественного творчества детей при Центральном дворце пионеров, возглавляемый Еленой Михайловной Фрадкиной, прогулки по набережной реки Чирчик. Тринадцатилетний Берестов читал свои тогда уже очень зрелые, не по годам, и талантливые стихи. Юные художники, Марк Зозуля, Маша Эльконина, Юрий Власов и я, беседовали о живописи, любовались ташкентскими пейзажами» [3].

И снова — Москва. «Чем запомнилась обратная дорога? Она длилась меньше недели. Беспредельной радостью было увидеть снова первые березовые рощи, колки, а потом уже и мощные хвойные леса. Снова родная Кировская... (Кировская улица изображена на рисунке «Вид

из окна» — Н. Ф.) До фронта было еще рукой подать. Только-только вторично взяли Харьков, и я впервые увидел столь похожий на воздушную тревогу салют. Аэростаты заграждения все еще ежевечерне поднимались над Москвой. Не помню точно, когда, наконец, отменили затемнение.

Летом 1944 г. приказы Верховного главнокомандующего и салюты в честь взятия того или иного города были раз в два-три дня. Этим же летом по Москве прогнали громадную колонну немецких военнопленных — 50 тыс. человек. Мы с мамой видели их на проспекте Мира. Вдоль всего пути следования немцев по городу на тротуарах толпились зрители. Никаких выкриков и других проявлений ненависти не ощущалось. Скорее, сострадание: больно уж жалкий, мученический, был у всех этих доходяг вид. Между тем мне, когда я вернулся в Москву, уже было 10 лет — возраст для четвертого класса!» [3]

Несмотря на успешные занятия Юлика рисованием и литературой, победило увлечение биологией. Он стал выдающимся биохимиком, чьи открытия признаны мировым сообществом ученых. Творческие успехи в науке товарищи Ю. А. Лабаса объясняли его широкой эрудицией в области разных видов искусства. «Он всегда фонтанировал идеями и проектами, охотно и щедро делаясь ими со всеми, кому это интересно... Он знал на память горы стихов русских и немецких поэтов и мгновенно извлекал из кладовой своей памяти точную поэтическую метафору к разным событиям в науке и жизни» [2].

Большинство участников выставки «Рисунки детей 1941–1946 гг.», как и Юлий Лабас, не стали художниками. Но мы с благодарностью юным авторам, их педагогам и родителям до сих пор рассматриваем каждый детский рисунок того времени, пытаюсь понять мысли и интересы, мечты и переживания детей, вступавших во взрослую жизнь в самый драматичный момент XX в. в истории нашей страны.

Дом, о котором мечтала девочка из блокадного Ленинграда

У каждого рисунка, поступившего в Международное собрание детского рисунка РАО, своя история. Однажды в конце 1995 г. я оказалась в Берлине, куда приехала с коллегами для организации в Русском доме выставки детского рисунка «Мир детей, мир для детей». Значительное место на ней занимал раздел, сформированный из экспонатов коллекции конца 1930-х гг., названный «Мир накануне Второй мировой войны в рисунках детей разных стран». В оформлении выставки участвовали не только коллеги из Москвы, но и сотрудники Русского дома в Берлине, среди них были и наши соотечественники. Разговорились с Ириной Сергеевной Барабошиной — представительной пожилой дамой, сохранившей свои детские рисунки середины 1940-х гг., выполненные в Ленинграде.

Предлагаю внимательно разглядеть три рисунка на огромных листах, подаренные ею в 1996 г. собранию РАО.

На всех рисунках изображена комфортная жизнь, наполненная интересными занятиями музыкой, рисованием, чтением, о чем свидетельствуют пианино, картины на стенах, книжный шкаф. Обращает на себя внимание и то, что и дети, и взрослые одеты нарядно, даже празднично. Комнаты украшены цветами и пальмами. Но среди изображенных нет мужчин, только девочки, разряженные, как куклы, и дамы. Юная художница (ей было 9 лет) явно дорожила этими рисунками: они подписаны и у них указаны даты исполнения: 5 февраля, 8 февраля и 10–11 февраля 1946 г. (выполнялся два дня). Они производят такое сильное эстетическое впечатление, что, как рассказывает И. С. Барабошина, при пересечении границы на выезде из Советского Союза таможенники хотели конфисковать их как художественные ценности, которые можно провозить только по специальному разрешению.

При внимательном рассмотрении рисунков возникает недоумение. Как случилось, что девочка, пережившая блокаду в Ленинграде, в 1946 г. (спустя год после окончания войны) живет так комфортно? В ее жизни все красиво: дома она надевает нарядные платья, эффектные банты украшают головку, в школу она ходит в гимназической форме, которая только-только возвращалась в школы после войны.

Теперь сравним между собой, казалось бы, такие похожие рисунки, в которых главным действующим лицом является, по-видимому, художница, изображающая себя в разных обстоятельствах. Начнем с самого первого рисунка, выполненного 5 февраля 1946 г. на большом листе горизонтального формата.

Изображены три нарядные дамы, одна из которых с цветами, и три девочки. На первом плане, словно для пикника, накрытый прямо на поляне стол с яствами, которые ленинградцы могли видеть только во сне. Вглядываясь в лица, удивляешься тому, что они грустные. Одна девочка словно кричит, другая держит зонт, отведенный в сторону. Она держит его не над головой, то есть он ей не нужен для защиты от солнца или от дождя. Дама рядом с девочкой с зонтиком — в одеждах траурной гаммы. Что же происходит? Что рисовала девочка из блокадного Ленинграда? Может быть, она рисовала мечту о счастье, переплетенную с какими-то страшными воспоминаниями. Лишь рассказы Ирины Сергеевны полностью объяснили содержание таких красивых и вроде бы радостных рисунков.

Ирина Сергеевна Буркхардт (Барабошина) — доктор наук, химик, с 1969 г. живущая в Германии. Ее отец Сергей Иванович Барабошин был ленинградским художником-графиком, мать Антонина Ивановна — педагогом- «дошкольником». Большие плотные листы и художественные материалы наверняка были предоставлены девочке отцом.

Ирина Барабошина, 9 лет
Без названия. Ленинград, 5 февраля 1946

В своих воспоминаниях, написанных специально для нас, Ирина рассказала о 17 рисунках, сохранных родителями. Она дифференцирует их по темам, выделяя изображение двух комнат в коммунальной квартире на Боровой улице в Ленинграде, которые она называет «родительским домом»; рисунки, посвященные празднику Победы; иллюстрации к литературным произведениям; впечатления о театре. Самыми красочными и выразительными являются рисунки, иллюстрирующие статью.

Драматичные переживания связаны с войной и блокадой. Ирина пишет: «В воспоминаниях о блокадной зиме у меня остались отдельные эпизоды: “любимое” и “нелюбимое” бомбоубежище, раскалывание папой на полу на газете дуранды, и я наслюненным пальцем собираю крошки, смерть маминого двадцатилетнего брата — рабочего военного завода, заучивание с мамой молитвы “Отче наш...”, сидя вечером у “буржуйки”, обстановку комнаты, в которой мы жили, и др. В детском саду я впервые столкнулась с проблемой возраста, от которого зависела группа и, соответственно, размер порции. Потом долгое время на рисунках я надписывала над изображением детей их возраст».

Некоторые предметы в рисунках Ирины имеют символическое значение. Это тот самый детский зонтик, рояль, распахнутая балконная дверь. Они переходят из рисунка в рисунок. Но кто мог догадаться, что за этим стоит?

«В июле 1943 года я с мамой эвакуировались через Ладожское озеро... — вспоминает Ирина. — Через Ладогу мы переплывали на катере.

Катер, пливший перед нами, был потоплен. Нас высадили в Кобоне на огромное поле. Мама ушла искать подводу для продолжения нашей поездки. В поле не было никаких ориентиров, а народ то приезжал, то уезжал, и обстановка постоянно менялась. Многие теряли свои вещи и детей. Мама нашла меня по детскому цветному зонтику, купленному ею до войны, который я держала над головой, так как шел дождь, а большой черный зонт я не смогла раскрыть... С тех пор надолго цветной зонтик над головой стал для меня символом защиты и радости». Распахнутая балконная дверь для Ирины — признак счастья. Она мечтала играть на рояле, и дверь оставалась открытой, чтобы из нее слышались звуки рояля.

Возвращаясь в пространство рисунков, легко отыскать эти символы детства, о которых помнит Ирина всю жизнь.

Объясняя содержание рисунков, изображающих «родительский дом», Ирина пишет: «Я была дочерью своих родителей и вне школы и пионерии жила в мире героев детской литературной классики, воспоминаний родителей и фантазии. Круг моих интересов был не типичен для советской школьницы моего поколения».

Семья занимала настолько большое место в размышлениях девочки, что, иллюстрируя любимые литературные произведения, она выбирала те отрывки, которые связаны с семейным уютом и музыкой, общим досугом всех членов семьи. Приведу пример. Иллюстрация к «Детству» Льва Толстого, выполненная акварелью, как предполагает Ирина, 28 марта 1947 г., т. е. в 10 лет, иллюстрирует следующий фрагмент: «Матушка сидела в гостиной и разливала чай... перед роялем сидела моя сестрица Любочка и розовенькими, только что вымытыми холодной водой пальчиками с заметным напряжением разыгрывала этюды... Подле нее вполоборота сидела Мария Ивановна...»

Идеалами для подростка были воспитательница в детском саду, где она до восьмого класса брала уроки игры на фортепьяно, и ее родители. А идеальной жизнью — та, что была у семьи Барабошиных до революции. «В моей родительской семье часто вспоминали “мирную жизнь”: как отмечали семейные праздники, чем пахло в эти дни в доме, о поездке в Сочи и Гельсингфорс, о порядках в мужской классической гимназии (директором которой во времена учебы деда Ивана Алексеевича был поэт и переводчик Иннокентий Анненский), о посещении Знаменской церкви, где иногда видели императрицу, о встрече открытой кареты с великими княжнами на бульваре у самого дома Барабошиных. Папа, рассказывая о своем детстве, часто делал наброски планировки дома и сада, указывал, где стояла какая мебель или какие росли деревья и кусты. Я очень любила эти рассказы».

Приведу описание рисунка «Две жилые комнаты» (выполнен в 9 лет 8 февраля 1946 г.), объясняющее сущность вымышленного образа родного дома:

Ирина Барабошина, 9 лет
Две жилые комнаты. Ленинград,
8 февраля 1946

«Интерьер изображенных комнат состоит из реальных вещей моего окружения, предметов фантазии и предметов обстановки из рассказов папы о “мирной жизни” во времена его детства. Реально существующие вещи — это: папин письменный стол с зеленой настольной лампой, рядом книжный шкаф и корзина для бумаги, кровати с металлическими изогнутыми спинками, железные печи с вечно висящим на веревочке сохнущим бельем, настенные часы, а также окна с форточками.

Из “мирной” жизни папиного детства в интерьере оказались: пальма в кадке с землей из гостиной в доме Барабошиных, резной буфет со стоящим на нем графином воды, черное кожаное кресло, плюшевый диван с высокой спинкой, платяной шкаф с зеркалом.

Из времен моего довоенного детства: низкий шкафчик со стоящим на нем радиоприемником и телефоном. Папа после войны часто вспоминал свой довоенный радиоприемник, который с началом войны нужно было сдать “на хранение” и который мы никогда не получили назад. Поэтому я его нарисовала. Вымышленные предметы моей фантазии: предел моих мечтаний — пианино, высокое трюмо с предметами туалета (после войны у нас долго не было большого зеркала и мне его очень хотелось иметь) и балконная дверь, чтобы из распахнутой балконной двери слышались звуки фортепьянной игры.

Комнаты на этих рисунках “заселены” большой семьей, а наша семья состояла из трех человек: родителей и меня.

В 1946 г. школьной формы еще не было, в школу ходили, кто в чем... Я нарисовала себя в форме, известной мне по рассказам родителей об их посещении гимназий в 1915–1917 годах. Панталончики у девочек также из рассказов родителей. Домработница в переднике, подметающая пол, тоже из “мирной” жизни, когда после моего рождения родители пригласили домработницу, что не было редкостью в те годы, так как в городах была масса девушек, бежавших из деревень и не имеющих жилья».

Эстетическая и духовная ценность детских рисунков Ирины Барабошиной и состоит, по моему убеждению, в том, что они хранят память

семьи и отраженную в ней память культуры России. Уважение к семье воспитывалось тем, что ребенок получал представление о заслугах предков перед отечеством. Так Ирина отмечает одно из замечательных деяний деда-юриста. «Мой дед Иван Алексеевич... работал делопроизводителем в Царско-Сельском суде. Он принимал участие в крупном судебном процессе по поводу завещания миллионерши Дрожжиной, завещавшей свое состояние городу Царское Село для строительства “родовспомогательного заведения” для бедных роженниц (прислуги, крестьянок и др.). Родственники Дрожжиной оспаривали это завещание, но суд вынес решение в пользу города, “родовспомогательное заведение” было построено и сохранилось по сей день. Сейчас в нем туберкулезный диспансер (адрес: г. Пушкин, Павловское шоссе)».

Семейные традиции и быт являются основным сюжетом рисунков, но в них раскрываются и особенности мировосприятия девочки-подростка послевоенного Ленинграда, мечтающей о красивых нарядах и прическах. Ирина вспоминает, как при изображении новогоднего праздника нарисовала у девочек разнообразные прически, о которых мечтала, «так как, подобно большинству девочек, через год после окончания войны была коротко подстрижена».

Выразительность детского рисунка не может быть ограничена темой или предметом изображения, очень важна форма воплощения. В рисунках Ирины Барабошиной наивно-реалистическая форма изображения компенсируется выразительностью организации листа, композиционной целостностью, объединяющей любопытные подробности, которые превращают восприятие ее работ в увлекательный процесс.

Ирина пишет: «Могу заверить, что рисунки сделаны мною без подсказки и помощи взрослых, так как отец считал, что ребенка не надо учить рисовать».

Для Ирины рисование было способом постижения своего внутреннего мира. Это подтверждает и тот факт, что спустя десятилетия она так

Ирина Барабошина, 9 лет
В родительском доме. Ленинград,
 10–11 февраля 1946

полно и убедительно обрисовала смысл каждого рисунка и его значение в далеко не безоблачной детской жизни.

Война в произведениях детей Испании

«Детям СССР» — этими словами открывается один из альбомов творческих работ, выполненных испанскими детьми в 1937 г. и подаренных советским детям в связи с 20-летием Октябрьской революции.

Дар детей Испании 1937 г. составляют два альбома и 115 рисунков, хранящихся в Международном собрании детского рисунка РАО. Каждый из рисунков и каждый альбом имеет штамп организации, формировавшей подборку работ для СССР. На большинстве рисунков содержится информация о теме рисунка, авторе, месте и годе создания, об учебном учреждении.

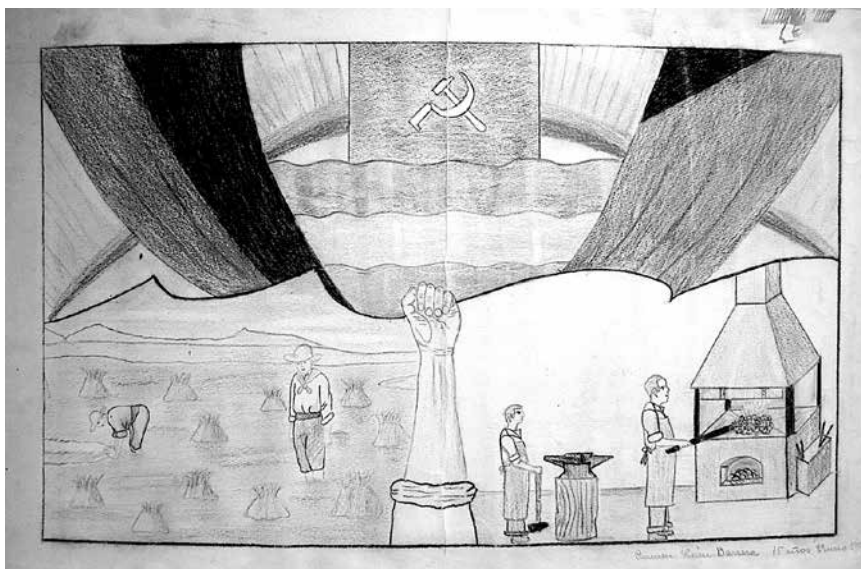
В период Гражданской войны в Испании (1936–1939) художественная общественность Советского Союза проявляла искренний интерес и сочувствие к борьбе испанского народа, что выразилось в ряде акций, к которым были привлечены и дети. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в коллекции РАО рисунки учащихся школ и изостудий из разных регионов России и союзных республик на тему борьбы испанского народа, а также посвященные прибытию испанских детей в СССР.

Связь детей двух стран поддерживалась прессой. В «Пионерской правде» и журнале «Юный художник» в 1936–1941 гг. публиковались рисунки и обсуждались события в Испании. Вместе с гуманитарной помощью в Испанию отправлялись подарки советских детей.

Коллекция рисунков испанских детей, подаренная детям СССР в 1937 г., покорила не столько художественным уровнем работ, сколько пафосом, их объединяющим. Коллекция имеет внушительный количественный состав, это около 200 произведений — изобразительных и литературных. Ее можно охарактеризовать как послание детей Испании советским детям, проникнутое особым чувством доверия и благодарности за оказанную помощь — военную и гуманитарную.

Доверие объясняется тем, что дети Испании, как следует из этого коллективного послания, вместе со своими родителями воевали за те идеалы, которые, по их представлениям, восторжествовали в Советском Союзе — идеи свободы, равенства, братства, независимости. Поэтому они были уверены в том, что советские дети их поймут. Общность стремлений определяет и тот факт, что дар испанских детей приурочен к 20-летию победы Великой Октябрьской социалистической революции, о которой испанские дети знали и полагали, что в их стране происходили аналогичные революционные процессы.

В своих работах юные художники стремились рассказать детям СССР самое главное о прошлом и настоящем своей страны словом и рисунками

Кармен Леон Баррера, 15 лет
Тыл. 1937

в двух альбомах, имеющих соответствующие дарственные и поздравительные тексты.

Каждый из альбомов заслуживает отдельного внимания. В одном представлены работы дошкольников и рисунки детей разного возраста, посвященные национальным праздникам и сказкам. Трогателен тот факт, что дети закончили свой альбом страницей, на которой представлены фотографии всех авторов, то есть перед нами коллективное поздравление с праздником, насыщенное очень интересной для советских детей информацией о культуре и жизни испанских детей.

Содержание другого альбома сложнее. Он создан учащимися старшего возраста. Поздравляя советских школьников, они знакомят их с природой, культурой Испании, приводят фрагменты из классических литературных произведений, приглашают посетить музей Прадо, рассказывают о своей жизни без праздников, так как каждый день приносит новые трагедии.

Все творческие работы отражают жизнь детей в условиях войны, бои и страдания испанского народа. Рисунки были подарены учащимися школ Валенсии, которая воевала до января 1939 г. Вся информация, поступавшая из прессы в фотографиях и статьях, изучалась и творчески перерабатывалась. Дети радовались победам и глубоко переживали неудачи интернационалистов.

Множество рисунков посвящено истории советского теплохода «Комсомол», гибель которого переживалась испанскими детьми как личная

Хуан Замора Сервера, 13 лет
Вооруженный народ. Валенсия, 1937. Институт «Луис Вивес»

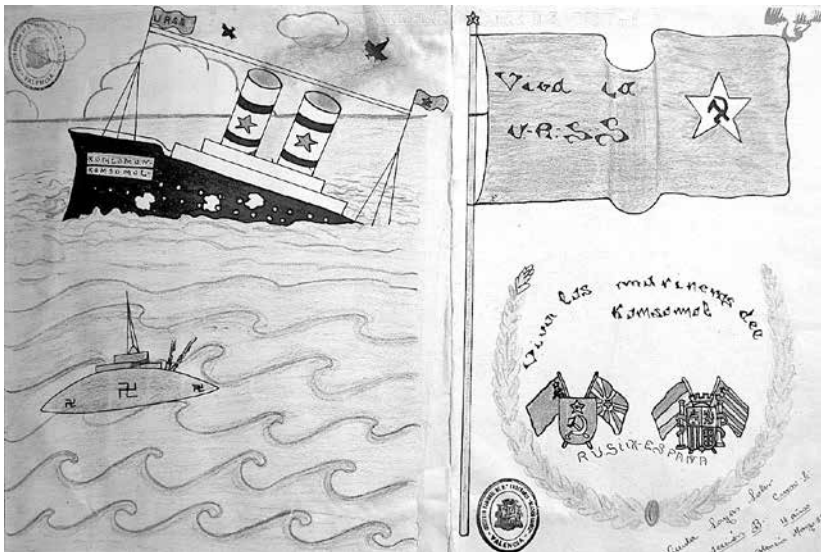
Анхелес Вийуэла, 10 лет
Вдали бомбят. Валенсия, 1937. Институт-школа

трагедия. Большинство рисунков раскрывает историю «Комсомола» в отдельных эпизодах, но некоторые изображают историю целиком, передавая на одном листе последовательность событий. Расшифровать смысл детских рисунков, имеющих документальный характер, возможно, лишь обратившись к историческим документам. Судьба теплохода «Комсомол» взволновала детей так глубоко, потому что он прибыл в Испанию с благородной миссией — во второй половине ноября 1936 г. в испанские порты Аликанте и Валенсии на нем были доставлены военное снаряжение и подарки женщин и детей Советского Союза. На обратном пути он был захвачен итальянскими фашистами, подожжен и потоплен. Экипаж «Комсомола» прошел тюрьмы и лагеря националистов и был освобожден только после усилий со стороны советского правительства.

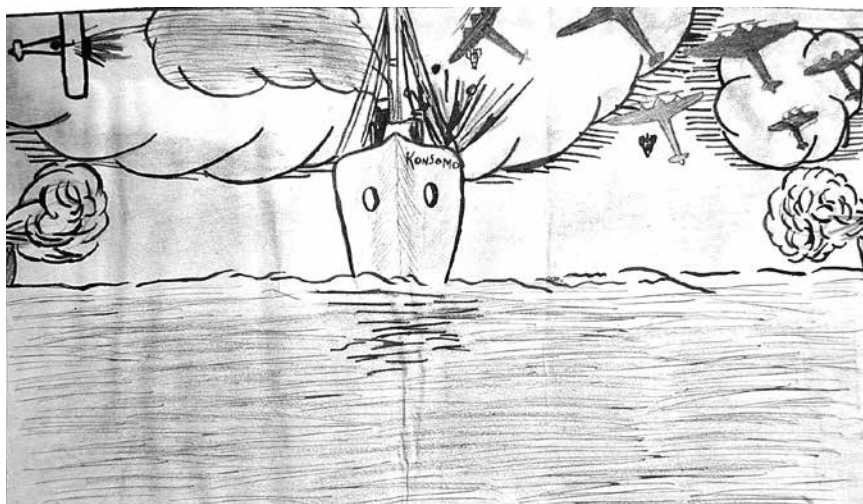
Большинство подростков романтизировало гибель «Комсомола». Зрителю представляется, что мощный корабль погиб в результате неравного

Р. Б. Бласко, 14 лет
Прощание. Валенсия, 1937.
Национальная школа

Висента Сайас Солер, 14 лет
Да здравствует команда «Комсомола». Валенсия, 1937. Институт «Бласко Ибаньес»

Франциско Родригес, 13 лет
Бой в открытом море. Валенсия, 1937

боя. Историческая правда состоит в том, что боя не было. Экипаж был вынужден подчиниться пиратам, в соответствии с международными законами покинуть корабль и перейти на крейсер захватчика.

Война в произведениях детей Китая

Рисунки из Китая 1930-х гг. раскрывают психологическое состояние, мир ребенка, вся жизнь которого проходит в условиях войны. В них трудно выявить индивидуальное начало, ведь оно перекрывается психологически-социальным фактором: ужасами мира, в котором живут дети. Социальные катаклизмы характеризуют и плакаты, выполненные учащимися старшего возраста.

Впервые рисунки были показаны в 1940 г. на выставке «Рисунков детей Китая» в помещении Центрального театра юного зрителя, организованной Центральным домом художественного воспитания детей, о чем сообщала «Учительская газета» 5 апреля 1940 г. По-видимому, при подготовке выставки был сделан перевод названий рисунков.

Этот год был богат событиями, свидетельствовавшими о культурных связях СССР и Китая. В январе 1940 г. в Государственном музее восточных культур проходила выставка «Искусство Китая», на которой были представлены произведения китайских художников прошлого и современных мастеров живописи и скульптуры (см. «Известия» от 3 января 1940 г., с. 3).

4 марта 1940 г. «Известия» сообщали, что Всесоюзное общество культурной связи с заграницей отправило в Китай четыре выставки: «Детская

книга и рисунок», «Фотографии и фоторепродукции с картин и гравюр советских художников», «Сельское хозяйство в СССР» и «Художественное фото».

В подборке ниже есть два рисунка из экспериментальной школы Национального центрального университета Нанкина, хранившей древние традиции гармонического пантеистического восприятия мира. Присутствует аппликация, изображающая в тонкой колористической гамме хризантемы.

Большинство рисунков выполнено на бумаге с водяными знаками в разных техниках. Рисунки китайских детей характеризует владение композицией, умение выбрать размер и формат листа, соответствующий замыслу, чувство ритма, содержательное владение смыслами, заложенными в государственной символике Китая и Японии, а также в традициях национальной культуры.

Сравнение испанских рисунков «о войне» с рисунками китайских детей периода страшной и продолжительной войны 1930-х гг. с Японией,

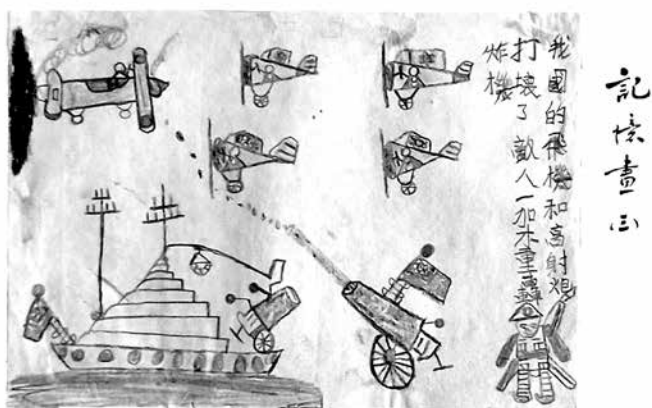
Неизвестный мальчик, 12 лет
Пейзаж. Нанкин, 1934.
Экспериментальная школа
Национального Центрального
университета

Неизвестная девочка, 12 лет
Древний монах. Нанкин, 1934.
Экспериментальная школа
Национального Центрального
университета

Джо Лин, 6 лет
Хризантема. 1934

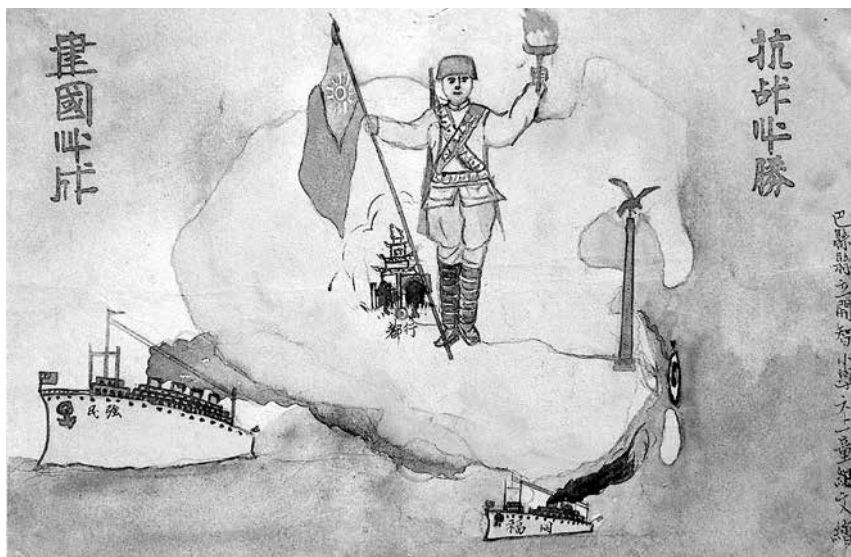
Неизвестный автор
Бой в воздухе, на море, на суше. 1939

Неизвестный автор
Убить предателей. 1939

а также с рисунками советских детей помогает увидеть общие черты восприятия жизни, находящейся в постоянной опасности.

Яркой особенностью творчества детей и подростков, оказавшихся в условиях войны, является конкретность восприятия действительности. Каждый рисунок содержит документальную информацию о событии и об участниках военных столкновений. Об этом свидетельствуют

Неизвестный автор
После победы. 1939

и многочисленные тексты, сопровождающие рисунки, и детализированное изображение участников битв, их амуниции и военной техники. Несмотря на опасность положения, детям было интересно изучать технические особенности танков, самолетов, кораблей. Некоторые рисунки отличает карикатурность изображения противника, экспрессия, характерные для юных художников подросткового возраста.

Во всех подробностях изображением пересказывая конкретные битвы, юный художник занимает определенную позицию, стремясь пусть на бумаге, но выиграть сражение.

Список литературы

1. Всесоюзная выставка детского рисунка. Рисунки детей. 1941–1946 гг.: каталог. М.: [б. и.], 1946. 56 с.
2. Голубовский М. Д. [и др.] Памяти Юлия Александровича Лабаса (1933–2008) // Онтогенез. 2008. Т. 39. № 6. С. 477–480.
3. Лабас Ю. Когда я был большой: воспоминания. М.: Новый хронограф, 2016. 320 с.

Раздел IV
Педагоги на фронте
и в тылу

А. В. Овчинников

Подвиг советского учителя на фронте и в тылу (по материалам советской периодической печати)

В той великой войне решалось практически все. Наша страна была вынуждена отстаивать право на свое существование, на мирную жизнь на планете. Все граждане нашей страны, каждый на своем месте, вели ожесточенную борьбу с германским фашизмом, рожденным во многом традициями европейского социально-политического и экономического бытия и веками сформированным сознанием превосходства, не принимающим во внимание культуру других народов и цивилизаций.

Победа в той кровопролитной войне стала закономерным итогом массового героизма всех граждан нашей страны. Каждый из жителей огромного государства жил все военное время верой в Победу. Каждый, от мала до велика, осознавал, что от результатов войны, его личного, сильного участия в ней будет зависеть существование Советского Союза — державы с великой историей и самобытной культурой. И эта вера придавала силы и бойцам на передовой, и труженикам тыла, сутками не выходящим из цехов и отправлявшим на фронт все то, что было необходимо для полного разгрома врага.

Сохранение памяти о тех суровых днях является духовной обязанностью каждого российского гражданина, особенно памяти о тех, кто посвятил свою жизнь защите детства, воспитанию юного поколения граждан Отечества.

Особое место в героической борьбе против немецко-фашистских оккупантов в годы Великой Отечественной войны по праву принадлежит работникам народного образования, людям, посвятившим свою жизнь самой гуманной и мирной профессии. В час тяжелейших испытаний для всей большой страны, для всего народа на защиту Родины от врага встали учителя всех национальностей, населявших СССР.

Накануне Великой Отечественной войны учительский корпус СССР представлял значительную социальную силу. В школах Советского Союза работало более 1,2 млн педагогов. Они обучали почти 35 млн школьников.

Для того, чтобы осознать сегодня величие совершенного подвига современному человеку, особенно представителям молодого поколения, важно понимать, что такое патриотическое духовное единение общества и какой силой оно обладает. Ценностные установки разных поколений педагогов накануне Великой Отечественной войны были далеко не одинаковыми. Опытные, умудренные жизненным опытом учителя помнили традиции старой, дореволюционной школы с ее классической системой воспитания и обучения. Учителя среднего поколения, прошедшие школу социально-педагогических экспериментов 1920-х гг., постепенно привыкали к новой ситуации, сложившейся в отечественной школе во второй половине 1930-х гг. Учителя, начинавшие свою профессиональную карьеру перед самым началом войны, в своих взглядах и убеждениях отличались от тех и других, поскольку были воспитаны уже в условиях нового политического режима, диктовавшего новые жизненные установки. На этот важный социальный фактор власти фашистской Германии делали очень большую ставку, надеясь на то, что в Советском Союзе отсутствует единство поколений и проживает много тех, кто не приемлет советскую власть.

Однако все обернулось совсем иначе. Перед лицом нависшей над страной опасности большинство жителей страны, несмотря на различия в своих убеждениях и сложный политический климат, твердо осознавали необходимость единения всего народа для того, чтобы обеспечить разгром очень сильного врага, главной целью которого было полное подчинение Отечества инородной воле. Очень хорошо это понимали и все поколения педагогов, которых объединило чувство патриотизма и личной ответственности за судьбу родной страны.

Подвиг на фронте

Множество учителей нашей страны, находясь на временно оккупированной врагом территории, сразу же стали принимать активное участие в подпольной работе: они становились бойцами и командирами партизанских отрядов, вели повседневную агитационную работу, поддерживая у оккупированного населения веру в освобождение и грядущую победу над врагом. В Белоруссии в партизанских отрядах сражались 7185 учителей [19, с. 45].

Героический порыв охватил всех работников образования страны. Они сразу выразили искреннее желание помочь стране в борьбе против агрессора, готовность воевать и трудиться до полной победы над врагом. Резолюция, принятая на митинге слушателей педагогических курсов Мосгороно, наглядно показала патриотический дух московских педагогов и их уверенность в победе: «Присоединяем свой гнев к великому гневу Советского народа и выражаем боевую уверенность выступить

с оружием в руках против оголтелого врага человечества — кровавого фашизма. Наше дело правое! Советский народ и Красная Армия непобедимы! Враг будет уничтожен!» [5, с. 3].

С самого начала Великой Отечественной войны тысячи учителей ушли на фронт, в действующую армию, чтобы с оружием в руках защищать родную землю от немецко-фашистских оккупантов. Жарким летом 1941 г. сотни эшелонов с призывниками шли к западным рубежам нашей Родины для того, чтобы остановить фашистскую армаду, идущую на Восток. Среди этих людей, только что надевших военную форму, было много учителей. Они делились своим, пусть даже еще не богатым военным опытом, добрым словом старались повысить моральный дух тех, кто уже через несколько дней лицом к лицу встречался с врагом. «Учитель и на фронте, в окопах оставался верным своей профессии — личным примером учил, как надо воевать». Эта широко известная фраза прославленного полководца, маршала Советского Союза А. М. Василевского точно передает самую суть личности учителя-фронтовика Великой Отечественной войны. В бою он чувствовал свою ответственность и за жизни, и за моральный дух находившихся рядом с ним бойцов.

Педагоги шли на фронт не только по призыву Родины, но и, прежде всего, по зову сердца. Окончив учебный год, учитель 236-й Ленинградской школы Виктор Сергеевич Дорофеев собрал необходимые книги и отправился в отпуск. Он давно пытался найти время для того, чтобы поработать над кандидатской диссертацией, посвященной творчеству Л. Н. Толстого. Узнав о начале войны, уже 24 июня он был в своей школе и вместе со старшеклассниками стал выполнять необходимые для военного времени работы. Через несколько дней он и учитель истории Николай Васильевич Усачев встретились со своими учениками 9–10-х классов уже при отправлении в учебные воинские части, чтобы, получив начальные военные знания, уйти на фронт [29, с. 3]. Сотни примеров такого патриотического настроения и героизма можно было найти в каждой местности большого Советского Союза.

Так, сельский учитель из белорусской деревни Аскино Леонид Рудаков стал армейским связистом. Дважды раненый, он не выпускал из рук телефонную трубку, обеспечивая бесперебойную связь между воинскими подразделениями. Получив третье ранение и будучи окруженным врагом, он, не желая сдаваться противнику, воткнул в землю штык и упал на него... [38, с. 3].

С первых дней Великой Отечественной войны главной целью врага была столица нашей Родины — Москва. Он не жалел сил и средств для того, чтобы овладеть древним символом российской государственности, что могло бы, по мысли фашистов, означать победу в войне. И уже к концу лета 1941 г. вражеские войска стояли на дальних подступах к столице,

продолжая быстро продвигаться к ней. К середине октября германские офицеры могли рассматривать город в бинокли.

Однако, завоевав довольно обширную территорию нашей страны, оккупанты не могли наслаждаться спокойствием. Во многих районах активные боевые действия совершали быстро растущие диверсионные группы и отряды партизан. Командиром одного из них был учитель Борис Васильевич Тагунов¹. Партизанский отряд действовал на Северо-Западе Московской области — самом напряженном участке фронта, на котором решалась судьба столицы, а значит, и всей страны. Боевая деятельность партизан была самой разнообразной. Бойцы отряда систематически организовывали подрывы техники противника, разрушали дороги, склады с боевой техникой. Насколько позволяла обстановка, вели работу среди местного населения, вселяя в жителей окрестных деревень веру в скорое освобождение. После освобождения Волоколамска учитель стал командиром истребительного батальона, который охранял тыл от попыток врага прорваться. Когда закончилась война, Б. В. Тагунов снова стал учителем, а затем — партийным работником. Будучи на пенсии, руководил советом ветеранов партизанского движения. За боевые заслуги был награжден орденом Красного Знамени, медалями «За отвагу», «За оборону Москвы» [3].

Профессиональный подвиг, который совершила смоленская учительница-партизанка Матрена Исаевна Вольская, навсегда сохранится в памяти. Она организовала двухсоткилометровый переход трех тысяч подростков через линию фронта, спасая их от угона на непосильные работы в Германию. Учительница начальных классов перед самой войной окончила педагогический техникум. С началом войны они вместе с мужем, учителем математики и физики Михаилом Архиповичем Вольским, стали активными участниками подполья, а затем ушли в партизанский отряд. После того как стало известно о планах фашистов угнать подростков в Германию, партизаны стали готовить сложную и крайне опасную операцию по спасению детей. Вместе с учительницей Варварой Сергеевной Поляковой и медсестрой Екатериной Ивановной Громовой, Матрена Исаевна, в то время беременная, стала готовиться к трудному и опасному переходу, который начался в ночь с 22 на 23 июля 1942 г.

В начале похода было полторы тысячи детей, но потом к ним присоединялись все новые группы ребят. Это был не просто переход по лесу, а проход по территории, оккупированной врагом. Однажды колонна детей попала под бомбежку. Спустя почти неделю, 29 июля, колонну встретили четыре грузовика, на которые посадили наиболее ослабевших детей. Остальные самостоятельно дошли оставшиеся 60 км до железнодорожной станции, где их ждал поезд для эвакуации. Так отважными людьми

¹ В других источниках военного времени указана фамилия Туганов.

было спасено 3240 детей. Об этом подвиге обыкновенной учительницы широко стало известно спустя много лет. Долгое время многие факты героизма советского учителя в годы Великой Отечественной войны не стояли в центре внимания общественности. Вот и о подвиге М. И. Вольской широко стало известно лишь накануне 30-летия Великой Победы, за несколько лет до ухода героини из жизни. Сама же педагог до последних дней не считала, что она совершила героический поступок, — так не думали и многие учителя — участники Великой Отечественной войны [4].

Человеческая скромность, свойственная военному поколению педагогов, за тихими и интеллигентными манерами которых скрывались железная воля и сила духа, стала мощной основой воспитания патриотизма у послевоенного поколения наших страны.

«Воспитать патриота и гражданина, любящего свою Родину и готового ей беззаветно служить, сформировать характер стойкий, способный к преодолению любых трудностей, увлечь молодые сердца и умы жаждой знания — с такой трудной и почетной задачей может справиться только тот учитель, в котором его воспитанники видят образец яркой личности, посвятившей себя служению людям. И тогда они на всю жизнь сохраняют к нему чувство уважения и благодарности. В этом смысле учителя — участники Великой Отечественной войны — поистине золотой фонд наших педагогических кадров!

Пройдя через поля кровопролитных сражений, освободив от гитлеровской нечисти землю своей Родины и избавив человечество от черной ночи фашизма, они стяжали себе вечную славу и окружены любовью всего народа», — так написал в предисловии к книге об учительском подвиге дважды Герой Советского Союза, генерал армии П. И. Батов [37, с. 5].

С первых дней войны в ряды действующей армии был призван учитель истории, лейтенант Л. Л. Мех, который сразу же зарекомендовал себя смелым и храбрым воином. Будучи командиром стрелковой роты, он профессионально организовал своих подчиненных на борьбу с врагом. В результате умелых и слаженных действий бойцы под командованием учителя подбили большое число вражеских танков и уничтожили много живой силы противника [30, с. 2].

Л. Л. Мех в «Учительской газете» от 1 января 1942 года, № 1

Вступая на освобожденную от противника территорию, солдаты

и офицеры воочию увидели то, каким неимоверным страданиям и мукам подвергались жители временно оккупированных земель. Однако все время нахождения под игом фашистов жители нашей страны делали все возможное для того, чтобы оказать посильную помощь Красной армии. Десятки тысяч жителей, ранее занимавшиеся мирным трудом, стали партизанами и подпольщиками. Рискую жизнью, они, как могли, боролись с оккупантами. Среди этих героических людей было немало учителей.

Активно помогала партизанам учительница начальной школы деревни Мышбор Черепетского района Тульской области Антонина Александровна Музалевская. Во время оккупации она была не только учительницей, но и разведчицей партизанского отряда «Передовой». За проявленное мужество она была награждена орденом «Знак Почета», ее фотография была опубликована в «Учительской газете» [34, с. 1].

Приведем еще несколько примеров выполнения своего воинского долга учителями, о которых регулярно сообщала «Учительская газета».

Капитан Афанасий Николаевич Русанов, до войны учитель сельской школы в Дорогобужском районе Смоленской области, был награжден медалью «За отвагу». Эта медаль особо ценилась и продолжает цениться участниками войны и их потомками, поскольку ею награждались военнослужащие, совершившие наиболее смелые поступки, рискуя собственной жизнью, нередко и принеся ее в жертву.

С началом Великой Отечественной войны И. В. Пахомов, работавший учителем истории в Читинской области, стал командиром саперного подразделения, которое проявило себя при разминировании и строительстве переправ через водные преграды, обеспечивая продвижение наших войск. Отважный учитель был награжден орденом Александра Невского.

Фотография А. А. Музалевской в «Учительской газете» от 19 марта 1942 года

Семья Болдано
в «Учительской газете»
от 30 июля 1942 года,
№ 31

Московский учитель истории школы № 172 Свердловского района Цыден Болдано, бурято-монгол по национальности, как сам он себя называл, стал политруком 6-й роты 2-го батальона 3-й Московской коммунистической дивизии и ушел на фронт в грозный день для Москвы — 16 октября 1941 г. Вместе с ним вступили в ополчение жена Софья Зиновьевна и сын Вадим. Они оба были телефонистами. После завершения московской битвы ополченцы влились в ряды действующей армии, став 130-й стрелковой, а затем 53-й гвардейской стрелковой дивизией [20].

Народное ополчение Москвы осталось навечно в сердцах наших людей. Те, кто по возрасту или по состоянию здоровья не мог призываться в ряды Красной армии, взяли в руки оружие и по собственному призыву вышли навстречу превосходящим силам противника, оказав тем самым неоценимую помощь Красной армии в защите рубежей столицы суровой осенью 1941 г. Среди этих героев было много работников образования, которые сотнями уходили в действующую армию или вступали в ряды народного ополчения.

Учитель сельской школы из Дагестана Саид Давыдович Алиев, по национальности аварец, был удостоен высшего звания страны — Героя Советского Союза. На фронте он был снайпером, получил тяжелое ранение. Закончил войну в звании младшего лейтенанта. Принимал участие в штурме Берлина и освобождении Праги [1].

Когда началось решительное наступление Красной армии и стала постепенно освобождаться территория нашей страны, воодушевленные коренным переломом в ходе войны бойцы и командиры проявляли поистине чудеса героизма. Во время форсирования Днепра — самой большой водной преграды на пути нашего контрнаступления — противник ожесточенно обстреливал переправы. Под непрерывающимся огнем оказывала первую помощь раненым медсестра Евгения Филипповна

Мараленко. Она предпринимала все от нее зависящее, чтобы быстрее отправить в тыл тех, кто получил ранение. За мужество и героизм она была награждена орденом Красного Знамени. До войны она работала учительницей в Красноярском крае [34, с. 1].

Сколько бы ни прошло десятилетий и даже веков, подвиг мирных жителей блокадного Ленинграда навсегда останется в памяти. Трудно однозначно сказать, был ли это подвиг тыла или ратный подвиг, ведь линия обороны проходила неподалеку от конечной остановки городского трамвая. В крайне тяжелых условиях учителя продолжали вести школьные занятия, оказывали изможденным людям поддержку, порой сами оставаясь без куска блокадного хлеба.

После снятия блокады стали известны имена многих педагогов, которые до конца исполняли свой профессиональный и человеческий долг, буквально находясь между жизнью и смертью. «Когда перелистываешь страницы суровой ленинградской летописи дней войны, во весь рост встает облик ленинградской женщины. Облик мужественный и самоотверженный, гневный и заботливый, любящий и ненавидящий», — писала «Учительская газета» 3 марта 1944 г.

В конце августа — начале сентября 1941 г., несмотря на сложную боевую обстановку, учительница Ксения Филипповна Тюрина активно готовила школу к началу нового учебного года. В помещении уже не было воды. В городе введена блокадная норма — 125 г хлеба. В то же время педагог следила за детьми, организовала их деятельность, пока матери рыли оборонительные рвы на подступах к городу. Враг зверски обстреливал Ленинград. Несмотря на бомбежки, учительница ходила по домам и выявляла пустые квартиры для того, чтобы туда переселились семьи из районов, где разрывались вражеские снаряды. В холодном учебном классе педагог не позволяла себе ходить в пальто. Надев несколько теплых кофт, она всегда выходила к детям в платье, чтобы как-то подбодрить своих воспитанников. А еще она была постоянно готова, услышав

Е. Ф. Мараленко в «Учительской газете» от 3 марта 1944 года, № 11

сирену, быстро увести детей в бомбоубежище, чтобы продолжить там учебные занятия при свете коптилки.

Вот еще один пример учительского героизма блокадного Ленинграда. Мария Михайловна Шарый была директором детского дома и вместе с педагогами прилагала все усилия для спасения сирот, которых было очень много. Под ее руководством по всему городу проводились рейды учителей, с помощью которых выявлялись беспризорные дети.

«Все сироты попадали в детский дом № 51 на Гражданском проспекте, Мария Михайловна вместе со своей верной командой педагогов старались уберечь каждого ребенка от ужаса, голода и смерти. Весной 1972 года, когда Мария Шарый уже вышла на пенсию, со своей спасительницей встретились ее подопечные. И уже не дети, а взрослые мужчины и женщины благодарили своего первого педагога и главного в их жизни героя за спасенное детство» [36].

Во второй половине Великой Отечественной войны, когда от одержанных побед боевой дух бойцов и командиров Красной армии стал выше, когда все понимали, что освобождение каждого метра территории несет свободу и спокойствие мирным жителям, педагоги в шинелях продолжали героическую борьбу с фашистскими захватчиками. Учитель села Покровское Рязанской области Г. И. Купырев осенью 1943 г. отважно сражался с врагом уже в звании полковника. За мужество, проявленное в боях, он был награжден третьим орденом Красного Знамени [32, с. 2].

Подвиг тыла

Одной из главных причин Великой Победы нашего народа над фашистской Германией стало то, что вся страна осознавала свое единство. Все, кто находился в тылу, как тогда принято было говорить, считали себя мобилизованными. Каждому из миллионов граждан нашей страны место его работы представлялось фронтовой передовой.

29 июня 1941 г. Народный комиссариат просвещения принял обращение «Ко всем работникам просвещения в связи с началом Великой Отечественной войны». В нем были названы основные задачи учительства в военное время. Прежде всего педагоги призывались стать активными агитаторами и пропагандистами, вести активную разъяснительную работу, особенно среди населения сельской местности. Это было очень важно в условиях военного времени для того, чтобы противостоять вражеским идеологическим акциям и не дать посеять панику среди населения в условиях быстро наступавшего противника.

Осенью 1941 г., когда враг рвался к Москве, учителя и учащиеся старших классов школ города и области принимали активное участие в строительстве оборонительных рубежей на подступах к столице. В октябре — ноябре 1941 г. ежедневно работали 250 тыс. человек, три

четверти которых составляли женщины, и среди них было много учителей и подростков [39, с. 222].

Еще одним важным направлением деятельности педагогов в первый год войны стала организация помощи в сельскохозяйственных работах. Наиболее остро этот вопрос стоял для западных районов страны, в которых даже в условиях молниеносного продвижения противника население старалось собрать урожай, а при невозможности сделать это — уничтожить его, чтобы ничего не досталось врагу.

В обращении особо подчеркивалось, что, несмотря на военное время, главной заботой педагогов должны быть обучение и воспитание детей — будущего страны. Для этого всех работников народного образования призывали продолжать свою основную работу, заменяя ушедших на фронт коллег. Особое внимание было обращено на военно-спортивную подготовку учащихся.

Организация посильной помощи со стороны школьников должна была проявляться в создании пожарных и трудовых бригад, проявлении заботы о семьях фронтовиков и погибших.

Все эти направления патриотической работы должны были проводиться педагогами, не забываящими ни на минуту свою главную обязанность — сохранение жизни и здоровья детей, воспитания у них волевых качеств, выдержки, находчивости, способности к выживанию в тяжелых условиях военного времени. И, конечно же, педагоги заменяли, насколько это было возможно сделать, самое дорогое, что есть у ребенка, — семью. Многие дети остались без родительского попечения. Учителя Федякинской средней школы Рязанской области выступили в 1942 г. с инициативой организовать действенную помощь детям фронтовиков. Почин сельских учителей был поддержан и приобрел всесоюзный масштаб.

Приведем другой, не менее яркий пример патриотической настроенности отечественных педагогов.

9 января 1942 г. был издан Приказ наркома просвещения РСФСР № 3: «В “Учительской газете” от 7 января 1942 г. напечатано письмо коллектива учителей и учащихся 27, 1, 19-й средних школ Автозаводского района г. Горького о помощи школам освобожденных районов. В этом письме учителя и учащиеся берут на себя обязательство выделить, изготовить и собрать учебно-наглядные пособия, учебники и школьно-письменные принадлежности, необходимые для школ освобожденных районов. Одобрив инициативу учителей и учащихся средних школ г. Горького об оказании товарищеской помощи школам освобожденных районов, я уверен, что все учителя и учащиеся нашей страны горячо поддержат это обращение, окажут всемерную помощь школам в освобожденных областях и помогут им создать условия для нормальных занятий.

Приказываю:

1. Заведующим крайоно, облоно и наркомам просвещения АССР под личную ответственность довести до сведения учителей и учащихся своей области обращение учителей и учащихся г. Горького; широко обсудить это обращение на собраниях педагогов и учащихся; возглавить и организовать работу по изготовлению и сбору необходимых для школ освобожденных районов книг, учебников и учебных пособий, а также по изготовлению необходимого учебного оборудования.

2. Районным отделам народного образования, педагогическим и учебно-методическим коллективам установить и поддерживать систематическую и тесную связь с теми районами и школами, куда будут направлены собранные и изготовленные ими учебные пособия, учебники и оборудование.

3. Краевые и областные отделы народного образования и наркомпрос АССР должны установить связь с освобожденными краями и областями и на основе полученных от них сведений дать своим районным и городским отделам народного образования и школам указания о том, в какие освобожденные районы и школы следует направить учебное оборудование и учебники. Обращаю внимание заведующих крайоно, облоно и наркомов просвещения АССР на исключительную важность всей этой работы и ожидаю от них проявления в этом деле всяческой инициативы и организованности. О ваших мероприятиях в этом направлении систематически информируйте Наркомпрос.

Народный комиссар просвещения РСФСР В. Потемкин» [25, с. 1].

Педагоги и школьники освобожденных районов не только ждали помощи от государства и коллег из тыла, но и сами принимали активное участие в восстановлении разрушенного войной, в обеспечении условий для скорейшего возвращения к нормальному учебному процессу.

Никто не ждал особых постановлений и распоряжений о начале учебных занятий. Иногда они начинались под открытым небом или в неотопливаемых помещениях. Воодушевленные освобождением от фашистского ига педагоги и школьники горели единым желанием скорее приступить к любимому делу.

Между тем ситуация на освобождаемых территориях требовала огромных усилий. Так, из 39 школьных зданий Новопетровского района Московской области фашистами было полностью уничтожено 17. Это притом, что оккупация района длилась сравнительно непродолжительное время — всего около месяца, а в некоторых деревнях даже меньше. Но вандализм захватчиков успел проявиться и за столь короткий срок. Во всех уцелевших зданиях были выбиты стекла, разграблены учебные кабинеты, уничтожены библиотеки, сожжена мебель.

«Не могу заставить себя войти в школу», — говорит Федор Михайлович Шапошников, бывший заведующий учебной частью. Вместе со школьной библиотекой погибли и его личные книги, любовно собранные за 30 лет

учительской деятельности. Пожилой педагог рассказывал о том, как фашисты мобилизовали его на работы, заставляя носить бревна из леса для телеграфных столбов. Когда учитель выбивался из сил, то фашисты подгоняли его битьем палкой по спине [27, с. 2].

С первых дней нападения гитлеровской армии стало понятно, что организовать снабжение боевых частей Красной армии всем необходимым возможно, только объединив усилия всего населения страны. Одним из примеров значимых акций, в которых самое активное участие принимали педагоги СССР, стал сбор теплых вещей для воинов.

Были созданы специальные комиссии, которые организовывали такую работу. Многие комиссии возглавили учителя. Собранные и изготовленные вещи оперативно отправлялись в действующие части. На Всероссийском совещании по народному образованию в 1943 г. отмечалось, что только учителями фронтовой Сталинградской области было отправлено 7856 коллективных и 43 тыс. индивидуальных посылок на фронт [8, с. 109–110]. Помимо сбора вещей учителя организовывали мастерские по ремонту и бригады по пошиву одежды для воинов. Только в одном из столичных районов в первую неделю войны были организованы две такие бригады.

Другим важным направлением патриотической деятельности учительства стал сбор денежных средств для Красной армии. Например, в первый военный учебный год педагоги вели активную работу по сбору денежных средств на строительство танковой колонны. Летом 1942 г. состоялась торжественная передача построенных на учительские средства танков бойцам Красной армии. Заслуженный учитель РСФСР Е. В. Мартянова в своем выступлении сказала: «Жизнью огромного вооруженного лагеря живет в дни отечественной войны наша могущественная, прекрасная страна. Все советские люди понимают, что сейчас над нашей страной нависла смертельная опасность. Каждый сейчас должен биться за право жить, чувствовать себя человеком, за право лелеять своих детей, говорить на родном языке, сохранить национальную культуру. Изгнать из наших сел и городов кровавого врага — вот мысль, которой живет наш великий народ. С этой мыслью идут в бой герои нашей доблестной Красной Армии. С этой мыслью напряженно трудятся рабочие на наших заводах. Этой мыслью живет советское учительство, воспитывающее цвет нашей Родины — ее молодежь» [21, с. 1].

Среди выступлений военных особо звучала речь командира танка И. А. Выборнова: «С этой трибуны я выступаю не только как танкист, но и как советский учитель. В мирное время я работал в рядах армии советского учительства и воспитывал в нашем подрастающем поколении ту сталь характера, которая нужна в бою ничуть не меньше, чем сталь наших великолепных танков. В грозные дни великой отечественной войны я вступил в ряды нашей славной Красной Армии и стал танкистом,

чтобы громить фашистскую сволочь, пробравшуюся на нашу советскую территорию» [21, с. 1].

И слова защитника Отечества не разошлись с делом. 1 января 1943 г. «Учительская газета» опубликовала поздравление с Новым годом от личного состава подразделения «Смерть немецким оккупантам», того самого, в которое были переданы танки, построенные на средства учителей. Вот выдержки из письма:

«Дорогие товарищи учителя!

Танковая часть, бойцы которой приняли еще летом свое боевое оружие из рук советского учительства, продолжает громить врага. Мы бьем сейчас фрицев и гансов на Центральном фронте. Хотим рассказать о тех из наших бойцов и командиров, которые отличились в последних боях... Скоро у вас, товарищи учителя, начнутся каникулы. Наступает Новый год. Для нас, фронтовиков, он начнется в жестоких боях с врагом. Мы били, бьем и будем бить проклятых фрицев до полного их уничтожения. Пусть учителя в каждой школе знают, что танкисты подразделения “Смерть немецким оккупантам!” свято выполняют наказ советского учительства. В новом году мы будем бить проклятых оккупантов еще сильнее, еще решительнее. С Новым годом! К новым боям и победам!

По поручению личного состава танкового подразделения “Смерть немецким оккупантам!” лейтенант Дюрдев, капитан Качур, ст. лейтенант Новосельцев, капитан Морозов, капитан Гылин, ст. лейтенант Дергилев, ст. сержант Вороной, старшина Сорокин, лейтенант Радул, сержант Зайцев. Центральный фронт» [8, с. 3].

Миллионы работников тыла вносили денежные средства, которые способствовали приближению Победы. В своих обращениях к руководству страны педагоги и школьники выражали высокие патриотические чувства. Учителя средней школы № 1 г. Харцызска, расположенного на территории современной Донецкой народной республики, писали: «Дорогой Иосиф Виссарионович, в период Отечественной войны со злейшим врагом человечества — озверелым германским фашизмом, мы, учителя-комсомольцы, пионеры-учащиеся Харцызской средней школы № 1, Харцызского района Сталинской области, вносим свою скромную лепту — 100 000 рублей на постройку эскадрильи самолетов “Освобожденный Донбасс”. Желаем приобрести самолет и просим назвать его Вашим именем. Просим передать купленный нами самолет в летную часть, где служит наш земляк — Герой Советского Союза Максименко В. И.».

В ответ было получено письмо: «Харцызск, средняя школа № 1, коллективу учителей и учащихся. Прошу передать учителям и учащимся Харцызской средней школы № 1, собравшим 100 000 рублей на постройку эскадрильи самолетов “Освобожденный Донбасс”, — мой братский привет и благодарность Красной Армии.

Желание коллектива учителей и учащихся Харцызской средней школы № 1 будет исполнено. Москва, Кремль. И. Сталин» [33, с. 1].

Важную роль в организации патриотической деятельности советского учительства в годы Великой Отечественной войны сыграла статья М. И. Калинина «Учительство и война», опубликованная в «Учительской газете» 14 июня 1942 г. По сути, это был разговор с педагогами о требованиях государственной власти к ним в суровое военное время. Говорилось о необходимости тесной связи обучения и воспитания, важности обучения детей в начальной школе, о патриотическом воспитании школьников.

Большую часть статьи М. И. Калинин посвятил рассказу о патриотической деятельности одной севастопольской учительницы: «Мне рассказывали о том, как пожилая учительница 14-й севастопольской школы Александра Сергеевна Федоринчик, имея за плечами 37 лет педагогического стажа, мать четырех сыновей, из которых трое находятся в Красной армии, ведет кипучую деятельность по обороне Севастополя. Она организовала и возглавила бригаду из учителей, родителей и учащихся, которая помогала медицинскому персоналу на линии огня, собирала теплые вещи, вязала варежки, стирала белье для бойцов. Бригада принимала участие в строительстве блиндажей и укрытий для самолетов. Когда деятельность бригады наладилась, А. С. Федоринчик, не порывая связь с бригадой, стала работать в качестве санитарки на плавучем госпитале, курсируя в заминированных врагом водах между Севастополем и Большой Землей. Хороший агитатор и организатор, она сумела сплотить и мобилизовать на большие патриотические дела многих педагогов, родителей и старшеклассников города Севастополя» [10, с. 267–268].

На протяжении всей Великой Отечественной войны советские учителя вели активную агитационно-пропагандистскую и просветительскую работу. Одним из ее направлений стало санитарное просвещение населения, которое проводилось совместно с медицинскими работниками. Педагоги организовывали встречи и беседы, говорили о необходимости внимательного отношения к здоровью, соблюдению правил личной гигиены. Во многих школах были открыты курсы медицинских сестер, созданы санитарные дружины, в которые вошли педагоги и учащиеся старших классов. В каждом сельском клубе регулярно проводились различные просветительские мероприятия медико-санитарной направленности. Обычно этим занимались школьные профсоюзные организации, которые за годы Великой Отечественной войны подготовили без отрыва от занятий 7127 медицинских сестер и 2917 сандружинниц из числа учителей. Под руководством педагогов за годы Великой Отечественной войны было создано около 45 тыс. санитарных постов [7, с. 109].

1 апреля 1942 г. «Учительская газета» опубликовала обращение педагогов и представителей ученических организаций Ирбитского района Свердловской области ко всем учителям и школьникам Советского Союза о развертывании социалистического соревнования на сельскохозяйственных работах. «Для победы над врагом, — говорилось в обращении, — сельскохозяйственные работы имеют такое же первостепенное значение, как производство оружия и боеприпасов. Подготовить и собрать обильный урожай — значит намного облегчить условия победы над врагом» [23, с. 2].

Несмотря на военную обстановку, учителя продолжали активно вести традиционную для себя работу. На освобожденных территориях страны постепенно восстанавливалась школьная сеть. Остро встал проблема всеобщего обучения детей. Так, сразу после освобождения Московской области от врага педагоги стали вести активную работу по возвращению школьников к систематическим учебным занятиям. Многие учителя, в основном женщины, активно трудились, выполняя тяжелые строительные работы. Педагоги сразу же стали заниматься с детьми, даже если для этого были хотя бы самые минимальные условия.

Нарком просвещения РСФСР В. П. Потемкин на совещании заведующих областными отделами народного образования и наркомпросов автономных республик в марте 1942 г. отмечал важность активных действий учителей, подчеркивая при этом, что одни педагоги, без помощи местных органов власти, не смогут выполнить полностью трудную задачу по возвращению детей к школьным занятиям.

Перед педагогами была поставлена задача привлекать всех детей и подростков к школьному обучению. Если находились беспризорные дети или по каким-то условиям не могли начаться занятия, то ребят объединяли в бригады, руководимые учителями, для организации конкретной помощи в восстановлении мирной жизни. Учительство горячо откликнулось на этот призыв. Многие педагоги активно способствовали исполнению закона о всеобуче и постоянно сообщали органам власти о проделанной работе. Местные советы принимали исчерпывающие меры для убеждения родителей и всех жителей внимательно следить за детьми и не допускать их отсутствия на школьных занятиях.

Главной задачей нового 1942/43 учебного года также был объявлен всеобуч. От педагогов требовалось сохранять школьный контингент, привлекать детей к систематическим школьным занятиям, не допускать безнадзорности и беспризорности среди школьников, принимать активное участие во всех мероприятиях по всеобучу.

Отсев учащихся ставил перед педагогами проблему массового второгодничества. Наркомпрос ориентировал работников образования активнее проводить работу по возвращению детей к систематическим

учебным занятиям. Благодаря неустанной работе педагогов в Алтайском крае в школы было возвращено 8590 школьников, в Марийской АССР — 4488 человека [26, с. 2]. Педагоги проводили с возвратившимися учениками большую индивидуальную работу для того, чтобы наверстать упущенное.

В Москве второй военный учебный год был особенный. Поскольку угроза столице практически миновала, начался процесс возвращения москвичей из эвакуации. Учителя прилагали максимальные усилия для того, чтобы все дети сразу же включались в учебную деятельность. За 1942/43 учебный год в Москве было возвращено в школы 7242 человека. Еще около 2 тыс. ребят были направлены в школьные мастерские [11, с. 352].

Сохранение школьной системы страны в первый, самый тяжелый военный учебный год, безусловно, стало массовым подвигом советского учительства. Благодаря неимоверным усилиям школа была сохранена как важнейший социальный институт советской системы.

Военное время заставило оперативно изменить организацию и методику учебно-воспитательной работы, быстро апробировать и внедрить в практику ее новые формы. Был накоплен ценный опыт по прохождению учебных программ в сжатые сроки, при сохранении объема изучаемого материала; апробированы новые формы урока, например краткие лекции в старших классах.

«Успехи советской школы, одержанные ею в суровую годину отечественной войны, — это проявление высокого патриотического сознания, патриотической воли миллионного коллектива народных учителей. Фаланга советского учительства тесно сплетена в единую дружную семью вокруг нашего правительства...», — говорилось в одной из статей «Учительской газеты» [22, с. 1].

Особая роль учителя в годы Великой Отечественной войны состояла в военной и спортивной подготовке учащихся. От этого зависело многое, а самое главное — жизни выпускников школы, многие из которых в скором времени после получения аттестата зрелости надевали солдатские шинели и шли защищать Родину.

В таких условиях значительно выросла роль военных руководителей — военруков, многие из которых в начале войны ушли на фронт. Им на смену приходили офицеры, возвращавшиеся, в основном, после ранений. Они обладали определенным, порой очень высоким авторитетом среди школьников, однако сказывалась недостаточность, а часто и отсутствие педагогического образования. Это ставило задачу усиления методической подготовки военных руководителей. По всей стране была развернута такая работа. Положительный опыт был накоплен в Вологодской области, где прошли учебно-методические сборы военных руководителей, посвященные 25-летию Красной армии. Военруки взяли обязательство отлично поставить военное обучение во всех школах города,

добившись, чтобы не менее 85 % учеников успевали на «хорошо» и «отлично», подготовить для соревнований 700 лыжников и провести массовую военную игру, посвященную юбилею Красной армии [2].

Во второй половине Великой Отечественной войны обострилась проблема педагогических кадров. Потребность в учителях планировалось стабилизировать, проводя активную работу по возвращению к педагогической деятельности тех, кто по каким-то причинам ушел из школы.

Однако естественная для условий военного времени убыль педагогического состава не могла быть решена только административными мерами. Необходимо было обеспечить подготовку нового состава учителей. Для этого были оперативно организованы краткосрочные педагогические курсы, на которых обучали основам работы с детьми. Большие ожидания по-прежнему были от основного источника педагогических кадров — институтов и педучилищ. По всей стране активизировали деятельность институты усовершенствования учителей. Возобновил работу Центральный институт повышения квалификации руководящих работников. О том, что профессиональная подготовка учителя находилась в центре внимания руководства образованием, свидетельствует тот факт, что Ленинградский областной институт усовершенствования учителей не закрывался ни на один день за все время страшной блокады.

Третий военный учебный год стал одним из центральных событий для школы и учительства не только в ходе Великой Отечественной войны. В то время были приняты важнейшие политические и организационные решения, направленные на развитие отечественного образования и повышение авторитета учителя, престижа педагогической профессии на многие годы. И это мобилизовало отечественных педагогов на новые свершения и беззаветное служение делу воспитания послевоенного поколения граждан нашей страны.

2 августа 1943 г. состоялось Всероссийское совещание по народному образованию, на котором выступил нарком просвещения В. П. Потемкин. Отмечая заслуги учителей страны в годы войны, он отметил: «Когда вспоминаешь о самоотверженной работе учителей прифронтовой полосы, учителей героического Сталинграда и славного города Ленина, об учителях, находящихся на фронте, в партизанских отрядах, чувствуешь, как велика сила советского патриотизма, как горяча любовь советского учительства к своей родине. Советское учительство не свернуло в дни войны благородного знамени народного просвещения, в тягчайшие дни войны, какой доныне не знало человечество, оно выполняет свое дело, обучая и воспитывая детей, нашу замечательную молодежь» [25, с. 2].

С середины 1943 г. территории нашей страны стали активнее освобождаться от врага. В них с большими трудностями восстанавливалась мирная жизнь, которую во всех смыслах приходилось отстраивать заново. 22 декабря 1943 г. в «Учительской газете» была опубликована передовая

статья-обращение «К учителям освобожденных городов и сел». В ней были такие слова: «Вы ждали той минуты, товарищи, когда снова сможете в полный голос говорить с советскими детьми на родном их языке. Вы боролись против захватчиков. Немало имен учителей овеяно славой партизанской борьбы. Лучшие из ваших воспитанников в подпольях Краснодона и Смоленска ковали оружие против врагов. Советская школа — ее учителя и воспитанники — в захваченных врагом районах не покорились ему. Теперь, когда вы снова свободны, со всей энергией боритесь за то, чтобы успешно выполнить наказ товарища Сталина — в короткий срок решить трудную задачу полной ликвидации последствий хозяйничанья немцев в районах, освобожденных от немецкой оккупации. Все учительство нашей великой Родины поможет Вам» [9, с. 1].

С каждым днем, приближавшим нашу победу, возрастал патриотический настрой учительства, который проявлялся прежде всего в конкретных действиях, направленных на помощь стране. Одним из таких начинаний стала организация сбора и отправки книг в сельские школы. Этот почин был поддержан Наркомпросом, издавшим соответствующий приказ, а также Центральным комитетом профсоюза.

В годы Великой Отечественной войны работа государства с учительским корпусом носила планомерный характер. В августе 1944 г. опыт проведения Всероссийского совещания по народному образованию был повторен. Оно состоялось в Москве 15–17 августа. В ходе его работы были намечены новые задачи в работе советской школы, которая уже в скорой перспективе должна перейти на мирные рельсы.

Участники совещания отмечали, что им предстояло решить новые задачи развития отечественной школы. А для этого каждый учитель должен был осознать свою высокую ответственность, работать самоотверженно, быть требовательным к учащимся и строгим к себе.

Учителей призывали не только овладевать методическим опытом, но и шире знакомиться с достижениями научной педагогики, что было одним из главных направлений в работе Академии педагогических наук РСФСР. Только что созданная академия активно стала помогать в решении сложных вопросов народного образования в стране. Проводимые учеными Академии лекции, семинары, беседы очень быстро стали популярными среди педагогов страны. Ученые-педагоги на основе своего многолетнего теоретического и практического опыта стали наставниками педагогов, приучая их к методической дисциплине, поддерживая их творческие искания, которые не прекращались даже в суровое военное лихолетье.

Повышение методического уровня учителя стало не только задачей, данной «сверху». Многие педагоги, особенно начинающие или те, которые имели перерыв в педагогической деятельности, стали инициаторами и активными участниками такой работы.

Ее формы были разнообразными. Например, в Клементьевской школе Можайского района Московской области стали проводиться «Педагогические пятницы», в ходе которых учителя вели коллективное обсуждение прочитанного, делились опытом работы. Это был неформальный, дружеский разговор на профессиональные и общественно-политические темы. Проведение таких мероприятий благотворно сказывалось на профессиональной деятельности педагогов, повышая их ответственность за выполняемые дела [14, с. 2].

Постепенно возвращаясь к традиционному укладу школьной жизни, педагоги страны вели активную работу по пропаганде педагогических знаний среди населения. Руководство школ активно проводило коллективные и индивидуальные беседы с родителями школьников. Практиковались встречи педагогов с работниками промышленных предприятий и учреждений. Больше внимание стало уделяться деятельности школьных родительских комитетов. Причем это были не парадные мероприятия, что называется, «для отчета». Учителя и родители совместными усилиями стремились решать реальные текущие проблемы, которых в условиях военного времени было немало.

Героический труд учительства нашей страны в годы Великой Отечественной войны был высоко оценен государством. Введенное накануне войны почетное звание «Заслуженный учитель школы РСФСР» только в 1944 г. было присвоено 32 педагогам.

Поистине триумфом отечественного учительства стало 14 декабря 1944 г. В этот день был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР, согласно которому 5227 учителей и работников образования были удостоены государственными наградами. Это единственное в истории отечественной школы столь массовое награждение педагогических работников. Именно педагоги-практики стали главными героями. Среди получивших высокие награды государства 4365 человек — учителя, завучи и директора школ и педагогических училищ, те кто каждый день ходили в школу, заботясь о будущем страны. Награды также получили 675 руководителей образования, 46 работников детских садов и детских домов. Высшую награду СССР — орден Ленина — получили 205 учителей. Орденом Трудового Красного Знамени был удостоен 1421 педагог, 982 получили орден «Знак Почета». Медаль «За трудовую доблесть» была вручена 1317 работникам образования, а медаль «За трудовое отличие» получили 1302 человека [12, с. 437–438].

Номер «Учительской газеты» 17 декабря 1944 г. открывался перекрестной статьей «Народному учителю — слава». В ней были такие строки «В тяжелые годы войны, преодолевая большие трудности, изо дня в день творят народные учителя свое скромное дело, помогая народу в его борьбе против врага. Они отдают все свои силы, чтобы дать детям знания, чтобы воспитать из них пламенных патриотов — граждан, достойных

самой великой отчизны. Они учат детей любить всем сердцем свою прекрасную Родину. Они приучают своих воспитанников к правдивости и честности, к труду и порядку, к культуре и дисциплине, развивают в них стойкость и мужество воинов, достойных своих отцов. Горячей заботой о сыне и дочери фронтовика они укрепляют его боевой дух. Сиротам заменяют семью и родителей» [15, с. 1].

Победный 1945 год традиционно начался с городских и районных совещаний учителей, проходивших во время каникул. Педагоги обсуждали конкретные вопросы учебно-воспитательной работы, вели активную методическую работу, пытаясь совместными усилиями найти оптимальные формы изучения конкретного учебного материала. Устная речь школьника, обучение конкретным вопросам арифметики в начальной школе, повторение пройденного материала — это далеко не полный перечень вопросов, которые обсуждали педагоги в разных концах большой страны.

6 февраля 1945 г. в театре Ленинского комсомола прошел вечер молодых педагогов столицы, на котором выступил вице-президент АПН РСФСР И. А. Каиров с докладом «Задачи молодого учителя в улучшении воспитательной работы с учащимися». «Воспитывая из наших детей граждан страны социализма и ее защитников, учитель должен прививать им любовь к Родине и неугасимую ненависть к ее врагам», — сказал ученый [25, с. 3].

Участники вечера — молодые педагоги столицы — шли в школьные классы, заменяя тех, кто не вернулся с войны или по каким-либо причинам прекратил заниматься учительским делом. Перед ними сидели дети войны, те, которых они должны были научить любить свою Родину, те, которым предстояло увидеть радость мира, освоение космоса, мирный атом, крупные стройки Сибири, величие родной страны, чтущей память о тех, кто остался на той войне...

Главное в труде каждого педагога — понимание того, что он работает на будущее страны, созидая его. Многие советские граждане чувствовали огромный вклад работника образования в нашу общую победу. В одном из номеров «Учительской газеты» было опубликовано письмо следующего содержания: «Директору 324-й школы гор. Москвы тов. М. И. Горбунову.

Глубокоуважаемый Михаил Иванович! Сын наш Арсений Герасимович Гецов¹, воспитанник 324-й школы, гвардии лейтенант, награжден 8 августа 1943 г. орденом Красной Звезды.

Школа воспитала горячего патриота.

¹ А.Г. Гецов был участником Парада Победы на Красной площади, а после войны — известный химик, полковник в отставке, заместитель руководителя Межведомственного научного совета по комплексным проблемам физики, химии и биологии при Президиуме РАН.

Разрешите нам, родителям, принести в Вашем лице благодарность дирекции и преподавательскому составу 324-й школы за все то, что школа дала нашему сыну.

г. Москва, 6/ХІ–43 г. Г. Гецов, А. Гецова» [32, с. 3].

И в этом письме, как в капле чистой воды, отражается итог благородной миссии отечественного педагога, прошедшего со всем народом тяжелыми дорогами Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Алиев Саид Давыдович // Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Алиев,_Саид_Давыдович (дата обращения: 15.05.2025).
2. *Болознев И.* Соревнование военруков Вологды // Учительская газета. 1943. 13 января № 3. С. 1.
3. Борис Васильевич Тагунов // Волоколамский кремль. URL: <https://volok-kreml.ru/boris-vasilevich-tagunov/> (дата обращения: 15.05.2025).
4. Вольская Матрена Исаевна // Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Вольская,_Матрёна_Исаевна (дата обращения: 15.05.2025).
5. Враг будет уничтожен // Учительская газета. 1941. 25 июня. № 76. С. 1.
6. За работу, товарищи учителя! Передовая // Учительская газета. 1944. 30 августа. № 37.
7. *Захаров И. З., Маин В. Н.* Советский учитель на фронте и в тылу // Советская педагогика. 1983. № 5. С. 109–111.
8. К новым победам // Учительская газета. 1943. 1 января. № 1. С. 5.
9. К учителям освобожденных городов и сел // Учительская газета. 1943. 22 декабря. № 51. С. 2.
10. *Калинин М. И.* Учительство и война // О воспитании и обучении. Избр. статьи и речи. М.: Учпедгиз, 1957. 344 с.
11. *Константинов Н. А., Медынский Е. Н.* Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М.: Учпедгиз, 1948. 470 с.
12. Ленинградские учительницы // Учительская газета. 1943. 3 марта С. 1.
13. Москва и Московская область в Великой Отечественной войне. 1941–1945. Краткая хроника. М.: Моск. рабочий, 1986. 523 с.
14. *Найденов Б.* Педагогические пятницы сельской школы // Учительская газета. 1944. 18 октября. № 44. С.2.
15. Народному учителю — слава // Учительская газета. 1944. 17 декабря № 53. С. 1.
16. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1941–1961) / под ред. Ф. Г. Паначина, М. Н. Колмаковой, З. И. Равкина. М.: Педагогика, 1988. 272 с.
17. Памяти 3-й московской коммунистической дивизии. Воспоминания, Болдано Цицен Болданович. URL: <https://3-mksd.ru/vospominaniya-boldano-cziden-boldanovich/> (дата обращения: 15.05.2025).
18. Передача Красной Армии первых танков колонны «Народный учитель» // Учительская газета. 1942. 23 июля. № 30. С. 1.
19. Плодотворный путь советской школы // Учительская газета. 1942. 14 июня. № 24. С. 1.

20. Поможем нашей Родине взрастить обильный урожай // Учительская газета. 1942. 1 апреля. № 14. С. 2.
21. Приказ народного комиссара просвещения РСФСР № 3 от 9 января 1942 года № 3 // Учительская газета. 1942. 14 января. № 3. С. 1.
22. *Потемкин В. П.* О работе школ за истекший период Великой Отечественной войны и задачах школы в 1943/44 учебном году. Доклад на Всероссийском совещании по народному образованию 2 августа 1943 г. // Учительская газета. 1943. 7 августа. № 32. С. 2.
23. *Сарычева М. В.* По-боевому подготовиться к новому учебному году // Учительская газета. 1942. 13 мая. № 20. С. 2.
24. Там, где были фашисты // Учительская газета. 1942. 1 апреля. № 14. С. 2.
25. У молодых учителей столицы // Учительская газета. 1945. 7 февраля. № 7. С. 3.
26. Учитель Дорофеев и его ученики // Учительская газета. 1941. 16 июля. № 85. С. 3.
27. Учительская газета. 1942. 1 января. № 1.
28. Учительская газета. 1942. 19 марта. № 12.
29. Учительская газета. 1943. 17 ноября. № 47.
30. Учительская газета. 1944. 16 февраля. № 8.
31. Учительская газета. 1944. 8 марта. № 11.
32. Учительская газета. 1944. 1 мая. № 19. С. 3.
33. Учительство — профессия героическая. URL: <https://sites.google.com/view/uchitel-geroi/учителя-герои-вов> (дата обращения: 15.05.2025).
34. Учителя — герои Великой Отечественной войны / сост. Ф. М. Маркова. М.: Педагогика, 1974. 252 с.
35. Учителя-герои // Учительская газета. 1942. 23 февраля. № 9. С. 3.
36. *Черник С. А.* Советская общеобразовательная школа в Великой Отечественной войне: историко-педагогическое исследование. М.: Педагогика, 1984. 239 с.

О. В. Гукаленко, И. Ю. Фроленкова

Педагоги — герои Победы

Введение

Великая Отечественная война стала временем тяжелых испытаний для всей страны, требовавших напряжения всех сил и ресурсов. На фронт уходили представители самых разных профессий: рабочие, инженеры, врачи и, конечно же, педагоги. Учителя, которые посвятили свою жизнь воспитанию и образованию подрастающего поколения, встали в ряды защитников Родины, оставив школы, учеников и свои семьи. Многие из них прошли через тяжелые сражения, проявив невероятное мужество и стойкость. Среди них есть те, кто за свои выдающиеся заслуги был удостоен высшей воинской награды — звания «Герой Советского Союза». Эти люди не только защищали страну на полях сражений, но и продолжали быть примером для своих соотечественников даже в самых сложных условиях.

Педагоги, удостоенные звания Героя Советского Союза, стали символом героизма и самоотверженности, сочетая свою педагогическую деятельность с военной службой. Их вклад в победу над фашизмом и в формирование патриотического духа среди молодежи является важной темой для исследования, поскольку она позволяет лучше понять, как образовательная система адаптировалась к условиям войны и как педагоги смогли сохранить дух надежды и веры в Победу.

Героизм педагогов в годы войны

В годы Великой Отечественной войны педагоги оказали значительное влияние на общество, будучи активными участниками как военной, так и образовательной и общественной деятельности. Сравнительно быстро после начала боевых действий учителя и студенты были призваны к участию в агитационно-пропагандистской работе, что стало важным аспектом в поддержании морального духа населения. Опираясь на многочисленные обращения Наркомпроса, ряд школ с первых дней войны организовали пропагандистские группы, которые занимались вовлечением молодежи в патриотическую деятельность и помощь фронту [12].

Одним из ярких примеров героизма педагогов стало участие в обороне Ленинграда, где многие учителя продолжали обучать детей в условиях суровой блокады. Это вселяло надежду в сердца горожан и стало символом стойкости и верности профессии. Педагоги работали на пределе возможностей,

обучая детей в помещениях, которые часто подвергались бомбежкам, оставаясь верными своему долгу даже в самые трудные времена [1].

Педагоги не ограничивались лишь проведением уроков. Они оказывали посильную помощь сельскому хозяйству. Уборка урожая, так же как разработка и ознакомление с агитационными материалами, стали неотъемлемой частью их жизни в условиях войны.

Значительная часть учителей встала на защиту своих городов, активно участвуя в формировании народного ополчения, спасая детей от сиротства и военных бед [11]. Их усилия помогали сохранить не только образовательный процесс, но и укрепить связь поколений.

Примечательно, что именно переломный 1943 г. стал важной вехой для образования в стране. Именно в этом году И. В. Сталин издал распоряжение о создании Академии педагогических наук СССР. Это свидетельствовало о важности высокой миссии образования и педагогической науки в деле воспитания детей и молодежи.

После коренного перелома в войне началось возвращение к довоенным условиям работы в образовательных учреждениях. Педагоги, стремясь восстановить систему образования, принимали участие в научных исследованиях и образовательных реформах. На педагогических факультетах вузов, таких как Ленинградский педагогический институт, активно осуществлялась подготовка дипломированных специалистов с проведением научных открытий в области педагогики, что способствовало закреплению достигнутого [14].

В годы войны педагоги стали основой для формирования духовного облика нации. Они поднимали вопрос о необходимости развивать патриотизм в молодежной среде и активно включали в программу обучения темы, связанные с героизмом русского народа, житейскими примерами и личными подвигами [7]. Каждая школа становилась тем местом, где формировались патриотический дух и убеждение в необходимости защиты Родины, что позволяло не только сохранить образовательный процесс, но и воспитать новое поколение граждан, готовых к защите своей страны [15].

Таким образом, героизм педагогов заключается не только в их прямом участии в боевых действиях или обороне родных городов, но и в их постоянной работе по восстановлению и сохранению образовательного процесса, что внесло решающий вклад в победу страны.

Заслуги педагогов на фронте и в тылу

Девять из десяти добровольцев из числа педагогов, ушедших на фронт, не вернулись в родные школы, что оставило неизгладимый след в образовательной системе послевоенных лет [21]. Их судьбы отражают трагизмы войны и величие духа, которое двигало педагогами в самые трудные времена [15].

Важность участия учителей в боевых действиях трудно переоценить. Их мужество не только влияло на конкретные сражения, но и вдохновляло учеников [10]. Герои-педагоги не оставляли своих учеников без внимания, даже когда сами находились на фронте. На фронте также находились студенты, которые после обучения активно включались в борьбу с врагом. Их усилия подтвердили, что образование и военные навыки прекрасно сочетались [10].

То есть педагоги, оказавшиеся на передовой, не только защищали Родину, но и продолжали выполнять свою образовательную миссию. Они представляли собой мост между новой, военной реальностью и мирным временем, когда не требовалось оружия, а знания стали самым действенным орудием. В этом контексте педагогический героизм обретает совершенно иную форму, показывая, что работа учителя может быть столь же благородной, как и боевые подвиги на фронте [2].

Фронтвики, ставшие инвалидами, продолжали свою педагогическую деятельность, находя силы и новые формы работы для восстановления образования. После войны, уже вдали от боевых свершений, они занимались воспитанием новых поколений, сохраняя память о своих товарищах и их подвигах. Они становились основой нового образовательного процесса, делясь полученным опытом и знаниями.

В результате усилий педагогов та самая система образования, которая была разрушена войной, стала восстанавливаться, и ученики вновь смогли садиться за парты, чтобы учиться и строить будущее своей страны [9].

В то время как мужчины отправлялись на фронт, женщины, продолжая дело образования, проявляли героизм на пороге войны. Учителя и их ученики собрали более 6691 рубля и 22 755 рублей в облигациях для Фонда обороны, а также передали 2400 рублей для помощи детям фронтовиков. Эти усилия были отмечены благодарностью из Кремля, что подчеркивает значимость их вклада в общее дело [21].

Многие учителя по мере возможности сдавали свое зерно, муку и крупу, овощи и другие продукты питания для пополнения семенного фонда колхозов, продовольственного фонда детских учреждений, домов инвалидов и престарелых. Организаторами всех этих мероприятий в населенных пунктах всегда были учителя.

И военные заслуги педагогов, ушедших на фронт защищать свою страну, и самоотверженность работников тыла останутся в памяти поколений как символы стойкости, и их опыт будет служить примером для будущих учителей, обучающих молодое поколение.

Влияние войны на образовательный процесс

Великая Отечественная война обострила многие проблемы, с которыми сталкивалась система образования, она также стала источником

значительных перемен. В условиях эвакуации и нехватки ресурсов необходимо было оптимизировать работу школ, обеспечивая доступность образования для оставшихся детей [16].

С началом войны множество школ было эвакуировано, число учащихся где-то резко сократилось, а в местах эвакуации значительно увеличилось. Много зданий было или разрушено, или переоборудовано под госпитали. Однако, несмотря на эти трудности, были предприняты шаги для сохранения учебного процесса. Одним из решений стало введение многосменного обучения и активное включение студентов в трудовую практику, основанную на потребностях сельского хозяйства. В учительских коллективах появлялись инициативы, направленные на поддержку детей и родителей, чтобы адаптировать их к новым условиям [19].

Правительством проводились совещания, на которых рассматривались способы оптимизации работы школ в условиях войны. Начальники районных управлений образования старались сохранить целостность образовательной системы, вводя различные новые формы работы. Это требовало огромных организационных усилий, самоотверженного труда педагогов, которые получали государственное признание за свои действия, даже звание Героя Советского Союза [3].

Педагоги — Герои Советского Союза

Тимофей Максимович Шашло

Учитель. Ушел на фронт и стал командиром танка. Не только участвовал в боях, но и обучал молодежь военным навыкам у себя в учебных заведениях до призыва [18].

Станислав Иванович Костров

Преподаватель кафедры гражданской обороны. Был не только активным участником боевых действий, но и занимался военно-патриотическим воспитанием молодежи [13]. Представлял собой пример, вдохновляющий молодежь на патриотические поступки.

Анатолий Петрович Кузовников

Родился в с. Кулагино (ныне — Новосергиевский район), работал в сельском хозяйстве, был батраком. В 1927 г. был призван на службу в РККА. Затем работал учителем, директором школы № 39 в Чкалове.

Окончил два курса Чкаловского государственного педагогического института. Великая Отечественная война застала его студентом, в 1941 г. его повторно призвали в армию. С июня воевал на Западном, Центральном и Белорусских фронтах, в боях два раза был тяжело ранен. В ночь на 29 октября 1943 г. батальон под командованием майора А. П. Кузовникова переправился на один из днепровских островов в Днепроградской области.

В феврале 1946 г. в звании подполковника был уволен в запас, поселился в Краснодаре, работал в политехническом училище и активно занимался общественной деятельностью.

Звание Героя Советского Союза присвоено 15 января 1945 г. Награжден также орденами Александра Невского, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды.

Илья Соломонович Артищев

Майор РККА.

Родился 25 января 1923 г. на хуторе Степановский Оренбургского района Оренбургской области в крестьянской семье.

В феврале 1942 г. Артищев был призван на службу в РККА. В 1944 г. окончил Рижское военное пехотное училище. С февраля 1944 г. — на фронтах Великой Отечественной войны.

К июню 1944 г. лейтенант И. С. Артищев командовал взводом 287-го стрелкового полка 51-й стрелковой дивизии 6-й гвардейской армии 1-го Прибалтийского фронта. Отличился в бою у поселка Шумилино Витебской области. После гибели командира роты Артищев, заменив его, руководил ротой в бою по прорыву линии обороны немецких войск.

В 1948 г. окончил Чкаловскую областную партшколу, в 1951 г. — педагогический институт, после чего был на партийной и педагогической работе.

24 марта 1945 г. был удостоен высокого звания Героя Советского Союза с присвоением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Иван Васильевич Корольков

Родился 4 октября 1919 г. в с. Тундрию (ныне Сургутский район Ханты-Мансийского автономного округа) в крестьянской семье.

Великая Отечественная война застала его студентом: он заканчивал второй курс университета. Участвовал в боях с декабря 1942 г.

Окончил исторический факультет Пятигорского государственного педагогического института в 1949 г. Получив диплом с отличием, работал преподавателем кафедры истории. Занимал пост декана историко-филологического факультета в 1954–1957 гг., пост ректора Читинского государственного педагогического института в 1958–1964 гг.

Федор Михайлович Пузырев

Родился 2 февраля 1920 г. в с. Усть-Теленгуй Забайкальской области в крестьянской семье.

После окончания школы и курсов учителей начальных классов он работал педагогом, но в 1940 г. был призван в армию. С 1942 г. он воевал на фронте, проявив особое мужество при удержании плацдарма на правом берегу реки Нарев у подступов к Варшаве. Его умение работать с людьми, организованность и лидерские качества, приобретенные в педагогической деятельности, стали решающими в боевых условиях. Под его командованием подразделение удерживало позиции, обеспечив успех операции.

За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм 21 февраля 1945 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Подвиг Ф. М. Пузырева — яркий пример того, как профессиональные навыки педагога помогали в военное время.

Николай Алексеевич Кондаков

Педагог из Якутии. Родившись в крестьянской семье, он окончил Вилюйское педагогическое училище и начал работать учителем начальных классов.

Когда началась война, был призван в Красную армию и служил командиром огневого взвода. Его отвага проявилась 25 января 1945 г. при форсировании реки Одер в районе польского города Ополе. Под его руководством взвод первым переправил орудия на левый берег, обеспечив успех наступления.

За этот подвиг Николаю Кондакову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза в 1990 г.

Феофилакт Андреевич Зубалов

Родился 15 сентября 1915 г. в с. Гуниакала (ныне Цалкский муниципалитет Грузии) в семье служащего. Окончив в родном селе неполную среднюю школу и два курса Цалкского педагогического техникума, работал учителем сельской школы.

Служил в рядах Красной армии с 1936–1939 гг. Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. В 1942 г. стрелковый батальон, которым он командовал, на подступах к Сталинграду в неравном и кровопролитном бою овладел господствовавшей над местностью высотой «Фигурная» и важным

в стратегическом плане населенным пунктом на правом берегу реки Дон — Новая Калитва (Воронежская область), обеспечив прорыв советским войскам.

После войны окончил Пятигорский государственный педагогический институт в 1951 г. Работал на руководящих должностях.

20 декабря 1943 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм гвардии капитану Ф. А. Зубалову было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Иван Потапович Аплетов

Командир пулеметного взвода 164-го стрелкового полка (33-я стрелковая дивизия, 1-я ударная армия, 3-й Прибалтийский фронт), старший лейтенант.

Родился 24 апреля 1921 г. в с. Сухой Донец (ныне Богучарского района Воронежской области) в семье крестьянина. Окончил педагогическое училище в Ростовской области. Работал учителем.

В 1940 г. был призван в РККА. Участник Великой Отечественной войны с января 1942 г. 26–27 июля 1944 г. с группой из 15 человек вышел в тыл врага, занял шоссе и отразил 8 контратак противника. Находясь в окружении, в течение суток удерживал за-

нимаемый рубеж и огнем пулеметов обеспечивал действия батальона. В этом бою уничтожено более 130 фашистов и во время рукопашного боя захватил двух немцев в плен. Боевая задача была успешно выполнена.

За образцовое выполнение заданий командования и проявленные мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками старшему лейтенанту И. П. Аплетову было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Николай Сидорович Бевз

Командир огневого взвода 201-го минометного полка 12-й отдельной минометной бригады Верховного Главнокомандования 38-й армии Воронежского фронта, младший лейтенант.

Родился 19 февраля 1924 г. в п. Шарко-Бакумовка (ныне Панинского района Воронежской области) в крестьянской семье. Окончил среднюю школу в Воронеже 21 июня 1941 г.

В Красную армию призван в июле 1942 г. Панинским райвоенкоматом Воронежской области. Будучи командиром огневого взвода 201-го минометного полка (12-я отдельная минометная бригада Верховного Главнокомандования, 38-я армия, Воронежский фронт), отличился при форсировании реки Днепр и особо — в боях на легендарном «Лютетжском плацдарме».

После войны жил в Воронеже. В 1950 г. окончил Воронежский государственный педагогический институт. Работал заведующим кафедрой физической географии педагогического института; доктор географических наук, профессор.

10 января 1944 г. за мужество и героизм младшему лейтенанту Н. С. Бевзу было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Андрей Матвеевич Ковалев

Командир танкового батальона 55-й гвардейской танковой бригады 7-го гвардейского танкового корпуса 3-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта, гвардии капитан.

Родился 16 (29) декабря 1916 г. в с. Новоникольск (ныне Богучарского района Воронежской области) в крестьянской семье. Русский. В 1936 г. окончил педагогическое училище в г. Ростов-на-Дону.

10 января 1944 г. за мужество и героизм гвардии капитану А. М. Ковалеву было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Виктор Ильич Ливенцев

Командир 1-й Бобруйской партизанской бригады Белоруссии, полковник.

Родился 21 апреля 1918 г. в с. Давыдовка Лискинского района Воронежской области в семье служащего. В 1937 г. окончил два курса Воронежского педагогического института. В 1937–1938 гг. работал учителем Лискинской средней школы.

22 июня 1941 г. принял первый бой вблизи Западной границы.

В 1952 г. окончил республиканскую партшколу, затем в 1955 г. — Минский педагогический институт имени М. Горького.

1 января 1944 г. за мужество и героизм, проявленные при выполнении заданий в тылу противника, за особые заслуги в развитии партизанского движения в Белоруссии В. И. Ливенцеву было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Сергей Владимирович Гришин

Заведующий Выползовской начальной школы — командир знаменитого партизанского полка «Тринадцать». Осенью 1941 г. им была создана антифашистская группа, которая выросла в партизанский отряд «Дедушка». Отряд участвовал в освобождении г. Дорогобужа, вел бои за станцию Дорогобуж (п. Сафоново), освобождение которой позволило перерезать важнейшую для немецких войск магистраль Москва — Минск. Вскоре отряд Гришина стал

известен как «Тринадцать». Он воевал в тылах противника на территории Смоленской области, а затем и в Белоруссии. Был распущен слух, что этот полк возглавляет опытный советский генерал. Полк разгромил 40 гарнизонов противника, взял в плен 14 тыс. гитлеровцев, пустил под откос 314 железнодорожных эшелонов, взорвал 100 мостов. Интересно, что под командованием Гришина служило немало учителей и людей, ставших педагогами впоследствии.

Заслуги С. В. Гришина были высоко оценены и 7 марта 1943 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Тимофей Максимович Максимов

Родился 9 июня 1917 г. в д. Зеленый Луг (ныне Велижский район Смоленской области). После окончания семилетней школы и педагогического училища работал завучем, директором неполной средней школы.

С октября 1941 г. — на фронтах Великой Отечественной войны. В боях три раза был ранен.

15 января 1945 г. за образцовое выполнение заданий командования и проявленные мужество и героизм в боях с немецкими захватчиками гвардии

лейтенант Т. М. Максимову было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Алексей Митрофанович Туриков

Советский летчик, участник Великой Отечественной и Советско-японской войн, штурман эскадрильи 99-го бомбардировочного авиационного полка 223-й бомбардировочной авиационной дивизии 2-го бомбардировочного авиационного корпуса 16-й воздушной армии, капитан.

Родился 3 февраля 1920 г. в д. Зальково (ныне Монастырщинского района Смоленской области) в семье крестьянина. С 1922 г. семья Туриковых жила в п. Внуково того же района. Окончив Внуковскую

начальную и Монастырщинскую семилетнюю школы, А. М. Туриков поступил в Соболевское педагогическое училище. После окончания училища работал учителем.

1 мая 1943 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм капитану А. М. Турикову было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Василий Иванович Зюзин

Подполковник РККА.

Родился в с. Новоорловка Сакмарского района в семье крестьянина. По окончании девяти классов работал учителем в Новоспасской школе, одновременно обучаясь на заочном отделении Чкаловского учительского института.

В армию призвали в 1941 г., через год окончил второе Пензенское артиллерийское училище. С февраля 1942 г. до победы над Германией воевал на Северо-Западном, Брянском, Белорусском, Украинском фронтах, участвовал в оборонительных боях под Старой Руссой, в Курской битве. Освобождал от захватчиков Брянскую область, Украину и Белоруссию, Польшу, дошел до территории Германии.

После окончания войны Зюзин продолжил службу в Советской армии.

Награжден орденами Великой Отечественной войны I и II степени, орденом Красной звезды, более чем десятью медалями. Звания Героя Советского Союза удостоен 31 мая 1945 г. за отвагу и мужество, проявленные при форсировании Одера, захвате и удержании плацдарма на западном берегу этой реки.

Андрей Яковлевич Ворончук

Родился в д. Горваль Речицкого района в семье крестьянина. Окончил семь классов неполной средней школы, затем в 1932 г. — Речицкий педагогический техникум. Участник боев за Халхин-Гол.

В 1942 г. окончил курсы младших лейтенантов. С 1943 г. в действующей армии.

После войны окончил Академию им. М. В. Фрунзе, а в 1965 г. — Киевский государственный университет. Работал директором средней общеобразовательной заочной школы.

Награжден орденом Ленина, Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями. 30 октября 1943 г. лейтенанту А. Я. Ворончуку было присвоено звание Героя Советского Союза.

Заключение

Можно утверждать, что вклад педагогов, удостоенных звания Героя Советского Союза, в ход Великой Отечественной войны является не только значимым, но и вдохновляющим примером мужества, героизма, самоотверженности и преданности своему делу. Исследование биографий этих выдающихся людей позволяет глубже понять, как в условиях

войны, когда на кону стояло будущее всей страны, они не только сражались на фронте, но и продолжали выполнять свою педагогическую миссию, воспитывая новое поколение, готовое к защите Родины.

Педагоги-герои продемонстрировали, что их призвание не ограничивается стенами учебных заведений. Они стали настоящими защитниками Отечества, проявляя отвагу и мужество в боевых действиях, а также в тылу, где их знания и опыт были необходимы для организации учебного процесса в условиях войны.

В условиях военного времени система образования претерпела значительные изменения, адаптируясь к новым реалиям. Педагоги, несмотря на трудности, продолжали обучать детей, передавая им не только знания, но и ценности, такие как патриотизм, мужество и готовность к самопожертвованию. Они использовали все доступные средства для того, чтобы воспитать в своих учениках любовь к Родине, уважение к ее истории и культуре, а также готовность к служению ей. Это формировало у молодежи дух, необходимый для преодоления трудностей и защиты своей страны.

Педагоги, удостоенные звания Героя Советского Союза, не только внесли значительный вклад в победу над фашизмом, но и оставили неизгладимый след в сердцах своих учеников. Их подвиги и достижения должны быть увековечены в памяти народа, чтобы будущие поколения знали о тех, кто, несмотря на все трудности, продолжал верить в светлое будущее и воспитывать патриотов своей страны.

Список литературы

1. *Васильева О. И.* Советская школа — могучее оружие Великой Победы // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2020. № 2. С. 163–169.
2. *Володин О.* И в боях, и в труде... // Народное образование. 2010. № 4. С. 78–86.
3. *Гуркина Н. К.* Российская школа в годы Великой Отечественной войны (особенности управления и развитие образовательной системы) // Управленческое консультирование. 2020. № 10. С. 146–156.
4. *Заводсков И. Н.* Военно-патриотическое воспитание ульяновских школьников в конце 1920-х — 1930-х гг. // Гуманитарные исследования Центральной России. 2023. № 3. С. 22–31.
5. *Колтакова А. П., Семенова Ю. А., Дегтярева А. П.* Учителя олекминского улуса в годы Великой Отечественной войны // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 69–3. С. 121–122.
6. *Кутякова Н. К., Ферцгер В. Ю.* Формирование у школьников активной жизненной и гражданской позиции в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2016. № 2. С. 266–269.

7. *Малхасян Н. В.* Общественная деятельность учительской интеллигенции в годы Великой отечественной войны // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 1–2. С. 76–77.
8. *Малхасян Н. В.* Политика советского правительства в области народного образования в годы Великой Отечественной войны // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 3. С. 55–57.
9. *Никонов А. В.* О преподавателях НИИГАиК — участниках Великой Отечественной Войны // Вестник Сибирского государственного университета геосистем и технологий. 2022. № 3. С. 164–176.
10. *Номогоева В. В., Цырendonдокова А. С., Гырженов В. В.* Участие преподавателей и студентов БМГПИ в Великой Отечественной войне // Общество: философия, история, культура. 2021. № 8. С. 63–67.
11. *Овчинников А. В.* Власть и учительство России в годы Великой Отечественной войны // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. № 2. С. 7–17.
12. *Овчинников А. В.* Роль государства и учительской общественности в обучении и воспитании школьников в годы Великой Отечественной войны (по материалам Московского региона) // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 2. С. 10–23.
13. *Ошаев А. Г.* Преподаватель Марийского государственного педагогического института им. Н. К. Крупской С. И. Костров — Герой Советского Союза // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2020. № 4. С. 374–382.
14. *Павлов Д. А., Павлова Л. Л.* Патриотическое воспитание в советском Союзе в 30–40 гг. XX века // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 3–2. С. 87–94.
15. *Пелих И. Д.* Педагоги института детства в годы войны. 1941–1945 // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2018. № 188. С. 121–132.
16. *Помелов В. Б.* Отечественное образование в годы Великой отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. № 4. С. 364–369.
17. *Пономарев Е. Р.* Учебник патриотизма (литература в советской школе в 1940–1950 годы) // Новое литературное обозрение. 2009. № 97. С. 28–63.
18. *Проценко В.* Герои среди вас // Народное образование. 2010. № 4. С. 87–97.
19. *Россинский Ю. Г.* Система образования РСФСР в годы Великой отечественной войны // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 2. С. 24–39.
20. *Смирницкий А. Е., Старикова Н. В., Шуришкова А. В., Нартымов Д. М.* Опыт патриотического воспитания советской школьной молодежи в первые послевоенные годы (1946–1956 гг.) // Клио. 2024. № 4. С. 144–150.
21. Страницы летописи учительского подвига. Хроника школьной жизни в годы войны // Народное образование. 2010. № 4. С. 39–47.

О. В. Гукаленко, И. Ю. Фроленкова

Уроки мужества: педагоги в годы Великой Отечественной войны

Изучение и обобщение исторического опыта советского народа на пути к 9 мая 1945 г. является одной из приоритетных тем отечественной историографии, что помогает открывать для каждого из нас и общества в целом новые страницы далекой войны. Тема сохраняет свою актуальность в канун 80-летия Победы, поскольку во многих странах усилились попытки фальсифицировать и переписать историю Великой Отечественной войны, исказить роль и значимость советского народа в Победе над Германией не только для России, но и в мировой истории. Мы заново осмысливаем героические и трагические эпизоды минувшего, воздаем должное бессмертному подвигу народа-победителя, извлекаем уроки из прошлого для настоящего и будущего.

Во время Великой Отечественной войны учителя и педагоги были не только наставниками молодого поколения, которые учили молодежь защищать их родину, но и являлись участниками военных действий, совершали подвиги. При этом они и продолжали свою образовательную деятельность, и активно участвовали в жизни общества, помогая детям и семьям справляться с трудностями военного времени. Все это делает их выдающимся примером мужества и героизма.

Приведем примеры, подтверждающие героическую деятельность педагогов во время Великой Отечественной войны на фронте и в тылу.

Благовещенский педагогический институт

С самого начала войны преподаватели Благовещенского педагогического института не остались в стороне от событий, которые разворачивались на Дальнем Востоке. Понимая всю угрозу со стороны Японии, которая могла в любой момент начать войну с Советским Союзом, преподаватели активно включились в мобилизацию. В 1942/43 учебном году 47 преподавателей и студентов института стали солдатами Красной армии. Оставшиеся мужчины и женщины наряду с преподавательской деятельностью активно участвовали в строительстве оборонительных сооружений, помогая укреплять рубежи, занимались военной медицинской подготовкой. Сами проходили и помогали вести курсы по военному

делу, обучение медсестер и водителей автомобилей, которые были организованы непосредственно на базе института [4].

Г. П. Иванов, преподаватель института, вспоминает: «В эти дни мы чувствовали, что фронт по существу рядом с нами, — на противоположном берегу Амура мы видели японских солдат и знали, что Япония может в любую минуту начать войну с нами» [4].

Педагоги Благовещенского пединститута, которые остались, стремились передать студентам не только знания, но и дух победы, необходимость участвовать в защите Родины. Студенты дополнительно обучались на трактористов, комбайнеров и шоферов. Эти курсы были необходимы для обеспечения нужд фронта и сельского хозяйства в условиях войны [1].

Кемерово

В 1941 г. почти все педагоги-мужчины ушли на фронт. 113 учителей-кемеровчан не вернулись с полей сражений. Среди них: Н. И. Жадовец (школа № 18), Мироненко (школа № 12), Ступников (школа № 2), Никитин, Г. В. Вохмятин, А. Н. Вирский (все — школа № 24), И. П. Петров (школа № 18), Сидоров (школа № 19), Дупшляк (школа № 12). Только из одной школы № 24 не вернулись семь человек. Так, например, учитель географии Н. И. Бажин служил рядовым, умер от ран в госпитале. Завуч школы Г. В. Вахманин — прекрасный педагог, любимый учитель — был также призван в армию. Он окончил курсы танкистов в Томске, затем был отправлен на фронт, участвовал в боях под Сталинградом, в январе 1943 г. пал смертью храбрых.

Учителя-фронтовики, вернувшись с войны, были в первых рядах работников народного образования. Среди них А. В. Бобков, С. А. Катасонов, М. Я. Вознесенский, П. Д. Белозеров, Н. И. Ананьев, П. И. Журавлев, В. М. Скибин, А. И. Ефремов, Г. И. Креков, И. Н. Новиков, Г. П. Меновщиков, В. А. Павловский и многие другие.

Степан Андреевич Катасонов

Степан Андреевич Катасонов родился 4 апреля 1910 г. в небольшом селе Алтайского края в крестьянской семье. В 1926 г. окончил сельскую семилетнюю школу и поступил учиться в Бийский педагогический техникум, в 1930 г. уже начал работать сельским учителем. В 1935 г. поступил учиться в Томский государственный университет, а в 1938 г. был призван на службу в армию.

В 1959 г. он возглавляет среднюю школу № 40, где проработал до самого ухода на пенсию в 1977 г. В 1966 г. стал заслуженным учителем РСФСР.

Награжден орденом Красного Знамени, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Сигизмунд Марьянович Дверницкий

Учитель истории и химии. Попал на фронт в октябре 1944 г. Участвовал в боях на 3-м Белорусском фронте, был в Пруссии, в Польше — рядовым пулеметчиком.

Затем до конца жизни работал учителем истории и химии в Мало-Толмовской средней школе № 25 и в вечерней школе г. Салаира.

Имеет боевые награды: Орден Отечественной войны II степени, медаль «За Победу над Германией».

Брянская область

Сергей Петрович Васильцов

Учитель физики и математики Замишенской средней школы Новозыбковского района, директор Нижневской средней школы Стародубского района.

Родился в 1923 г. в с. Замишеве Новозыбковского района (ныне Брянской области).

В годы Великой Отечественной войны был на фронте. В 1941 г. обучался в 8-й авиационной школе пилотов Приволжского военного округа, но в авиации воевать не пришлось. С 1942 г. командир отделения взвода разведки 10-го стрелкового полка 45-й стрелковой дивизии Сталинградского фронта. В 1943 г. был ранен и находился на излечении в г. Саратове. Затем воевал на Волховском фронте, был командиром отделения отдельного саперного батальона 256-й стрелковой дивизии. В 1944 г. — вновь ранение и лечение в г. Боровичи Ленинградской области.

Тверская область

Алексей Сергеевич Агафонов

Один из очень немногих оставшихся ветеранов, кто воевал с первого до последнего дня войны.

28 октября 1940 г. был призван в ряды Красной Армии в 318-й Гаубичный артиллерийский полк большой мощности Белорусского военного округа. Начало Великой Отечественной войны встретил 22 июня в Бобруйских учебных лагерях разведчиком артиллерийского полка, который был направлен защищать Москву. В составе полка в октябре — декабре 1941 г. участвовал в обороне Москвы и зимой 1942 г. в разгроме немецко-фашистских войск под Москвой.

После увольнения в запас с 1978 по 1992 г. работал в Тверском государственном университете доцентом кафедры автоматизированной обработки экономической информации и статистики.

Награжден двумя орденами Красной Звезды, тремя орденами Отечественной войны II степени, орденом Отечественной войны I степени, орденом Александра Невского и 25 медалями, в том числе «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За взятие Берлина» и «За освобождение Праги». Будучи еще в звании капитана, получил генеральскую награду — редкий военный орден «Александра Невского».

Сергей Григорьевич Савельев

Кандидат философских наук, доцент.

Родился в д. Кустово Первитенской волости Тверского уезда 28 октября 1920 г. В 1928 г. семья переехала в Тверь. В 1939 г. он окончил школу № 1 г. Калинин и поступил на исторический факультет Калининского государственного педагогического института (КГПИ).

С 26 июня 1941 г. — на фронтах Великой Отечественной войны. Прошел боевой путь от Москвы до Берлина. Служил оперативным дежурным 4-го отдельного запасного батальона воздушного наблюдения, оповещения и связи в Москве. С 1942 г. — комсорг 386-го отдельного ремонтно-восстановительного линейного батальона связи на Сталинградском, Северо-Кавказском, 1-м и 2-м Украинском фронтах (Сталинград, Краснодар, Польша, Румыния, Чехословакия, Венгрия, Германия). Был ранен.

В октябре 1945 г. демобилизовался и вернулся на 3-й курс КГПИ. С 1947 до 1983 г. работал преподавателем на кафедре марксизма-ленинизма.

За проявленное мужество был награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Кавказа», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

Томск

Гавриил Андреевич Будько

Родился в 1924 г. в с. Новорождественское.

После 9-го класса в 1942 г. был призван на фронт. Воевал в 203-м гвардейском полку 70-й гвардейской стрелковой дивизии на Курской дуге, участвовал в форсировании Днепра, Припяти. В 1943 г. был ранен. После возвращения в строй дошел до Берлина в должности начальника радиостанции при штабе бригады.

Награжден орденом Красной Звезды, польским орденом «Крест Храбрых», медалью «За боевые заслуги», орденом Отечественной войны I степени.

Михаил Иванович Семенов

В 1939 г. начал свою педагогическую деятельность в Асиновском районе Томской области учителем географии. С 1942 по 1945 г. воевал на 1-м Белорусском фронте.

После фронта пришел в школу № 19 г. Томска.

Награжден медалями: «За отвагу», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

Виктор Алексеевич Кондратьев

Родился 30 января 1916 г. в Борзинском районе Читинской области. В 1932 г. окончил курсы фотографии и рисования при художественной студии в г. Чите. Работал учителем рисования и черчения в сельской школе. В 1938 г. приехал в Томск и поступил в педагогический техникум. Здесь он получил помимо педагогического музыкальное образование по классу скрипки.

3 июля 1941 г. отправился на фронт в составе 178-й стрелковой дивизии, сформированной в Омске.

Был награжден медалью «За отвагу» и двумя орденами Красной Звезды.

Новосибирская область

Милинтина Георгиевна Кондратова

Штурман 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиационного Краснознаменного Таманский ордена Суворова полка, лейтенант.

Родилась 17 декабря 1918 г. в с. Карасеве (ныне Черепановского района) в семье крестьянина.

6 июля 1941 г. ее, студентку истфака, призвали на военную службу и после прохождения курса подготовки отправили на Северо-Кавказский фронт. Воевала стрелком-бомбардиром и штурманом экипажа в ближнебомбардировочных 588-м ночном (женском) (с апреля 1942 г., на самолете У-2) и 244-м дневном (мужском) (с августа того же года) авиационных полках. В 1943 г. участвовала в перегонке полученных по ленд-лизу американских самолетов.

Интересный факт о летчице: во время Великой Отечественной войны, на Кубани, она встретила со своим земляком Александром Ивановичем Покрышкиным, и когда он спросил ее, что привезти из Новосибирска, куда летит его сослуживец, то она ответила: «Огоньки. Наши сибирские огоньки. Это самые лучшие цветы в мире...» [4].

Получила ряд наград, в том числе орден Красной Звезды.

Павел Парамонович Лановенчик

Родился 3 марта 1925 г. в с. Медведское Черепановского района Новосибирской области. После окончания 10-го класса Маслянинской средней школы работал учетчиком тракторной бригады в совхозе, а затем учителем начальных классов Елбанской школы.

В январе 1943 г. призван в Красную армию, воевал в должности командира отделения противотанковых ружей. В ноябре 1943 г. в нескольких километрах от Киева расчет орудия, наводчиком которого был П. П. Лановенчик, уничтожил прорвавшийся вражеский танк. В тот же день Павел Парамонович был тяжело ранен, после длительного лечения в госпитале признан негодным к военной службе и демобилизован.

После возвращения в Маслянинский район работал учителем истории, затем директором школы — более 40 лет. В 2020 г. в Маслянино

была открыта новая школа (на 275 учеников) — средняя общеобразовательная школа им. П. П. Лановенчика [3].

Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени, медалями «За доблестный труд» и др.

Новороссийск

Вера Васильевна Артамонова

Преподавала в школе № 6 на хуторе Красная Нива.

Когда фашисты подошли к станице, поступило распоряжение всем руководителям колхозов и организаций немедленно отступить в горы, сохранить документы организаций и архивы. В августе 1942 г. молодая учительница истории вместе с группой партийных работников помогала вывозить ценные документы.

В 1950-е гг. она вернулась в родную школу № 6.

Награждена медалями «За оборону Кавказа» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Тамбовская область

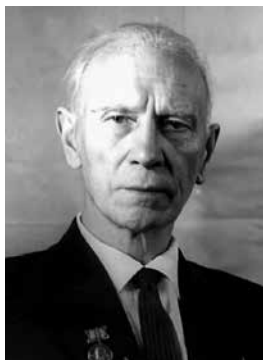

Николай Павлович Лапшин

Один из тех бойцов, которые с первых дней и до последних минут войны сражались за Родину. Воевал на Ленинградском и Белорусском фронтах, участвовал во взятии Берлина.

В послевоенные годы работал в Тамбовской области директором школы, инспектором районо, заместителем председателя райисполкома.

Был награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями «За оборону Ленинграда», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

Николай Николаевич Ляпин

Заслуженный учитель РСФСР (1957).

Родился 14 марта 1886 г. в с. Земетчино Моршанского уезда Тамбовской губернии (ныне р. п. Земетчино Пензенской области) в крестьянской семье. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Окончил Пензенскую учительскую семинарию, Рязанский педагогический институт в 1937 г.

Участник Великой Отечественной войны.

После войны работал в школах с. Земетчино, школе крестьянской молодежи, преподавателем математики школы № 4 г. Моршанска.

Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, медалями.

Курганская область

Владимир Иванович Суставов

Родился в г. Шадринске Курганской области. Там же закончил среднюю школу с педагогическим уклоном. После окончания школы сразу стал преподавателем физики и математики в г. Златоусте. Затем поступил в Свердловский педагогический институт. После его окончания был назначен директором школы № 74.

Весной 1942 г. ушел в ряды РККА, был зачислен в артиллерийскую военную часть рядовым, стал сержантом. 31 января 1943 г. он погиб в бою под Курском. Похоронен у станции Кшень около Курска. Из письма: «...нахожусь на одном из участков Брянского фронта, недалеко от Дона. Служу в артиллерии в качестве планшетиста-вычислителя. Числюсь рядовым, но выполняю работу командира отделения. Около двух месяцев нахожусь на передовой линии фронта. Неоднократно участвовал в боевых действиях. Немец от нашего расположения близко...» [4].

Евгений Емельянович Козлов

Завуч школы в марте 1942 г. ушел на фронт. Ему было 33 года. В июле был ранен осколком гранаты, больше месяца лежал в госпитале под Москвой, затем снова был отправлен на фронт.

От Евгения Емельяновича пришло в школу более тридцати писем. В июле 1943 г. он погиб.

Из письма Е. Е. Козлова от 28 августа 1942 г.: «...наконец получили долгожданный приказ наступать. Двинулись на запад. Преодолев первое сопротивление, наши двинулись вперед. Немцы, не выдержав натиска, побежали назад. Идем по свежим следам...» [6].

Тюменская область

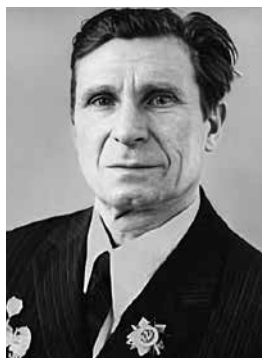

Нина Андреевна Новгородова

Проректор, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы. Стаж работы в Тобольском педагогическом институте составил 50 лет.

За участие в военных действиях награждена орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалью «За боевые заслуги».

Пензенская область

Петр Андреевич Ломакин

Родился 19 ноября 1923 г. в с. Малиновка Наровчатского района Пензенской области.

Призван в Красную армию 28 февраля 1942 г. и направлен в Моршанское стрелково-минометное училище. После окончания училища 1 октября в звании младшего лейтенанта был направлен на должность командира минометной батареи. Со своей дивизией воевал под Сталинградом и на Курской дуге. 7 февраля 1943 г. был ранен под г. Лисичанском Ворошиловградской области. По ранению демобилизован из армии в ноябре 1944 г.

Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, медалью «За победу над Германией».

Амурская область

Николай Петрович Гречачин

В армию попал в 1940 г., служил на Дальнем Востоке. С 1941 по 1943 г. учился на курсах военных переводчиков японского языка во Владивостоке. Затем до 1945 г. был переводчиком в штабе 124-го полка и в штабе 26-го стрелкового корпуса. В 1945 г. участвовал в войне против Японии.

В 1958 г. с отличием окончил факультет механизации сельского хозяйства Благовещенского сельскохозяйственного института, остался работать на кафедре сельскохозяйственных машин.

Был награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги» и др. медалями.

Кировская область

Татьяна Тимофеевна Шерстнева

Родилась 2 февраля 1921 г. в п. Рублево Уржумского района Кировской области. После окончания средней школы училась в педагогическом училище.

В 1942 г. добровольцем ушла на фронт. Служила зенитчицей в составе 56-й зенитно-артиллерийской дивизии, охранявшей подступы к Москве.

После войны работала в г. Кирово-Чепецке в школах № 1 и № 3, преподавала рисование.

Награждена орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией» и др.

Ленинградская область

Иван Васильевич Кузнецов

До войны был директором средней школы в Невской Дубровке.

Неоднократно просил об отправлении на фронт, пока наконец его не направили в военно-политическое училище, а затем и на передовую. Он воевал два года до победного мая 1945 г. Служил заместителем командира роты бронемашин, командиром взвода, парторгом батальона. Был дважды ранен, контужен.

Заключение

Особая роль в достижении Победы в Великой Отечественной войне принадлежит учителям-фронтовикам, сражавшимся на передовой. Мемуары и архивные документы учителей-фронтовиков дают уникальную возможность погрузиться в их личные истории. В архивах хранятся письма, воспоминания и документы, которые рассказывают о том, как учителя, оставив свои классы, отправлялись на фронт, чтобы с оружием в руках защищать мир от фашизма. Эти документы отражают

не только их подвиги, но и сильную связь с учениками. Сохранилось множество историй, основанных на их воспоминаниях, о том, как они старались стать для своих учеников примером стойкости, не оставляют равнодушными.

Некоторые педагоги были зачислены в народное ополчение или работали в тылу, помогая с переподготовкой солдат, организацией работы медицинских пунктов и другими важными задачами. Учителя организовывали сбор средств и материалов для фронта, собирали гуманитарную помощь для солдат и нуждающихся.

Несмотря на разрушения и эвакуацию, педагоги продолжали обучать детей, организовывая занятия в школах, которые часто становились убежищами для местных жителей. Педагоги заботились о своих учениках, помогая им справляться с психологическими травмами и потерей близких. Они организовывали группы поддержки, проводили занятия по искусству и спорту, чтобы отвлечь детей от ужасов войны. Учителя проявляли мужество, доблесть и преданность своему делу, обучая детей в сложнейших условиях. Они создавали временные учебные заведения, проводили занятия в бомбоубежищах и на фронте. Активно участвовали в эвакуации детей из зон боевых действий, организовывали обучение в новых местах. Учителя играли важную роль в поддержании духа детей и их семей, а также занимались сохранением культурного наследия, проводя уроки о литературе, искусстве и истории. Они проводили патриотические мероприятия, помогали формировать у школьников чувство долга, любви к Родине и осознание важности защитников страны [6].

Женщины, оставшиеся в тылу, брали на себя дополнительные обязанности: они работали на заводах, ухаживали за детьми и пожилыми людьми. И они тоже стремились передать детям знания о ценностях и традициях страны.

Например, учитель Максимовской школы Михаил Васильевич Якименко, командовавший на фронте взводом автоматчиков, после демобилизации вернулся в свою школу, продолжив педагогическую деятельность. Подобных примеров множество: фронтовики возвращались в родные школы и вузы, чтобы восстановить разрушенную войной систему образования. Учителя выполнили свой долг, не только защищая Родину, но и обеспечивая будущее своей страны.

Память о подвигах педагогов на фронте и в тылу живет до сих пор и служит примером мужества и преданности своему делу.

Список литературы

1. *Гуркина Н. К.* Российская школа в годы Великой Отечественной войны (особенности управления и развитие образовательной системы) // Управленческое консультирование. 2020. № 10. С. 146–156.

2. Защитник Сталинграда // Неизвестные герои Великой Отечественной войны. 2023. URL: <https://неизвестныегерои.рф/history/2023-zabaykale/zashchitnik-stalingrada/> (дата обращения: 15.05.2025).
3. Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение Маслянинского района Новосибирской области «Средняя общеобразовательная школа имени П. П. Лановенчика». URL: <https://shkolalanovenchika.edusite.ru/> (дата обращения: 15.05.2025).
4. Педагоги Великой Победы: преподаватели, выпускники и студенты БГПУ на фронтах Великой Отечественной // Амурская правда. 17.05.2022. URL: <https://ampravda.ru/2022/05/17/112674.html> (дата обращения: 15.05.2025).
5. Писанко — Успенская — Савельевы // Администрация города Благовещенска. Летопись семейных династий города Благовещенска. URL: <https://admblag.ru/citylife/letopis-semeynukh-dinastiy-goroda-blagoveshchenska-/semya-pisanko-uspenskaya-savelevy/> (дата обращения: 15.05.2025).
6. Страницы летописи учительского подвига. Хроника школьной жизни в годы войны // Народное образование. 2010. № 4. С. 39–47.
7. Ф. М. Пузырев в воспоминаниях родственников и сослуживцев. [Электронный ресурс]. URL: <http://press.sibcity.ru/files/contest1166.pdf>. (дата обращения: 15.05.2025. Архивировано из оригинала 11.07.2013).

И. Ю. Фроленкова

Значение преемственности поколений для воспитания детей и молодежи в годы Великой Отечественной войны и после ее окончания

Введение

Династии педагогов-защитников, которые в годы войны не только обучали детей, но и сами принимали участие в боевых действиях Великой Отечественной войны, стали символом мужества, стойкости и преданности своей Родине. Также неоценим их вклад в сохранение памяти о героизме фронтовиков и жертвах войны.

В настоящее время важно глубже понять роль династий педагогов-защитников в годы Великой Отечественной войны, рассмотреть исторический контекст, в котором действовали династии, их судьбы и вклад в дело обучения и воспитания, а также показать роль современных педагогов, которые активно способствуют воспитанию уважения к истории и сохранению памяти о героях войны. Их наставления и действия становятся важными элементами в формировании гражданской позиции молодежи, что особенно актуально в год 80-летия Великой Победы над фашистской Германией. Поэтому требуется проанализировать влияние историко-культурного военного наследия на современное общество, на сохранение исторической памяти и воспитание уважения к ней.

Исторический контекст династий педагогов-защитников

В годы Великой Отечественной войны роль педагогов — защитников Родины приобрела особую значимость, поскольку они должны были не только сохранить образовательный процесс, но и обеспечить безопасность детей. Педагоги, нередко сами становясь участниками боевых действий или трудовой тыловой жизни, проявляли невероятную стойкость и решимость. Сложные условия, в которых им приходилось работать, нередко требовали от них героических поступков и жертв.

Одним из ярких примеров можно назвать замечательную личность — Матрену Вольскую — учительницу и партизанку, организовавшую эвакуацию более 3200 детей из зоны оккупации. Матрена совершила подвиг, спасая детей. Дети преодолели свыше 200 км, уклоняясь от опасностей. Этот опыт стал важным примером педагогической и гуманитарной работы, когда учительская деятельность потребовала героизма и решительности [4, с. 5–6].

После войны актуальной задачей стало восстановление образовательного процесса. Так, Л. М. Беспалов после возвращения с фронта в родной г. Гжатск Смоленской области занялся восстановлением учебного процесса в разрушенной школе и вдохновлял своих учеников на изучение науки. Его трудоспособность и энергия принесли результаты. Юрий Гагарин вспоминал Беспалова как своего вдохновителя на пути к достижению высоких целей.

Следует отметить и более широкие изменения в школе и образовании, которые стали ответом на вызовы времени. В период войны произошли трансформации в содержании учебных программ, углубились патриотические и гуманитарные темы, что повлияло на воспитание будущих граждан [17].

Педагогические династии в годы Великой Отечественной войны и их роль в воспитании исторической правды и патриотизма¹

Педагогическая династия Хватовых

Общий педагогический стаж 90 лет.

Анатолий Иванович Хватов родился в 1919 г. в д. Сколепово Судиславского района. В 1941 г. выпустился из Педагогического института. Принимал участие в Великой Отечественной войне. С 1946 по 1951 г. работал инспектором в Судиславском роно. В 1953 г. был назначен директором Залужской школы.

Анна Александровна Зезина родилась и выросла в деревне Березовец Ивановской области. Она всегда мечтала обучать детей, и ее мечта исполнилась. В 1937 г. поступила в Ярославский государственный педагогический институт по специальности «биология и химия», там познакомилась со своим будущим

¹ Используются материалы онлайн-проекта «Педагогические династии России», цитаты также приводятся по материалам сайта. URL: <https://dinastii.mpcenter.ru> (дата обращения: 15.05.2025).

мужем Анатолием Ивановичем. В 1947 г. они поженились. Супруги приехали работать в п. Судиславль Костромской области. Здесь Анна Александровна сначала работала в детском доме, а затем стала преподавать химию и биологию в Судиславской семилетней школе. В 1972 г. ушла на пенсию.

**Педагогическая династия Второвых — Чичериных —
Назаровых — Чумаевских — Ковтун — Разенковых —
Калининых — Малафеевых**

Общий педагогический стаж более 300 лет. Четыре поколения, 15 педагогов, четверо из которых участвовали в Великой Отечественной войне.

Педагогическая династия Второвых началась с Марии Ивановны Второвой, учительницы по образованию. По специальности не работала, зато передала любовь к профессии своим детям — пять из шести стали педагогами.

Старший сын Марии Ивановны, Никтополион Константинович Второв, начал работать в школе в 1931 г. после окончания Никольского педагогического училища, затем заочно окончил исторический факультет Вологодского государственного института им. Молотова. В 1935 г. уже стал директором Соловецкой неполной средней школы с. Соловецкое Боговаровского района. Принимал участие в Великой Отечественной войне, получил множество наград. С 1945 г. трудился директором мужской средней школы № 2 г. Буя.

Второй сын Марии Ивановны, Авенир Константинович Второв, после окончания Вохомского педагогического училища с 1938 г. первое время работал в школе д. Лапшино учителем физкультуры, затем в Вохомской школе учителем рисования.

В 1940 г. был призван в ряды Красной армии. Участвовал в Великой Отечественной войне, в 1943 г. был серьезно ранен и демобилизован в звании сержанта. Его педагогический стаж — 40 лет, большую часть которого он проработал в школе-интернате г. Буя, обучая рисованию и труду мальчиков.

Старшая дочь Марии Ивановны, Ангелина Константиновна Чичерина, по образованию учитель, как и ее муж, Анатолий Михайлович Чичерин. Супруги — выпускники школьного отделения Вохомского педагогического училища. Свою трудовую деятельность они начали с 1936 г. школьными учителями. Анатолий Михайлович также участвовал в Великой Отечественной войне.

Династия Афанасьевых

Общий педагогический стаж более 115 лет.

Глава династии — Максим Васильевич Афанасьев.

Максим Васильевич родился 4 августа 1915 г. в д. Бучалы Пронского района. В 1940 г. окончил РГПИ, факультет естествознания, по специальности «учитель химии и биологии» и устроился на работу по специальности в Федотьевскую среднюю школу Спасского района.

В 1940 г. был призван в армию. Участвовал в Великой Отечественной войне, в войне с Японией.

Награды: медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За освобождение Кореи», орден Красной Звезды, благодарности от Верховного главнокомандующего И. В. Сталина.

После окончания войны вернулся в родной Пронский район и всю оставшуюся жизнь проработал в системе образования. С 1949 г. — директор Пронской средней школы. Максим Васильевич восстановил сгоревшее во время войны здание Красной школы, отремонтировал здание Белой школы.

Сегодня в Пронской школе работают сын и внук Максима Витальевича — Юрий Максимович и Максим Юрьевич.

Елизавета Федоровна Афанасьева (Оськина) — супруга Максима Васильевича. Родилась 28 июля 1927 г. в с. Купля Шацкого района Рязанской области. В 1949 г. окончила РГПИ по специальности «история».

С 1949 г. — учитель истории, затем завуч Болынесельской средней школы Пронского района. С 1951 г. — учитель истории в Пронской средней школы. С 1974 по 1978 г. — учитель, затем завуч Пронской вспомогательной (коррекционной) школы.

Дети и внуки М. В. и Е. Ф. Афанасьевых продолжают их дело.

Династия Барабошкиных — Андреевых

Общий педагогический стаж более 510 лет.

Педагогическая династия Барабошкиных — Андреевых объединяет 18 педагогов. Основатель династии, Ефим Федорович Барабошкин, начал свой педагогический путь в 1918 г., обучая грамоте детей с. Малышев Лог Волчихинского района Алтайского края. Все дети Ефима Федоровича пошли по стопам отца и стали учителями. Двое его сыновей, Павел Ефимович и Алексей Ефимович, участвовали в Великой Отечественной войне, вернулись с фронта орденоносцами и продолжили преподавать.

Старший сын, Павел Ефимович Барабошкин, стал учителем биологии в Малышево-Логовской школе. Его дети последовали примеру отца и выбрали профессию учителя.

Средний сын, Алексей Ефимович Барабошкин, прошел путь от учителя истории и музыки до директора школы. Он руководил работой образовательных учреждений в селах Алтайского края Ярославцев Лог и Ребриха, а также в п. Волчиха. Дети Алексея Ефимовича тоже посвятили свою жизнь преподаванию.

Младший сын, Евгений Павлович Барабошкин, стал учителем биологии, химии и ОБЖ. Он 43 года проработал в школах Лужского района Ленинградской области, посвятив 33 года преподаванию в Городковской средней школе Ленинградской области.

Династия Бурмистровых — Ивановых — Лавровых — Сиковых

Общий педагогический стаж более 120 лет.

Основатель династии — Людмила Александровна Бурмистрова.

Она трудилась учителем начальных классов с 16 лет: сначала преподавала в д. Краснослудье, затем в Жидовичской, Перегинской и Бураковской школах, а также работала воспитателем в Язвищенской школе-интернате. Людмила Александровна награждена множеством медалей и почетных грамот, она краевед и соавтор «Энциклопедии Поддорского края».

Ее супруг, Виктор Арсентьевич Иванов, — участник партизанской бригады сопровождения продовольственного обоза в блокадный Ленинград. После увольнения из рядов Вооруженных сил он несколько лет работал учителем физической культуры в Краснослудской и Язвищенской школах. Удостоен звания «Ветеран труда», а также награжден медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За победу над Японией».

Их старшая дочь, Алла Викторовна Лаврова (Иванова), трудилась учителем в школе № 8 Великого Новгорода, удостоена знака «Отличник народного просвещения».

Представители третьего и четвертого поколений династии продолжили благородное дело и посвятили себя учительской профессии.

Лариса Сикова: «Бабушка часто цитировала Некрасова: “Сейте разумное, доброе, вечное, сейте! Спасибо вам скажет сердечное русский народ”. Эти строки — вечный девиз для всего педагогического сообщества».

Династия Моисеевых — Глебовых — Глушковых — Медведевых

Общий педагогический стаж более 100 лет.

В семье Моисеевых — Глебовых — Глушковых — Медведевых уже четыре поколения связали свою жизнь с педагогикой.

Сергей Александрович Моисеев прошел всю Великую Отечественную войну. После победы он был направлен по комсомольской путевке работать преподавателем в Центральное статистическое управление (ныне Федеральная служба государственной статистики), готовил кадры для машиносчетных станций. Его дочь, Надежда Сергеевна Глебова (Моисеева), окончив Ленинградский финансово-экономический институт (ныне Санкт-Петербургский государственный экономический университет), тоже выбрала профессию преподавателя и работала вместе с отцом.

Дети и внуки пошли по их стопам и преподают в школе № 172 в Санкт-Петербурге. Ксения Медведева: «Я считаю, человек не выбирает профессию, а, скорее, профессия выбирает человека!»

Династия Страшных — Любавиных

Общий педагогический стаж более 560 лет. Педагогическая династия Страшных — Любавиных объединяет 20 человек, преданных своему делу. В 2023 г. она стала абсолютным победителем Всероссийского конкурса «Лучшая педагогическая династия».

Главой по линии Страшных является Иван Иванович Страшнов, который после окончания Великой Отечественной войны преподавал химию и биологию в г. Лиепая Латвийской ССР. Его кабинет получил звание «Лучший кабинет биологии» в Латвийской ССР.

По стопам супругов Страшных пошли их дети и внуки.

Наталья Любавина, директор школы № 6 г. Великие Луки (Псковская область): «Меняются времена, формы, методы работы. Но я с трепетом храню главный подход в нашей деятельности, который пронесли через всю жизнь многие поколения моей семьи, — искренне любить свою работу и детей, видеть в каждом ребенке человека».

Династия Филипповых — Пальшиных — Политовых

Общий педагогический стаж (с конца XIX в.) более 1240 лет. Династия объединила 52 педагога.

За значительный вклад в развитие образования Республики Коми и Российской Федерации они имеют награды, почетные звания, дипломы, грамоты, благодарности. Многие из них трудились в сфере образования более 20–30 лет или отдали всю свою жизнь воспитанию и обучению детей. И сегодня представители династии продолжают заниматься педагогической деятельностью.

Родоначальник династии — Петр Исидорович Филиппов. Родился 25 декабря 1882 г. в с. Мошьюга в семье крестьянина-плотника. Проработал 49 лет учителем коми языка и русского языка, преподавал музыку в Мошьюгской, Бакуринской, Сизябской, Мохченской школах, занимался просветительской деятельностью.

Помимо детей Петра Исидоровича педагогический путь выбрал его племянник, Кирилл Мартынович Филиппов. Он вел в селе просветительскую деятельность, организовал избу-читальню. В 1937 г. поступил на заочное обучение в Коми государственный педагогический институт, был преподавателем русского языка и литературы. Во время Великой Отечественной войны, в 1943 г., он погиб на Ленинградском фронте. Его сын Николай продолжил просветительскую деятельность: он работал

учителем начальных классов более 20 лет, с 1973 г. был заведующим интернатом, а потом там же воспитателем.

Елена Власюк, учитель истории и обществознания МБОУ «СОШ» с. Усть-Кулом, Республика Коми: «Профессия педагога играет важную роль в современном обществе. На протяжении веков учителя принимали на себя ответственность за формирование и развитие будущего поколения. И сегодня они стремятся создать условия для максимального раскрытия потенциала каждого ученика. Быть педагогом — это талант, дарованный судьбой».

Судьбы учителей-фронтовиков

Каждый педагог-фронтовик становился не только носителем знаний, но и проводником исторической памяти. Эти учителя умели сделать военные переживания частью учебного процесса, используя свой личный опыт для вдохновения и воспитания патриотизма у подрастающего поколения. Уроки с использованием фронтового материала оживляли изложение истории, превращая ее в близкую и понятную своим ученикам, что делало изучение темы войны более глубоким и значимым [20].

Никто из педагогов — участников Великой Отечественной войны — не может быть забыт, так как они не только учили в классах, но и стали учителями жизни. Они запоминались своим ученикам как образцы для подражания [16].

Так, Алексей Александрович Александров, родившийся 26 апреля 1924 г. в д. Коркатово, стал символом педагогического долга. В годы Великой Отечественной войны он не только прошел службу на фронте, но и после возвращения из армии продолжил свою деятельность

в образовании, вдохновляя своих учеников своими жизненными уроками и наполненной смыслом историей [8].

В числе педагогов, чьи судьбы переплелись с фронтовыми испытаниями, можно также отметить Федора Васильевича Солодовникова. Несмотря на тяжелую судьбу и статус инвалида войны, он продолжал быть преданным своим ученикам. Служил примером того, как можно преодолевать жизненные трудности и при этом оставаться верным своим идеалам и профессии [11].

Судьба каждого из педагогов-фронтовиков — это пример служения своему народу и своей профессии, которую они воспринимали не только как работу, но и как свое призвание. После войны они не просто вернулись в классы; они вернулись к детям, чтобы передать свои знания и опыт, укоренив в их сердцах чувства гордости и ответственности за будущее Родины [8].

История семейной памяти, передаваемой из поколения в поколение, переплетена с судьбой учителей, которые во время Великой Отечественной войны не только обучали молодежь, но и защищали свою страну. Одной из ярких фигур в этой области является учитель Алексей Матвеевич Нелюбов, участник самых тяжелых боев тех лет [6]. Как хранитель памяти он был известен в своем районе. Его соратники и ученики всегда вспоминали о его мужестве не только на фронте, но и в школе.

Важным хранителем памяти о войне является также педагогическая династия фронтовика Владимира Никитича Пиксайкина [12]. Его дети и внуки много знают о той эпохе, активно участвуют в сохранении наследия, фотографии и воспоминания о том времени.

Существует традиция возлагать цветы к памятникам, увековечившим память о погибших. Так, в школе № 185 москвичи и жители Краснозерского района вспоминали своих учителей-фронтовиков, возлагая цветы к памятнику «Навечно в памяти народной» [5].

Хранение памяти о Великой Отечественной войне — это не просто изучение фактов и событий, но и глубокая патриотическая работа.

Роль современных педагогов в поддержании памяти о войне

Современные педагоги играют важную роль в сохранении памяти о Великой Отечественной войне, воспитания у детей патриотизма и гражданской ответственности. В современных условиях, когда историческая память становится объектом манипуляции и искажения, задачей педагогов является передача фактов о войне, формирование глубокого уважения к подвигам героев.

Одной из наиболее эффективных форм работы с детьми являются мини-музеи, такие как «Память о войне», которые организуются в учебных

Скульптурная композиция памяти учителей и выпускников школы № 1 г. Череповца, погибших в Великой Отечественной войне (скульптор А. В. Щепелкин). Установлена 11 сентября 1990 года на средства, собранные учениками школы

заведениях. Эти небольшие выставочные пространства позволяют наглядно представить экспонаты, альбомы и тематические папки [15]. Через работу с такими ресурсами педагоги создают условия для активного вовлечения детей в процесс познания истории, способствуя эмоциональному восприятию информации.

Изучение художественной литературы также занимает важное место в патриотическом воспитании. Дети изучают произведения, посвященные Великой Отечественной войне. Обсуждение этих произведений во время классных часов и уроков позволяет детям не только расширять свои знания о прошлом, но и формировать личное отношение к историческим событиям [1]. Сопоставление художественных текстов с документальными источниками углубляет понимание сложности и многогранности войны.

Педагоги часто организуют экскурсии в памятные места, где можно пообщаться с ветеранами и родственниками участников войны. Личное общение с ними дает возможность детям услышать реальные истории и задать вопросы, которые у них возникают. Эти встречи способствуют развитию уважения к ветеранам и гордости за их подвиги [2]. А экскурсии помогают детям почувствовать связь с прошлым и осознать масштабы исторических событий, а также оказывают влияние на формирование критического мышления и способности к анализу [1].

Важной составляющей работы педагогов является взаимодействие с родителями. Совместные мероприятия, такие как встречи в память о ветеранах, выставки, посвященные подвигам советского народа, способствуют формированию единого сообщества, способствующего сохранению памяти о войне. Передача исторической памяти не ограничивается рамками учебного процесса, она продолжается и в жизни семьи [6].

На уровне дошкольного образования особенно важно начинать работу по воспитанию патриотизма с раннего возраста. Педагоги детских садов разрабатывают и реализуют специальные программы, направленные на развитие духовно-нравственных основ у детей. Мероприятия проводятся в форме игр, рассказа историй о героях войны и выполнения творческих заданий. Воспитатели используют истории, связанные с участниками войны, их личными подвигами и переживаниями [7]. Это способствует не только развитию художественных навыков, но и углублению понимания значимости патриотизма в жизни каждого человека и общества в целом [9].

Сохранение памяти о Великой Отечественной войне — это многогранный и сложный процесс, в котором участвует не только школа, но и вся общественность. Педагоги, как хранители этой памяти, создают обстановку доверия и уважения, позволяя новым поколениям быть наследниками богатейшего исторического опыта народа.

Вопрос передачи памяти о Великой Отечественной войне молодому поколению стал особенно актуальным. Образовательные учреждения реализуют разнообразные воспитательные мероприятия, призванные не только информировать, но и формировать патриотическое сознание у детей, их уважение к истории и к подвигам предков. Современные школы используют различные формы работы: от уроков памяти до творческих соревнований и выставок, посвященных ключевым событиям войны [14].

Здесь также можно привести в пример проект «Алексей, Алешенька, сынок...», который стартовал в 2015 г., направлен на сохранение памяти о фронтовиках [5]. Участники проекта активно исследуют архивные данные, находя материалы, которые помогают потомкам воссоздать картину жизни своих предков.

Особое внимание уделяется искусству. Проектирование выставок, где представлены рисунки детей, посвященные войне, создает пространство для самовыражения, а также способствует осмыслению трагичных событий. Оформление стенгазет с информацией о боях и этапах войны помогает детям углубить свои знания и понять важность коллективной памяти [3].

Важно вовлекать детей в активные действия, такие как участие в викторинах, конкурсах и патриотических акциях. Это дает возможность применять полученные знания на практике и формировать навыки, которые будут необходимы в жизни. Программа «Уроки Победы», например, посвящена глубокому изучению событий, произошедших в 1941–1945 гг., и непосредственно касается каждой семьи в стране [14].

Социализация детей, их восприятие исторического контекста и умение уважать героев-ветеранов — это основа гражданского сознания и сопричастности к судьбе своей страны.

Формирование патриотизма на основе памяти о прошлом

Память о прошлом имеет ключевое значение для формирования гражданской идентичности и воспитания молодых людей. Это важный компонент образования, который помогает соединить прошлое и будущее, создавая устойчивые связи между поколениями [10]. В контексте династий педагогов-защитников, передача этого опыта становится особенно актуальной, так как педагоги не только несут знания, но и воспитывают будущих защитников своей страны.

Жизненный путь учителей в Великую Отечественную войну, полный трудностей и испытаний, олицетворяет непрекращающуюся борьбу за свободу и независимость. Каждый из них, возвращаясь с фронта, приносил с собой не только воспоминания о сражениях, но и стремление сохранить мирное небо над головой своих детей. Эти исторические события живут в воспоминаниях и рассказах, становясь неотъемлемой частью образовательного процесса [19].

Таким образом, историческая память выступает интерактивным инструментом в формировании представлений о гражданственности и патриотизме.

Вышеупомянутые экспозиции, выставки, школьные театрализованные постановки, посвященные теме войны и т. д., также выступают важными методами сохранения исторической памяти. Благодаря таким мероприятиям школьники не просто узнают о былых событиях, но и становятся активными участниками процесса, что углубляет их понимание истории и развивает патриотические чувства [18].

Заключение

Династии педагогов-защитников в годы Великой Отечественной войны не только сыграли значимую роль в сохранении исторической памяти, но и стали важным связующим звеном между прошлым и настоящим. Их подвиги и жертвы, а также стремление передать знания и опыт будущим поколениям, формируют уникальную культурную и образовательную традицию, которая продолжает жить и развиваться в современном обществе.

Судьбы учителей-фронтовиков, которые, несмотря на все трудности, продолжали выполнять свой долг, являются ярким примером мужества и преданности. Их истории, а также судьбы их детей, которые становятся хранителями семейной памяти, подчеркивают важность передачи знаний и ценностей из поколения в поколение.

Современные педагоги играют ключевую роль в поддержании памяти о войне. Их наставления и действия способствуют формированию

у учащихся чувства патриотизма. Воспитательные мероприятия, организуемые в образовательных учреждениях, становятся важным инструментом для передачи памяти о войне, позволяя молодому поколению не только узнать о героизме своих предков, но и увидеть свою роль в сохранении этой памяти.

Таким образом, династии педагогов-защитников, их наследие и усилия современных учителей в сохранении памяти о войне подчеркивают важность исторической правды и памяти в воспитании детей и молодежи. Это не только дань уважения к тем, кто сражался за Родину, но и необходимость формирования сознательного и ответственного общества, способного ценить мир и свободу. Память о Великой Отечественной войне, о подвиге наших предков должна оставаться живой, передаваясь из поколения в поколение, чтобы каждый из нас осознавал свою связь с историей и свою ответственность за будущее.

Список литературы

1. *Бобров К. М.* Сохранение памяти событий Великой Отечественной войны // Образовательный процесс. 2019. Вып. 10. С. 5–8.
2. *Быков А. К.* Воспитательный потенциал Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов и пути его реализации // ЦИТИСЭ. 2020. № 1. С. 336–346.
3. В памяти поколений: Материалы научной конференции, посвященной 75-летию Великой Победы / сост. Г. М. Бурдина, И. Е. Крапоткина. Елабуга: [б. и.], 2020. 136 с.
4. Великая Отечественная война. Цифры и факты / под ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: Просвещение, 1995. 112 с.
5. Всероссийский архивно-исследовательский проект «Алексей, Алешенька, сынок...»
6. *Гуркина Н. К.* Российская школа в годы Великой Отечественной войны (особенности управления и развитие образовательной системы) // Управленческое консультирование. 2020. № 10. С. 146–156.
7. Классный час «И дети тоже победили в той войне!» — сценарий // Российский учебник. URL: <https://rosuchebnik.ru/upload/service/uroki-pamyati.pdf> (дата обращения: 15.05.2025).
8. «Книга Памяти» Моркинского района. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1993. 440 с.
9. *Кулагина Л. А.* Опыт работы МАДОУ «Детский сад № 385» по сохранению исторической памяти о подвигах русского народа в Великой Отечественной войне // Современный урок. 11.10.2023. URL: <https://www.1urok.ru/categories/19/articles/64821> (дата обращения: 15.05.2025).
10. *Куликова И. Г., Ахмадуллин Ф. Р.* Сохранение исторической памяти как фактор гражданского и нравственного становления молодого человека // Теоретический и практический потенциал современной науки: сб. науч. ст. / науч. ред. А. Х. Цечоева. М.: Перо, 2019. Ч. II. С. 45–48.
11. *Макаревич Г. Г.* Учителя города Кемерово в годы Великой Отечественной войны // Сборник материалов VIII Всероссийской, научно-практической конференции молодых ученых с международным участием «Россия молодая» (19–22 апреля 2016 года). Кемерово, 2016. 721 с.

12. *Моисеенко О. А.* Роль исторической памяти в формировании гражданской идентичности современной России // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2022. № 4. С. 31–46.
13. *Овчинников А. В.* Роль государства и учительской общественности в обучении и воспитании школьников в годы Великой Отечественной войны (по материалам Московского региона) // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 2. С. 10–23.
14. Опыт патриотического воспитания советской школьной молодежи в первые послевоенные годы (1946–1956 гг.) / А. Е. Смирницкий [и др.] // Клио. 2024. № 4. С. 144–150.
15. *Попп И. А., Бурова А. И.* Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне: практико-ориентированный подход (на примере реализации Всероссийского студенческого патриотического проекта «Живая история») // Педагогическое образование в России. 2017. № 1. С. 129–134.
16. *Рабовалюк А. Ю., Давыдова Е. С.* Учителя Надеждинской школы — участники Великой Отечественной войны // Юный ученый. 2021. № 7. С. 56–65
17. Страницы летописи учительского подвига. Хроника школьной жизни в годы войны // Народное образование. 2010. № 4. С. 39–47.
18. *Устинкин С. В., Лубяной М. С., Самсонов А. И.* Коллективная историческая память как фактор формирования образа будущего // Власть. 2022. № 6. С. 151–165.
19. *Фролова С. В., Аксенов С. И.* Категории гражданской идентичности и культурно-исторической памяти в историко-педагогическом дискурсе // Грани познания. 2023. № 4. С. 23–27.
20. *Эйзен Т.* Фронтвик, учитель, наставник // Авангард. 2023. № 13. С. 1.

Ю. Г. Куровская

О героизме женщин-педагогов в годы войны (по материалам советской периодической печати)

Введение

В юбилейный год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне осмысление бессмертного подвига советских людей позволяет нам — ныне живущим поколениям — вновь прикоснуться к героической истории России. На великих примерах прошлого мы учимся выстраивать собственную жизненную и профессиональную траекторию, сверяя свои мысли и поступки с Победой, с бесстрашием, смелостью и отвагой народа всей страны, который смог пройти через страшные испытания военного времени, повергнуть врага и даровать нам свободу и жизнь. В этом случае точно и справедливо звучат слова С. В. Ивановой о том, что «определенность с позицией национальной идентичности приносит определенность в осознании себя всеми гражданами, накладывает отпечаток на их мироощущение, поведение, нравы, мораль, состояние духа» [2, с. 7].

Несомненно, большая заслуга в победе принадлежит советским учителям, которые неустанно укрепляли единство фронта и тыла, усиливая мощь Советской армии и страны. Среди них было много женщин. Именно о них и пойдет речь в статье.

«У войны не женское лицо...». Эти слова звучат особенно пронзительно, когда мы смотрим на это страшное событие глазами женщин-педагогов, судьба которых перевернулась в один день, и они, порой наравне с мужчинами, на пределе своих возможностей, на изломе человеческих сил, преодолевали жестокие военные испытания и каждым своим делом и помыслом делали очередной шаг к миру и свободе.

В грозный военный период побуждаемые безграничной любовью к своей Отчизне женщины-педагоги приносили ей плоды своего беззаветного труда, дары благородного помысла и поступки доблестной чести: во имя, во славу и на благо родины.

Для воссоздания суровой хроники войны мы обратимся к текстам центральных периодических изданий — газет «Правда» и «Известия» за 1941–1945 гг. — и на конкретных примерах, на простых, проникновенных и правдивых историях о ежедневном подвиге советских женщин-педагогов, посмотрим, как они своим героизмом приближали День Победы над фашистской Германией.

О героизме женщин-педагогов в тылу

В трудное военное время основным делом педагогов была работа в тылу. Крепость, резервы и силы тыла определяли победу в войне так же, как и боевые действия на фронте. Не щадя своих сил, вкладывая в дело всю свою энергию и веру в лучшее, учителя работали на ниве просвещения. Они приближали победу, обучая и воспитывая подрастающее поколение, подчинив свою профессиональную деятельность патриотическому воспитанию молодежи. Будучи горячими патриотами, страстными агитаторами и неутомимыми борцами против фашизма, педагоги взращивали в сердцах своих учеников пламенную любовь к Родине и жгучую ненависть к ее недругам, обогащали их знанием наук и воспитывали в них важные качества нового, советского человека — человека военного времени, человека, достойного своих героев-отцов и дедов, сражающихся против немецких захватчиков за счастье и свободу своего народа. Это была священная миссия и большая ответственность педагогов: «Вот, товарищи учителя, вам Родина доверила почти прозрачные детские души. Прозрачные и еще очень хрупкие... Не сломайте, не замутите...» [7, 02.09.1944, с. 2].

В этом учителям содействовали органы народного образования, на которых была возложена ответственность за дело обучения и воспитания молодого поколения в связи с уходом на фронт значительной части взрослого населения, а также значительного роста применения женского труда в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве.

В тяжелейшие годы войны советская школа, педагогическая общественность стали организу-

Волоколамск. Семилетки спешат в школу (иллюстрация к статье «Самые маленькие» в газете «Правда» от 2 сентября 1944 года, с. 2). Фотограф М. Калашникова

ющим и координирующим центром не только учебно-воспитательного процесса. Они взяли на себя и заботу о сохранении здоровья и обеспечении жизненно-бытовых условий детей и юношества, которую до войны несла на себе семья. Они также укрепляли дух и веру взрослого населения страны, придавая людям энергии и сил для сокрушения немецких захватчиков.

Например, в статье «Агитаторы Севастополя» [7, 03.04.1942, с. 2] рассказывается о широкой агитационной работе педагогов севастопольских школ, которая постоянно проводилась ими в бомбоубежищах города. Это были лекции, доклады, информационные сообщения не только о текущих событиях в судьбе родной страны, но и на самые разные темы, не связанные с войной, освещающие вопросы политики и обороны, истории и литературы и даже особенности географии капиталистических стран. Эти лекции, читавшиеся при переполненных аудиториях в тяжелейших условиях и непосредственной близости врага, стали основой сильного патриотического подъема жителей осажденного Севастополя и источником их духовного единения в стремлении отстоять колыбель и гордость Черноморского флота и разгромить противника.

Важнейшее значение для укрепления духовных скреп советского народа, воспитания преданных и стойких защитников Родины имело преподавание гуманитарных наук, прежде всего истории и литературы. Знание героического прошлого и настоящего России, ратных и трудовых подвигов народных героев, особенностей и этапов освободительной борьбы русского народа с иноземными захватчиками, уникального достояния науки и техники, литературы и искусства — все это служило мощным орудием воспитания подрастающего поколения страны.

Например, в статье «В тылу врага» («часть II. Урок истории») [3, 17.03.1942, с. 4] рассказывается о том, как во время карательной операции немцы, узнав, что в одной из деревень продолжала работать школа, сожгли ее здание. Учительница вместе с детьми ушла в лес, а после ухода карательного отряда собрала учеников в другой деревне, и школа — в полуразрушенной, ветхой избе — продолжила свою жизнь, в ней учились дети. Однажды на уроке истории ребята читали фрагмент книги А. В. Шестакова «История СССР», посвященный Родине: «...На земном шаре есть только одна социалистическая страна. Это наша родина. Она самая большая страна во всем мире. На севере ее вечные льды, а на юге летом так жарко, что вызревают апельсины и лимоны, растут чай и хлопок... Все, что нужно для жизни, имеется в нашей стране...». И когда в воздухе стал слышен гул пролетающих над ними немецких «Юнкерсов» с крестами и свастиками на фюзеляже, урок не прекратился, учительница лишь спокойно попросила школьников продолжать чтение.

Движимые любовью к детям и родной земле, педагоги с честью выполняли свою особую миссию — они продолжали обучать и воспитывать молодое поколение, давая школьникам все необходимые знания, воспитывая у них чувство причастности к своему народу, раскрывая в них черты доблестных граждан своей страны — истинных патриотов своего Отечества, то есть людей, на чьи плечи уже в послевоенное время ляжет серьезная ответственность за восстановление России, ее дальнейшее развитие и укрепление ее безопасности.

В это отношении справедливы слова Е. В. Мартыановой — заслуженной учительницы РСФСР, директора 39-й женской средней школы Фрунзенского района города Москвы, которая в статье «Победили наши идеи», опубликованной в газете «Правда» еще до Победы, в 1944 г., написала: «В огне войны были проверены идея и принципы воспитательной работы, которую вели и ведут партия, комсомол, школа. Эти идеи и принципы победили» [7, 09.11.1944, с. 2].

Работая в школе, учителя не ограничивались преподаванием школьных дисциплин. Своим собственным примером они приобщали юных патриотов к помощи стране и фронту, а дети, доверившись своим наставникам, всеми силами содействовали борьбе против фашистской Германии, не словом, а делом вносили свой вклад в спасение своей Родины, в укрепление ее экономической и оборонной мощи, свято, безоговорочно веря в грядущую победу.

Так, во исполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. о режиме рабочего времени рабочих и служащих, при организации массовой помощи колхозам и совхозам в деле проведения важнейших сельскохозяйственных работ, а самое главное — в деле уборки урожая были направлены силы десятков и сотен тысяч педагогов, работающих в средних и начальных школах Советского Союза. Каждый из них имел возможность сформировать бригаду из учеников старших классов и предложить свою помощь ближайшему колхозу. Каждая средняя школа могла под руководством учителей на летние работы отправлять в колхозы учеников четырех старших классов. Таким образом, школьные бригады сумели сначала прополоть, а затем своевременно убрать многие сотни тысяч гектаров, а значит, оказать содействие победе над фашистской Германией [3, 28.06.1941, с. 3].

Широкий, массовый характер участия школьных бригад в сельскохозяйственных работах показан в статье «Советская школа в годы войны»: «на полях одной только Омской области сельскохозяйственными работами было занято 157 000 школьников. Свыше ста тысяч школьников трудились в колхозах и совхозах Красноярского края. Учащиеся перевыполняли установленные нормы. В Рязанской области за летний период 1941 г. школьники выработали около 2 миллионов трудодней» [3, 20.02.1942, с. 1].

Бесценной была и помощь фронту со стороны педагогов и их учеников, которые отправляли бойцам Красной армии письма и подарки и тем самым всегда были незримо рядом с воинами, поддерживали их всем сердцем, придавали им силы на ратном поле: «Недавно в Калининский горсовет пришла ученица 25-й школы Ира Орлова. Она принесла посылку, в которой оказались два носовых платка, собственноручно ею вышитых, конверты, карандаши, носки, папиросы. На листке бумаги старательным детским почерком было выведено: “Лучшему бойцу от Иры Орловой, ученицы второго класса”. Таких посылок поступают тысячи» [3, 30.08.1941, с. 1].

В письме И. В. Сталину, написанном киргизской пионеркой Алмой Акуновой и опубликованном в газете «Правда» в начале 1943 г., повествуется о том, что далеко в горах, где она жила и ходила в школу, каждое утро учительница читала детям газету, в которой рассказывалось о страшных тяготах войны, потом они находили на карте город Сталинград на Волге, а от него и другие города, которые советские войска доблестно отвоевывали у фашистских захватчиков. А когда пионеры узнали, что взрослые собирали деньги на танки, они решили строить танк «Пионер Киргизии». Девочка скопила 2 тыс. рублей, все их отдала на создание танка «Пионер Киргизии» и попросила вождя передать этот танк «самому храброму воину, как Чолпонбай Тулебердиев, Дуйшенкул Шопоков, Александр Чекалин» [7, 16.01.1943, с. 2].

В годы военных испытаний учителя занимались не только обучением и воспитанием детей. На их плечи легли все печальные тяготы войны, и они несли их с гордостью, не склоняя головы. Труд во имя победы целиком заполнил жизнь учительниц, и в нем они находили спокойствие души, надежду на светлое будущее и силы для новых испытаний. Так, статья «Беззаветный, самоотверженный труд миллионов советских патриотов обеспечит полную и окончательную победу над врагом», опубликованная в самом начале войны в страшные для всей страны дни уходящего июня 1941 г., описывает, как одна деревня с патриотическим подъемом проводит мобилизацию в колхозе, как ее жители трудятся с утроенной энергией на полях, бережно охраняют созревающие хлеба, и показывает идущий от сердца энтузиазм учительницы из местной школы, которая пришла в сельсовет и решительно сказала: «Что вы мне поручили — все сделала. Дайте работу. Сидеть в эти дни без дела, быть просто наблюдателем я не могу» [3, 26.06.1941, с. 3].

Выходя за рамки своей профессии ради помощи фронту, учительницы, еще вчера работавшие в школе, достигали масштабных результатов, обеспечивших железный тыл для Красной армии и выживание страны в тревожных военных условиях. «Вы посмотрите, как у нас другие женщины руководят колхозами, бригадами. Софья Ивановна Милова недавно была учительницей, теперь — председатель сельпо. Во всем

мне помогает. Берет велосипед и едет с повестками к мобилизованным, собирает совещания, проводит беседы» [3, 02.07.1941, с. 3].

Многие из женщин-педагогов, заменив ушедших на фронт мужчин, быстро овладевая совершенно новыми для них, сложными профессиями, осваивая технику и тяжелый физический труд на производстве и в сельском хозяйстве, становились квалифицированными специалистами: колхозниками, строителями, слесарями, станочниками, шоферами, ремонтными рабочими и вели героическую работу, размах и значение были бесценны для всего народа, для грядущей победы. Вот что по этому поводу в июне далекого 1941 г. написала сельская учительница Голод: «Наши мужья, отцы, братья и сыновья по первому зову правительства пойдут с оружием на обнаглевших разбойников, чтобы жестоко их проучить, а мы, женщины, займем их место на производстве, в колхозах, совхозах и будем трудиться так, как подобает советской женщине-патриотке» [3, 24.06.1941, с. 3].

Не забудем мы и ежедневный подвиг героини обороны Севастополя, пожилой учительницы Федоринчик, которая, проводив четырех сыновей на фронт, наравне с другими жителями города строила укрепления и бомбоубежища, сопровождала плавучие госпитали, спасала раненых моряков и детские жизни [7, 11.05.1942, с. 1].

О героизме женщин-педагогов в оккупации и на фронте

Истинный героизм женщины-педагога проявили также и на передовой линии боя, и на оккупированных территориях.

Великая Отечественная война вызывает чувства, несовместимые с женским созидательным началом, — это смерть, боль, утрата, страх. Но жизнь распорядилась по-своему, и на фронт рядом с мужчинами шли женщины. По велению души и сердца женщины-педагога вызывались на фронт с самых первых дней войны, чтобы на линии непрерывного

Заметка «На фронт!» в газете «Известия» от 10 октября 1941 года, № 240, с. 3

огня стоять на страже Родины и защищать страну от немецких оккупантов.

Они не только спасали, перевязывали и оберегали раненых бойцов, но и сами стреляли во врагов из оружия, сбивали немцев на самолетах, подрывали их стратегически важные объекты, ходили в разведку за ценными сведениями.

Не может оставить равнодушным статья о храбрости 18-летней учительницы Шуры Воротниковой, которая отважно, с оружием в руках, сражалась на фронте: сначала девушка работала в санбате, где спасла 28 раненых воинов Красной армии, а затем служила в разведке, где она не просто собирала ценные сведения о противнике, а вела разведку боем. Однажды, в ожесточенном бою у Н-ского шоссе, молодая учительница с отрядом автоматчиков перерезала вражескую дорогу, создав тем самым плацдарм для наступления наших войск. Затем она добровольно повела второй отряд на помощь товарищам, сражавшимся в тылу врага. Шесть дней Шура участвовала в ожесточенных боях, оставаясь живой и невредимой, «точно ее охранила какая-то могучая сила. Какая? Она называет ее: смелость». И этот искренний, позволяющий пережить все испытания судьбы патриотизм совсем юной учительницы стал настоящей легендой среди бойцов [3, 18.03.1942, с. 2].

На оккупированных немцами территориях было известно, что любой советский человек, который укроет у себя раненого красноармейца, будет убит. Об этом знали все, даже маленькие дети. Но в сердцах советских людей было нечто сильнее страха смерти — чувства добра и дружбы, верности и чести, милосердия и благородства, долга и справедливости, воспитанные Родиной. И потому советские люди делали то, за что в любую минуту могли заплатить своей жизнью.

В статье «Подвиг учительницы Митяевой» [7, 19.12.1941, с. 1] описывается отвага учительницы Зинаиды Михайловны Митяевой из села Каменка, которое немцы оккупировали в конце ноября, захватив там в плен семь тяжелораненых красноармейцев. Однажды холодной ночью немцы выбросили на улицу совершенно раздетых раненых бойцов, и тогда Зинаида Митяева вместе со своими учениками перенесла их на чердак своего дома, утеплила его и затем в течение десяти дней (до прихода советских войск) ухаживала за советскими солдатами. С помощью учеников она делала им перевязки, приносила питание, охраняя их жизни от немецких оккупантов. Когда Красная армия пришла в деревню, то воины, спасенные бесстрашной Зинаидой Митяевой и ее учениками, были сразу отправлены в госпиталь.

Всей стране известны сила духа и неустрашимость народной учительницы школы № 4 города Ельца Варвары Филипповны Ляшковой, которой во время оккупации удалось сберечь жизнь 33 красноармейцев. Вместе со своими учениками она прятала от немцев раненых солдат

на чердаке школы до прихода Красной армии: кормила их два раза в день, кипятила воду, многим достала штатскую одежду на случай побега.

За спасение красногвардейцев учительница была награждена Военным советом фронта орденом Красной Звезды: «Скромный педагог, воспитавший за четверть века тысячи верных сынов родины, пламенных патриотов своей страны. Все приветствовали народную героиню, которая в тяжелую минуту, не задумываясь, рискнула своей жизнью, чтобы спасти жизни бойцов Красной Армии» [7, 25.01.1942, с. 4].

Из статьи «Письма о мужестве и чести» мы узнаем о самоотверженности и жертвенности учительницы Н. С. Левандовской, которая в условиях немецкой оккупации Константиновки на Донбассе рисковала своей жизнью и жизнями близких — больного туберкулезом ребенка и 70-летнего отца — ради того, чтобы поддержать попавших в беду товарищей, сохранить в них бодрость и жизненную силу. Она вместе с матерями своих бывших учеников собирала продовольствие для военнопленных, страдавших от голода и цинги, и доставляла его в лагерь. Также она распространяла листовки, утешала матерей угнанных в Германию дочерей и информировала военнопленных о действиях Красной армии. Делала это учительница, «повинуясь тому, что было сильнее всего: чувству долга и чести, воспитанному в ней родиной» [3, 17.03.1944, с. 4].

Нельзя без боли читать и про патриотизм педагога Нины Ивановны Криворучко, от огня и гранаты которой погибли немецкие офицеры, нагрянувшие в с. Липовки [3, 11.10.1941, с. 2]; и про стойкость простой советской учительницы из небольшого городка, оккупированного немцами, Веры Букреевой, которая была схвачена ими, брошена в гестапо, зверски там замучена и казнена за то, «что с приходом красных она могла бы выдать людей, помогавших немцам» [3, 12.02.1942, с. 2]; и про отвагу учительницы из деревни Битюг Курской области Марии Степановны Дородных, которая запротестовала против кровавой расправы над ни в чем не повинными школьниками — братьями Захаром и Василием Казначеевыми — и была повешена немцами [3, 28.02.1943, с. 1]; и про расстрел учительницы Верглинской школы Аси Новаковой во время оккупации Солнечногорского района [7, 14.02.1942, с. 3].

Многие педагоги сражались в партизанских отрядах. Так, например, учительница из Черепетского района Тульской области А. Музалевская, подвергаясь смертельной опасности, в сложнейшей ситуации оказывала большое содействие партизанам: она прятала их у себя, доставала им продовольствие и одежду, оказывала медицинскую помощь. За героические действия А. Музалевская награждена орденом «Знак Почета» [3, 05.02.1942, с. 1].

С началом войны перевернулась и судьба молодой учительницы из с. Юрьевское Лизы, мечтавшей посвятить всю свою жизнь школе. Девушка, вступив сначала в истребительное подразделение, вскоре перешла

в партизанский отряд, стала разведчицей. Она, рискуя жизнью, проникла в оккупированные деревни, собирая подробные сведения о расположении немецких войск, об их боевых укреплениях и солдатских постах. Однажды, выполняя очередное задание по сбору данных о крупном вражеском гарнизоне в деревне К., Лиза была схвачена и убита немцами. Ценой своей жизни она сумела передать важную информацию, которая помогла освободить родное село от захватчиков [3, 08.03.1942, с. 3].

Таких историй — трогательных, героических, трагических — много. Все они показывают неизменное мужество и подлинный героизм женщин-педагогов, проникающие в глубину души и увековечивающие память о них в великой летописи нашей страны и в наших сердцах.

Заключение

В статьях центральной прессы военного времени находят отражение истории об учительницах, их героической храбрости и самоотдаче в сражении за свою родину, за свой народ. Можно смело утверждать, что ни в одной войне, как в Великой Отечественной, роль женщин-педагогов не была столь существенна.

В грозные военные годы тыл был в значительной мере на плечах советских женщин, среди которых педагоги внесли важнейший вклад в поддержку стране. Проявляя материнскую заботу об учениках, оберегая детей, потерявших родителей на поле боя, учительницы помогали государству обучать и воспитывать молодое поколение в лучших педагогических традициях, обеспечивая тем самым «сохранение образовательного пространства страны, сохранение школьной системы, а главное, учащихся — человеческого потенциала» [5, с. 15]. Будучи страстными патриотами, они активно участвовали в агитационной работе, читали лекции на разные темы и рассказывали о событиях в стране, создавая у тысяч людей чувство непоколебимого единства в жестокой, многолетней битве с противником, помогая им вынести страшное бремя военной трагедии и двигаться только вперед — к победе над фашистской Германией.

Тысячи советских женщин-педагогов овладели новыми, часто мужскими, профессиями, освоили технику, приобрели необходимые знания и опыт, став надежной опорой производству у заводских станков и сельскому хозяйству на колхозных полях. Они окружали вниманием и заботой раненых, организовывали сбор средств в Фонд обороны щедро и от всего сердца слали бойцам на фронт письма, подарки и теплые вещи.

С беззаветным мужеством женщины-учителя сражались на фронте, с оружием в руках помогая Красной армии громить врага. Они героически боролись против немцев в партизанских отрядах, самоотверженно спасали жизнь раненым бойцам под артиллерийским огнем. Они с воодушевлением и энтузиазмом овладевали военными и санитарными

знаниями и навыками, изучали разные виды боевой подготовки, проходили медицинскую практику в госпиталях. Часто, пренебрегая смертельной опасностью, учительницы под непрерывным обстрелом немецких самолетов участвовали в строительстве оборонительных рубежей.

По зову сердца и призвания женщины-педагоги выполняли свой долг — профессиональный, гражданский, человеческий, — став для нас истинным «идеалом учителя» [4]. И сегодня мы — поколение современных педагогов — свято чтим их выдающийся нравственный подвиг, навсегда сохраненный в истории страны и человечества. С благодарностью за нашу победу, нашу свободу, нашу жизнь мы несем почетное знамя педагогической профессии [6], веря и зная, что «образование и педагогика стоят у истоков будущего. На этой площадке не в меньшей степени, чем на экономических и технологических, решается вопрос: каким оно будет, наше будущее?» [1, с. 14].

Список литературы

1. *Иванова С. В.* Несколько рассуждений о современной педагогической науке // Ценности и смыслы. 2018. № 3. С. 6–15.
2. *Иванова С. В.* О гражданственности, национальной идентичности, безопасности // Ценности и смыслы. 2012. № 5. С. 4–9.
3. Известия. 1941–1945.
4. *Лельчицкий И. Д., Лукацкий М. А.* Идеал учителя как научное понятие: историко-педагогический аспект // Педагогика. 2005. № 1. С. 79–85.
5. *Овчинников А. В.* Власть и учительство России в годы Великой отечественной войны // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. Т. 1. № 2. С. 7–17.
6. *Овчинников А. В.* О моих учителях — участниках Великой отечественной войны // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 2. С. 141–143.
7. Правда. 1941–1945.

Список сокращений

АПН	— Академия педагогических наук
АССР	— Автономная Советская Социалистическая Республика
БГСО	— комплекс норм «Будь готов к санитарной обороне»
БГТО	— комплекс норм / значок «Будь готов к труду и обороне»
ВКП(б)	— Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ	— Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
всеобуч	— всеобщее обязательное обучение детей школьного возраста
ГКО	— Государственный комитет обороны СССР
ГСО	— комплекс «Готов к санитарной обороне»
ГТО	— комплекс норм «Готов к труду и обороне»
ГУТР	— Государственное управление трудовых резервов
ЖУ	— железнодорожное училище
исполком	— исполнительный комитет
МАССР	— Мордовская Автономная Советская Социалистическая Республика
МПВО	— местная противовоздушная оборона
МТС	— машинно-тракторная станция
нарком	— народный комиссар
наркомат	— народный комиссариат
Наркомпрос	— Народный комиссариат просвещения
облздравотдел	— областной отдел здравоохранения
облместпром	— областное управление местной промышленности
облоно	— областной отдел народного образования
облплан	— областная плановая комиссия
облторготдел	— областной отдел торговли
ПВХО	— противовоздушная и противохимическая оборона
РАО	— Российская академия образования
РГПУ (РГПИ)	— Российский государственный педагогический университет (институт)
РК	— районный комитет
РККА	— Рабоче-крестьянская Красная армия
РУ	— ремесленное училище
СНК, Совнарком	— Совет народных комиссаров
СПб АППО	— Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования
ФЗО	— фабрично-заводское обучение
ЦК	— центральный комитет

Сведения об авторах

1. **Агеева Валентина Анатольевна** — кандидат исторических наук, доцент; декан факультета истории и филологии Таганрогского института им. А. П. Чехова, филиала ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет»

2. **Апажева Елена Хасановна** — доктор исторических наук; профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова»

3. **Васильева Ольга Юрьевна** — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик РАО; президент ФГБУ «Российская академия образования»

4. **Вахрушева Нина Афанасьевна** — директор музейно-выставочного центра ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет»

5. **Горячев Николай Евгеньевич** — кандидат исторических наук; доцент кафедры отечественной и зарубежной истории и методики обучения ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева»

6. **Гукаленко Ольга Владимировна** — доктор педагогических наук, профессор, академик РАО; заведующая кафедрой ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»

7. **Дамдинов Алдар Валерьевич** — кандидат исторических наук, доцент; ректор ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»

8. **Захаровский Леонид Владимирович** — кандидат исторических наук; доцент ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

9. **Кнор Светлана Юрьевна** — заместитель директора ГБОУ «Школа № 56 имени академика В. А. Легасова», г. Москва

10. **Куровская Юлия Геннадьевна** — доктор педагогических наук, доцент; ведущий аналитик лаборатории сравнительной педагогики и истории образования Центра развития образования ФГБУ «Российская академия образования»

11. **Ларионова Марина Бариевна** — кандидат исторических наук; доцент ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

12. **Милова Ирена Алексеевна** — аспирант Института педагогики ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена»

13. **Молотов Кристиан Сергеевич** — учитель истории и обществознания ГБОУ «Школа № 56 имени академика В. А. Легасова», г. Москва

14. **Надькин Тимофей Дмитриевич** — доктор исторических наук, доцент; заведующий кафедрой отечественной и зарубежной истории и методики обучения ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева»

15. **Овчинников Анатолий Владимирович** — доктор педагогических наук, член-корреспондент РАО; научный руководитель лаборатории сравнительной педагогики и истории образования ФГБУ «Российская академия образования»

16. **Околотин Владимир Сергеевич** — доктор исторических наук, доцент; заведующий кафедрой истории России Института гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

17. **Осипова Ирина Васильевна** — кандидат педагогических наук; профессор ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

18. **Павленко Владимир Денисович** — кандидат исторических наук, доцент

19. **Павленко Галина Константиновна** — кандидат исторических наук, доцент

20. **Разинков Сергей Львович** — кандидат исторических наук; доцент ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

21. **Расчетина Светлана Алексеевна** — доктор педагогических наук; профессор кафедры теории и методики воспитания и социальной работы Института педагогики ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

22. **Садовникова Жанна Витальевна** — кандидат педагогических наук, заместитель президента ФГБУ «Российская академия образования»

23. **Санжиева Татьяна Ефремовна** — доктор исторических наук; профессор кафедры истории Бурятии ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»

24. **Стрельников Максим Александрович** — ассистент кафедры истории и международных отношений ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

25. **Убеева Ольга Александровна** — кандидат исторических наук, доцент; ведущий специалист Представительства ФГБОУ ВО «Российская

академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» в Республике Бурятия

26. **Федорова Наталья Михайловна** — доктор педагогических наук; заведующая кафедрой истории педагогики и образования Института педагогики ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

27. **Фомина Наталья Николаевна** — доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО; научный руководитель лаборатории развития художественно-эстетического творчества Центра развития дополнительного образования ФГБУ «Российская академия образования»

28. **Фроленкова Ирина Юрьевна** — кандидат философских наук; руководитель Центра воспитания развития личности ФГБУ «Российская академия образования»

29. **Чумаченко Татьяна Александровна** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАО; руководитель Южно-Уральского научного центра ФГБУ «Российская академия образования»

30. **Шойдонова Алтына Мункожаргаловна** — кандидат исторических наук; доцент кафедры истории Бурятии ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»

31. **Шукшина Татьяна Ивановна** — доктор педагогических наук, профессор; проректор по научной работе Мордовского государственного педагогического университета им. М. Е. Евсевьева, руководитель Мордовского научного центра ФГБУ «Российская академия образования»

Научное издание

**СИСТЕМА
ОБРАЗОВАНИЯ,
ПЕДАГОГИ И ДЕТИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ**

В ТРЕХ ТОМАХ

Том 2

**Дети и педагоги
в годы Великой
Отечественной войны**

Оригинал-макет подготовлен:

Автономная некоммерческая организация
«Центр историко-культурных публикаций и выставок «Наследие»
123112, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский,
наб. Пресненская, д. 10, стр. 2, пом. 5Н

Подписано в печать
Формат 170 × 240 мм
Печ. л. 16
Тираж 500 экз.
Заказ

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Чеховский Печатный двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Тел.: (495) 270 73 59
sales@chpd.ru; <https://www.chpd.ru/>